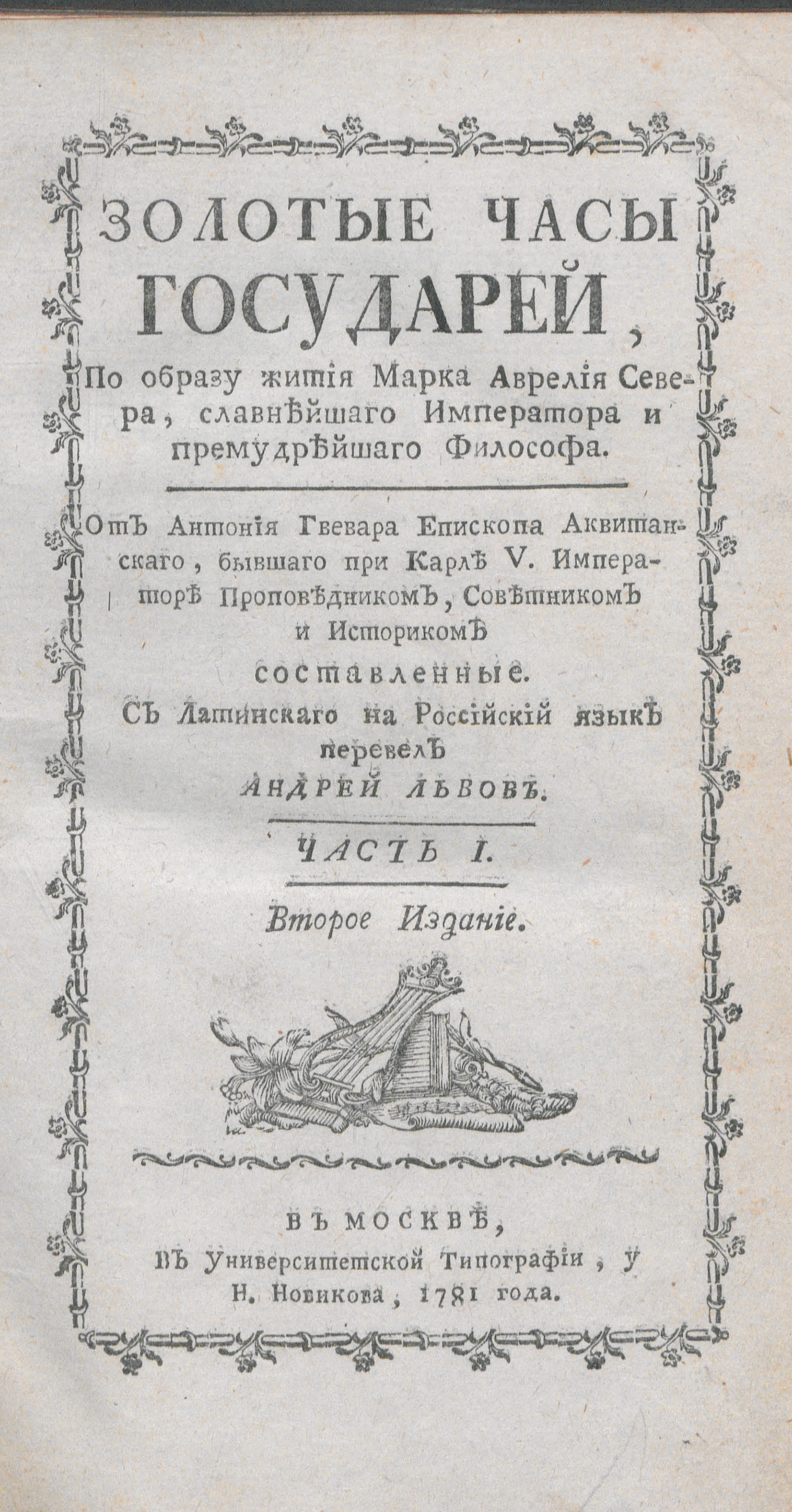

ЗОЛОТЫЕ ЧАСЫ ГОСУДАРЕЙ,

По образу житія Марка Аврелія Севера, славнѣйшаго Императора и премудрѣйшаго Философа.

Отъ Антонія Гвевара Епископа Аквитанскаго, бывшаго при Карлѣ V. Императорѣ Проповѣдникомъ, Совѣтникомъ и Историкомъ

составленные.

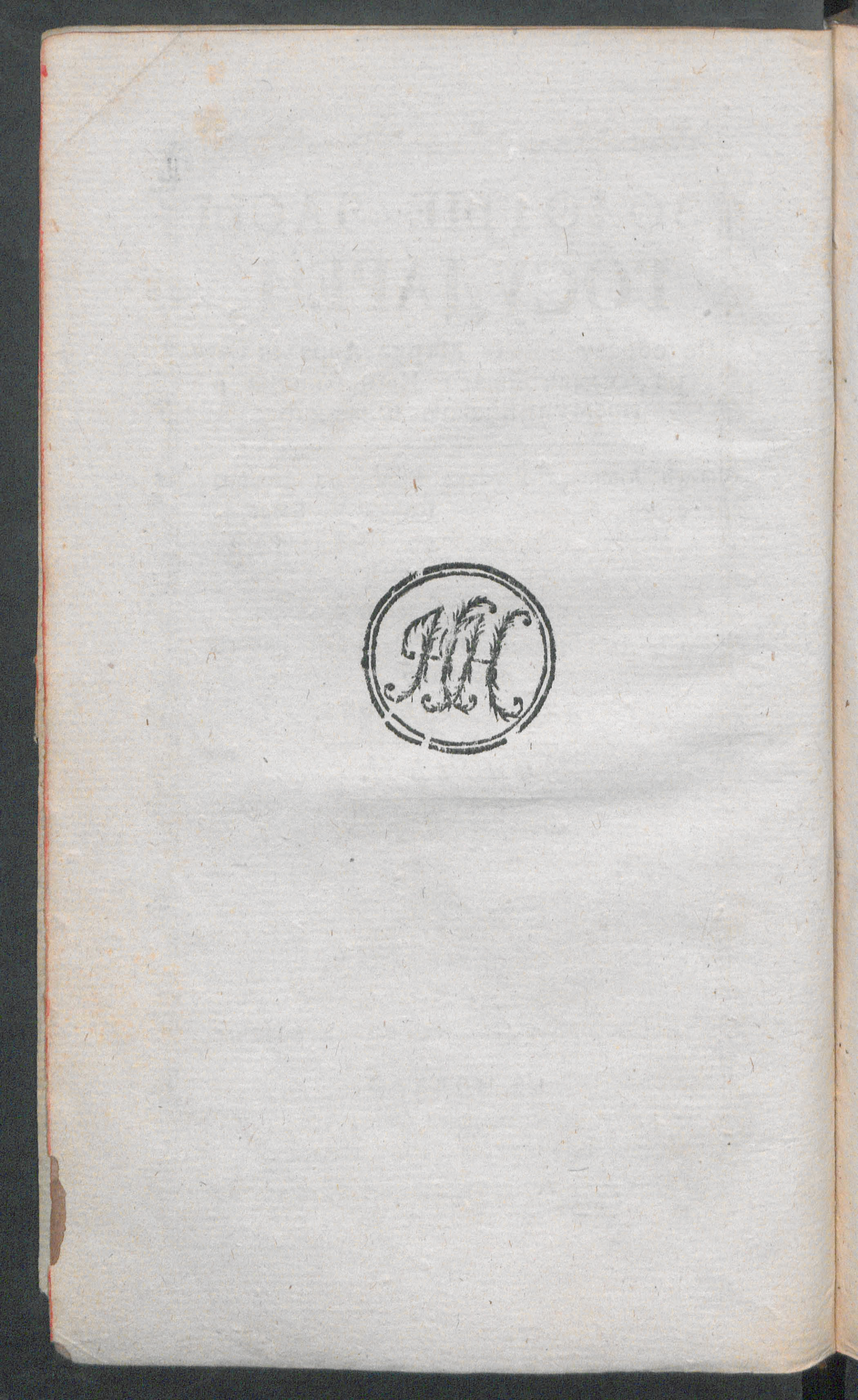
Съ Латинскаго на Россійскій языкъ перевелъ

Андрей Львовъ.

ЧАСТЬ I.

Второе Изданіе.

ВЪ МОСКВѢ,
Въ Университетской Типографіи, у Н. Новикова, 1781 года.

ПРЕСВѢТЛѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ

ЦЕСАРЕВИЧУ и ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

ПАВЛУ ПЕТРОВИЧУ,

НАСЛѢДНИКУ ВСЕЯ РОССІЙСКІЯ

ИМПЕРІИ,

Владѣтельному Герцогу

ГОЛСТЕЙНЪ-ШЛЕЗВИГСКОМУ,

Стормарнскому и Дитмарсенскому,

ГРАФУ ОЛЬДЕНБУРГСКОМУ

и Дельменгорстскому, и прочая.

Милостивѣйшему Государю.

Всенижайшее посвященіе.

ПРЕСВѢТЛѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ!

Милостивѣйшій Государь!

Побуждаясь примѣрами другихъ усердствующихъ общей пользѣ, хотя ко принесенію равныхъ плодовъ чувствую въ себѣ слабость силы и разума, отважился я настоящимъ трудомъ по крайней мѣрѣ изъявить мою къ отечеству ревность.

Сей предметъ былъ главною причиною, что я нашедъ достойную примѣчанія книгу *Золотые Часы Государей*, перевелъ съ Латинскаго языка на Россійской.

Разсуждая же по важности матеріи и титула, не нахожу, кому бы оная, кромѣ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА Особы, приличнѣе посвящена быть могла. Чего ради всенижайше осмѣливаюсь принести ее ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ не въ примѣръ или образецъ: ибо мудрость и добродѣтели ВАШИ всему свѣту извѣстны: но съ симъ единственно намѣреніемъ, дабы оная, получа отъ ПРЕСВѢТЛѢЙШАГО ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА Имени сіяніе, тѣмъ боль-

бо́льшую возъимѣла важность, и вящшее привлекла на себя вниманіе любопытныхъ читателей.

Пріими съ благоволеніемъ, ПРЕСВѢТЛѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ, отъ недостойнаго раба, сіи Золотые Часы Государей! Озари ихъ лучами ТВОИМИ! и при благополучномъ здравствованіи многолѣтно живи времена златыя, къ утвержденію и укрѣпленію благословеннаго Дому ПЕТРА ВЕЛИКАГО, прадѣда ВАШЕГО, ко славѣ и украшенію Вседражайшія ВАШЕЯ родительницы ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКІЯ, и ко благоденствію Всея Россійскія Имперіи.

ПРЕСВѢТЛѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ!

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА

Всенижайшій рабъ

Андрей Лъпопъ.

ЗОЛОТЫЕ ЧАСЫ ГОСУДАРЕЙ

Раздѣляются на шесть частей.

въ I. и II.

Изображается, коль нужно и полезно Государю быть истиннымъ Христіяниномъ.

въ III. и IV.

Какимъ образомъ Великіе Государи и Князи съ супругами своими поступать, и дѣтей своихъ воспитывать и наставлять долженствуютъ.

въ V. и VI.

Какъ Государь самимъ собою и государствомъ своимъ управлять долженъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ ВООБЩЕ,

ОТЪ АНТОНІЯ ГВЕВАРА

КЪ

КАРЛУ ПЯТОМУ ИМПЕРАТОРУ РИМСКОМУ,

НА ЖИТІЕ МАРКА АВРЕЛІЯ, СЪ ЧАСАМИ ГОСУДАРЕЙ.

Аполлоній Ѳіанейскій, въ словопрѣніи съ Іарховыми учениками, сказалъ: *нѣтъ ничего свойственнѣе отъ природы, какъ желаніе, касающееся до сохраненія жизни, которое мы всѣ имѣемъ.* О истиннѣ сего, и кромѣ ограниченія знаменитѣйшихъ Философовъ, повседневное увѣряетъ искуство. Ибо для жизни трудятся человѣки, летаютъ птицы, плаваютъ рыбы, кроются въ пещерахъ звѣри. Словомъ: *нѣтъ ни одного толь безумнаго животнаго, которое бы не имѣло естественнаго желанія къ жизни.*

Что же многіе изъ древнихъ язычниковъ презрѣвъ жизнь, кажется, добровольно искали смерти; то дѣлали они сіе не отъ презрѣнія и ненависти къ жизни; но уповая, что ежели они пренебрегутъ жизнь, мы память ихъ въ великой чести имѣть будемъ. Понеже высока-

блюдаетъ добраго порядка, и съ сосѣдьми не живетъ спокойно: такому надлежитъ принять опекуновъ, которые его, какъ глупаго, наставлять должны; или изключенну быть, яко непотребному, изъ числа народа. Ибо никто не приводитъ общества въ большій безпорядокъ, какъ тѣ, кои нестройно жизнь свою провождаютъ. По истиннѣ весьма важную причину имѣлъ Платонъ къ постановленію сего закона. Понеже изверженнымъ быть изъ числа гражданъ, и окованнымъ на подобіе сшедшаго съ ума, по всякой справедливости достоинъ, кто самъ собою будучи отчаянной и погибельной, не радитъ о домѣ, имѣетъ злонравную семью, и возмущаетъ тишину града. Ибо многіе съ ума сшелшіе, кои заключены въ оковахъ, получа свободу, не учинили бы толико зла, какъ нѣкоторые посреди народа живущіе на волѣ. Не сыщешь ни одной изъ знатныхъ и высокихъ обоего пола персонъ, котораябъ не великодушнѣе снесла ударъ въ голову камнемъ, нежели малое поврежденіе чести; *потому что головная рана въ мѣсяцъ заживаетъ; но пятна чести и чрезъ цѣлую жизнь вывесть никакъ не можно.*

Лаерцій въ шестой книгѣ о житіи Философовъ повѣствуетъ, что Діогенъ будучи вопрошенъ: *какое намѣреніе имѣли законодавцы?* отвѣтствовалъ: *вѣдай, другъ мой, что намѣреніе древнихъ людей и предметъ Философовъ, не иныя были, кромѣ чтобъ научить*

гра-

граждань своихъ, какимъ образомъ въ рѣчахъ, обхожденіи, пищѣ, снѣ, стяжаніи, одѣяніи, трудѣ и покоѣ каждый поступать долженъ; понеже общества человѣческаго наивящшее благо въ томъ заключается, чтобъ всякъ домомъ управлялъ порядочно, и жизнь велъ благочинно. И по истиннѣ Философъ въ семъ не ошибся. *Ибо не для иной причины законъ установляютъ, какъ токмо для тѣхъ, кои живутъ безпутно и беззаконно.*

Люди, желающіе спокойно и безмятежно провождать жизнь, должны воспріимать извѣстный родъ и образъ жизни. Однакожъ не по самовластію воли нашей; но тотъ родъ жизни, который отъ Бога каждому для удобнѣйшаго спасенія души предписанъ, избирать надлежитъ. Ибо суетные человѣки болѣе къ тому, къ чему побуждаютъ чувства, нежели къ тому, что сходственно и согласно съ разумомъ, прилѣпляются.

Дерева съ самаго того времени, какъ созданы, всегда производятъ листы и плоды перьвому началу своему сообразные; какъ то самая вещь гласитъ, что на финиковомъ деревѣ финики, на смоковномъ смоквы, на орѣховомъ орѣхи, на грушевомъ груши, на каштанномъ каштаны, и на дубовомъ желуди родятся; напослѣдокъ, всѣ вещи до днесь сохранили перьвоначальный свой образъ, кромѣ грѣшнаго человѣка, падшаго въ беззаконіе. Планеты, звѣзды, небеса, воды, земля, огонь, воздухъ,

животныя, зелія, рыбы, въ каковомъ созданы, въ таковомъ и по нынѣ состояніи пребываютъ, не жалуясь и не завидуя другъ другу; одинъ токмо человѣкъ не престаетъ никогда жаловаться, не можетъ насытиться, и всегда желаетъ перемѣны своему жребію. Ибо, какъ самая свидѣтельствуетъ вещь, пастухъ земледѣльцу, земледѣлецъ гражданину, гражданинъ дворянину, дворянинъ Кавалеру, Кавалеръ Князю, Князь Королю, а Король Императору завидуютъ, и одинъ другаго мѣсто получить желаютъ. Словомъ: весьма рѣдкіе пекутся о исправленіи жизни; но наибольшая часть суетятся о распространеніи и умноженіи чести и богатства. И такъ, не иная вещь причиною нынѣшнихъ замѣшательствъ въ свѣтѣ, кромѣ та, что лѣсные дубы жадничаютъ переселяться изъ горъ въ плодоносныя рощи, дабы въ нѣжности и опрятствѣ оныхъ сдѣлаться и себѣ финиковыми деревами; сирѣчь, кои въ домѣ своемъ къ насыщенію довольнаго числа и жолудей вчера не имѣли, тѣ сего дня въ чужемъ домѣ изряднымъ кушаньемъ брезгуютъ.

Хотя же трудно ограничить, за какой родъ жизни каждому въ свѣтѣ семъ надлежитъ приняться, чтобъ и совѣсть имѣлъ безпечальную, и жизнь провождалъ спокойную: однакъ въ церьквѣ Божіей нѣтъ ни одного состоянія, въ которомъ бы живущіе не могли спастися; нѣтъ, говорю, ни единаго въ свѣтѣ образца жизни, въ которомъ бы беззаконные не

не могли избѣгнуть слѣдуемой имъ погибели, ежелибъ только хотѣли. Плиній въ нѣкоторомъ посланіи къ Фабату: *между смертными*, говоритъ, *нѣтъ ничего обыкновеннѣе и преднѣе, какъ дапать мѣсто размышленіямъ, что состояніе одно другаго кажется лучше.* Ибо по сей причинѣ зависть такъ ослѣпляетъ человѣка, что онъ лучше желаетъ съ трудомъ похитить чужое, нежели спокойно наслаждаться собственнымъ.

Состояніе Государей самою вещію есть доброе, ежели не употребляютъ его во зло; состояніе простолюдиновъ доброе, ежели они имъ довольны; состояніе духовныхъ доброе, ежели онымъ успѣваютъ во благое; состояніе богатыхъ доброе, ежели воономъ поступаютъ умѣренно; наконецъ, и убогихъ состояніе доброе, ежели оказываютъ въ немъ терпѣніе. Ибо сила заслуги не въ томъ состоитъ, чтобъ многія претерпѣвать трудности и бѣдствія, но чтобъ должную во оныхъ являть терпѣливость. Неоспоримая есть вещь, что сколь долго пребываетъ теченіе бѣдственной сей жизни, всѣ состоянія сопряжены съ злоключеніями и досадами. Ибо то только состояніе совершеннымъ назваться можетъ, когда души купно съ тѣлами нашими прославятся и блаженство получатъ, гдѣ будемъ жить безъ страха смертнаго, и веселиться безъ всякой житейской печали.

Но да приступлю къ намѣренію, священнѣйшій Цесарь! хотя всѣ имѣемъ жизнь,

 могу-

могущество, силу, богатство, разумъ и понятіе въ тѣсныхъ заключенныя предѣлахъ; однакъ, сколь сіе ни мало, я утверждаю, что состояніе Государей нѣчто великое въ себѣ заключаетъ. Свѣтъ думаетъ, что тотъ достигъ на высочайшій степень счастія, кто многими обладаетъ, и никому служить не обязанъ. О когда бы подданные уразумѣли, колико Государямъ стоитъ трудовъ повелѣвать! а Государи напротивъ того узнали, коль сладко жить въ покоѣ! смѣло божусь, что подчиненные о начальствующихъ возъимѣли бы чрезвычайное сожалѣніе, а начальствующіе позавидовалибъ состоянію подчиненныхъ. *Ибо веселости, коими наслаждаются Государи, въ разсужденіи претерпѣваемыхъ ими досадъ, суть весьма малы.* Когда же состояніе Царево всѣ другія превосходитъ, всѣхъ превышаетъ силою и могуществомъ, всѣхъ больше дѣлаетъ и имѣетъ, и наконецъ все правленіе отъ него зависитъ; то необходимо должно, чтобъ вящшею паче всѣхъ святостію и благочиніемъ домъ, персона и жизнь его были украшены. *Ибо какъ купецъ однимъ аршиномъ мѣряетъ всѣ товары, такъ цѣлое общество подобится жизни своего Государя.*

Хотя великой трудъ несетъ мать, воспитывая сына; много досадъ терпитъ учитель, наставляя ученика; и премногія затрудненія воспріимаетъ властитиль управляя народомъ; вящшій однакожъ я взимаю на себя трудъ

трудъ и опасность, приступая къ начертанію жизни и состоянія той персоны, отъ жизни коей цѣлаго общества жизнь и благоденствіе зависитъ. Ибо наше дѣло, Великихъ Государей и Князей почитать, а не прогнѣвлять; увѣщавать, а не озлоблять; просить, а незлословить; исправлять, а не осуждать; напослѣдокъ, за крайняго невѣжу должно считать того врача, который всѣхъ членовъ нѣжнѣйшіе глаза хочетъ выпользовать тоюжъ самою мазью, что крѣпкіе излечилъ мозоли. На какой же конецъ сіе говорено? для показанія сирѣчь, что я настоящую книгу пишу не съ тѣмъ намѣреніемъ, дабы изъяснить державнымъ Государямъ и Князьямъ, каковы они нынѣ суть, но посовѣтовать, какими быть должны, ниже воспоминать, что они дѣлаютъ, но возвѣстить, что дѣлать обязаны. Ибо знаменитаго мужа, коего внутренно грызущая совѣсть не возбуждаетъ къ исправленію жизни, думаю, что изображенныя здѣсь перомъ моимъ наставленія никогда не привлекутъ къ поправленію оной.

Павелъ Діаконъ во 2 книгѣ Исторіи повѣствуетъ нѣчто изъ древности, достойнѣйшее примѣчанія, и пріятнѣйшее къ чтенію; хотя воспоминаніе онаго кажется мнѣ не въ пользу будетъ. Ибо, какъ говорятъ въ притчахъ, курица не перестаетъ разгребать кохтями навозъ до тѣхъ поръ, пока на умерщвленіе свое ножа не выгребетъ. Слѣдуетъ помянутая Исторія.

Аннибалъ славнѣйшій Карѳагенскій Полководецъ, будучи побѣжденъ отъ счастливаго Сципіона, убѣжалъ въ Азію къ Царю Антіоху, сильному тѣхъ временъ Государю, который Аннибала принявъ въ свое царство и опеку, содержалъ съ особливѣйшею честію, и тѣмъ исполнилъ званіе Царя милосерднаго. *Ибо Государи ни чѣмъ больше щедротъ своихъ изъявить не могутъ, какъ ежели храбрыхъ Героевъ, по несчастію до крайности дошедшихъ, пріемлютъ въ защищеніе и оборону.* Оба сіи великіе мужи кромѣ другихъ честныхъ упражненій, въ коихъ отъ скуки время провождали; то ѣздили по горамъ за охотой, то обучали на поляхъ войска экзерциціи, то хаживали очень часто въ Академію слушать Философскихъ словопрѣній; что по истиннѣ симъ мудрымъ мужамъ было весьма прилично. Ибо ни одинъ во дни часъ съ вящшею пользою не проходитъ, какъ тотъ, которой на слушаніе краснорѣчиваго оратора употребляется.

Въ то время былъ въ Ефесѣ преславный Философъ, именемъ Формiонъ, который публично училъ всѣхъ жителей онаго царства. Когда же по случаю нѣкоторымъ днемъ зашли они оба въ училище Философа; то оной увидя ихъ, и разсуждая, что ученіе, которое тогда предлагалъ, не соотвѣтствовало ихъ званію, оставилъ прежнее содержаніе, и тотчасъ о искуствахъ и хитростяхъ, кои Полководцамъ на войнѣ употреблять должно, и о наблюденіи порядка на сраженіяхъ, говорить началъ;

и

и сіи важныя и необыкновенныя дѣла толь витіеватымЪ и пространнымЪ изобразилЪ словомЪ, что не токмо всѣхЪ, кои никогда его не видали, но и самихЪ повседневныхЪ слушателей своихЪ привелЪ вЪ удивленіе. Ибо навсегда посвятившій себя наукамЪ, тѣмЪ другихЪ превосходитЪ, что никогда не лишается новой кЪ рѣчамЪ матеріи.

АнтіохЪ крайнѣ доволенЪ будучи тѣмЪ разсужденіемЪ, безмѣрно веселился, что оной ФилософЪ толь изрядно предЪ гостемЪ говорилЪ; сирѣчь, дабы узнали иностранные, что царство его мудрыми людьми изобилуетЪ. Понеже знаменитые и разумные Государи ни чѣмЪ болѣе хвалиться не должны, какЪ тѣмЪ, что имѣютЪ у себя храбрыхЪ воиновЪ, защищающихЪ границы, и премудрыхЪ мужей, управляющихЪ государство.

По окончаніи же ФилософомЪ рѣчи, спросилЪ АнтіохЪ у Аннибала: *какого онъ мнѣнія о томъ, что говорилъ Философъ?* На сей вопросЪ АннибалЪ толь смѣло и дерзновенно отвѣтствовалЪ, аки бы вЪ самой тотЪ день, когда на КанненскомЪ сраженіи одержалЪ побѣду. Понеже знаменитые и великодушные Государи, хотя во все достоинства и царства лишатся, сердце однакожЪ свое непобѣдимымЪ представляютЪ. ВпрочемЪ АнниваловЪ отвѣтЪ былЪ слѣдующаго содержанія: *Вѣдай Царь Антіохъ! что много видалъ я сумозбродныхъ стариковъ, но невиднѣе сего Формiона, котораго ты называешь изряднымъ Философомъ, видать мнѣ*

мнѣ никого не случалось. Ибо крайнѣ глупъ, кто имѣя токмо пустую ученость, не того, который празднымъ точію снабдѣнъ знаніемъ; но прямымъ опытомъ просвѣщеннаго учить покушается.

Скажи мнѣ, Антіохъ! кто столь не чувствителенъ, чтобъ снесъ; и кто столь глупъ, чтобъ умолчать могъ, увидя человѣка, каковъ сей Философъ, который въ маленькомъ уголку Греціи проведши всю жизнь въ ученіяхъ Философскихъ, толикое пріемлетъ дерзновеніе предъ Аннибаломъ говорить и разсуждать о дѣлахъ военныхъ, аки бы самъ онъ былъ Княземъ Винскимъ, или Императоромъ Римскимъ? По истиннѣ, или онъ глупъ, или насъ за глупыхъ почитаетъ. Ибо изъ праздныхъ словъ его видно, что онъ вящшее знаніе въ дѣлахъ военныхъ присвояетъ себѣ изъ чтенія книгъ, нежели Аннибалъ изъ опыта знаменитѣйшихъ сраженій

Но весьма далече отстоитъ одно отъ другаго, занимать мѣсто Философа, и отправлять званіе Полководца; разумно преподавать ученіе въ школѣ, и порядочно управлять войскомъ на сраженіяхъ; быть одарену знаніемъ, каково имѣютъ ученые мужи, и искуствомъ, каковымъ снабдѣны военные люди; умѣть очинивать перо, и умѣть бросать копьемъ; быть окруженну кни-

книгами, и прямо смотрѣть на вооруженнаго непріятеля. Ибо тѣхъ, кои о дѣлахъ военныхъ съ крайнимъ витійствомъ разсуждаютъ, много; но такихъ, чтобъ и въ самое то время, когда уже необходимость требуетъ, довольно имѣли великодушія подвергнуть опасности жизнь, очень мало.

Сей Философъ Форміонъ человѣкъ простой, никогда не видалъ сраженія войскъ; никогда не слышалъ страшнаго трубнаго гласа, зовущаго на бой; никогда не испыталъ, какія съ одной стороны коварства, а съ другой страхъ и ужасъ бываютъ; никогда не видѣлъ, что наибольшая часть солдатъ обращаются въ бѣгство, а самое малое число бьются на сраженіи; напослѣдокъ, сколь прилично Философу и ученому мужу хвалить и превозносить благоденствіе мирныхъ временъ, столь не пристойно ему разсуждать о военныхъ опасностяхъ. Ежели сей Философъ того, о чемъ говорилъ, собственными не видалъ глазами, но токмо читалъ въ книгахъ: то пусть и сказываетъ тѣмъ, коимъ ни видать, ни читать того не случалось. Ибо знанію военныхъ дѣлъ лучше научиться можно въ Пинской Арміи, нежели въ Греческихъ школахъ.

Не безъизвѣстно тебѣ, Антіохъ, что тритцать шесть лѣтъ продолжалъ я безпрерывную и кровопролитную войну въ Испаніи и Италіи; испытавъ добраго и худаго счастія, какъ то всѣмъ предпріемлю-

млющимъ трудныя и великія дѣла бываетъ: чему я нынѣ очевидный свидѣтель, поелику ни волоска на бородѣ не имѣя, другими повелѣвать началъ, а теперь ужѐ въ сѣдинѣ оной самъ начинаю чужимъ повелѣніямъ быть подвластенъ. Клянусь милостію Марса, Антіохъ, ежелибъ кто спросилъ меня: какимъ образомъ въ войнѣ поступать должно? Не отважилсябъ я въ наставленіе ему ни единаго молвить слова! потому что такимъ дѣламъ лучше изъ употребленія, нежели изъ словъ научиться можно. Ибо Государи всчать войну по причинѣ справедливости, а продолжать оную могутъ предводительствомъ разума: конецъ однакожъ ея не въ силахъ, ни въ искуствѣ, но въ произволеніи фортуны заключается. Сіи и другія важнѣйшія слова отъ Аннибала сказаны Антіоху, которыя любопытный можетъ видѣть въ Плутарховыхъ Апоѳегматахъ.

Примѣръ сей, Пресвѣтлѣйшій Государь, больше къ поношенію дерзости, нежели къ похвалѣ ученія моего служитъ; ежели Ваше Величество равномѣрно сказать изволите, что государственныя дѣла столько же и мнѣ, какъ Форміону военныя опасности извѣстны. Ибо справедливо можете мнѣ упрекнуть, что я будучи человѣкъ монашескаго сана, изъ младыхъ лѣтъ воспитанный во обители, съ крайнимъ дерзновеніемъ отважился писать въ наставленіе, какимъ образомъ толь державный Госу-

Государь самимъ собою и царствомъ своимъ управлять долженъ. Ибо правду сказать, поколику духовной меньше знаетъ мирскихъ суетъ, потолику лучшимъ признавать его надлежитъ.

Состояніе Государей требуетъ множества предстоящихъ; но монахамъ приличествуетъ жизнь уединенная. Ибо слуга Божій не о суетахъ мирскихъ, но о святынѣ всячески помышлять долженъ. Состояніе Государей колеблютъ отъ всѣхъ сторонъ безпокойства; но монашеской санъ повелѣваетъ жить тихо и безмолвно въ заключеніи: въ противномъ же случаѣ монашескаго сана человѣкъ отступникомъ душевнымъ почитается, ежели тѣло его къ кельѣ, а духъ странствуетъ въ мирѣ. Государи должны бесѣдовать и обращаться со всѣми; но монахамъ излишняя въ обхожденіи свобода, и безмѣрная въ разговорахъ вольность вредительна. Ибо долгъ истинныхъ монаховъ требуетъ, чтобъ руки ихъ обращались въ разгибаніи священнаго писанія, тѣло въ постахъ, языкъ въ молитвахъ, а духъ въ Богомысліи упражнялся. Государи по большой части стараются о дѣлахъ военныхъ; но монашеское званіе велитъ желать и попеченіе имѣть о мирѣ. Ибо ежели Государь суетится проливать кровь непріятелей; то добрый монахъ обязанъ проливать слезы свои за грѣшниковъ.

О когда бы я все, къ чему обязываетъ меня должность, съ помощію благодати Божіей

жіей исполнялъ такъ, какъ оное разумѣю! Но горе мнѣ! что перо только имѣю къ начертанію хорошо приготовленное, а къ дѣланію чувствую въ себѣ великую слабость. Сказалъ я сіе въ противность себѣ самому, для того, что Ваше Величество опытомъ знаете должность Государей; а я ни говорить, ни писать о томъ инако не могу, кромѣ по правиламъ ученія. Тѣ, кои Государямъ подавать совѣты, исправлять оныхъ жизнь и учить обязаны, должны имѣть совершенное разсужденіе, неповрежденное сердце, исправное слово, здравое ученіе, и житіе всякому подозрѣнію и пороку непричастное. Ибо дерзающій разсуждать о великихъ дѣлахъ, не имѣя въ томъ искуства, подобится такому человѣку, который самъ будучи во все слѣпъ, имѣющему нѣсколько зрака хочетъ указать дорогу.

Всего труднѣе въ жизни, разсуждалъ Ксенофонтъ, *узнать премудраго мужа*, утверждая, *что онаго тотъ развѣ узнаетъ, который самъ премудръ.* Изъ сего Ксенофонтова мнѣнія заключить можемъ, что какъ премудраго не можно никому узнать, кромѣ другому премудрому; такъ равно и тому, который вознамѣрился описывать жизнь Государя, надлежалобъ быть самому Государемъ. Ибо кто одинъ годъ по морю плавалъ, лучше можетъ не токмо разказать, но и наставленіе подать о приключающихся на ономъ опасностяхъ, нежели тотъ, который десять лѣтъ у пристани прожилъ.

Ксе-

Ксенофонтъ издалъ книгу о воспитаніи Государей, изображая въ ней персону Царя Камвиза, будто бы оной говоритъ и наставляетъ сына своего Кира. Онесикритъ также написалъ книгу, касающуюся до воинскаго званія, отъ лица Филиппова, будто бы оной сына своего Александра военнымъ дѣламъ обучаетъ. Ибо Философы оные разсуждали, что сочиненія ихъ никакого достоинства имѣть не будутъ, ежели выдутъ въ свѣтъ не подъ именемъ Государей, которые самымъ опытомъ въ таковыхъ дѣлахъ знаніе имѣли.

Ахъ! ежели бы старой Государь, царствовавшій много лѣтъ, восхотѣлъ выразить на письмѣ, или по крайней мѣрѣ разсказать на словахъ, сколько претерпѣлъ онъ несчастій, сидя на престолѣ правленія; въ коликомъ презрѣніи имѣли его подданные; колико кратъ раздраженъ былъ отъ Министровъ; коликую чувствовалъ неблагодарность друговъ; коликократно враги на погубленіе его умышляли коварства; въ коликихъ погружался опасностяхъ; коликими въ домѣ своемъ тревожился бунтами; сколько разъ пороками заслужилъ поношеніе отъ своихъ; коликократно обманутъ былъ отъ чужихъ; словомъ сказать: коликія днемъ сносилъ безпокойства, и коль томныя ночнымъ временемъ испускалъ воздыханія! Извѣстнѣйше вѣдаю, и ни мало не обманываюсь, что ежели бы оной Государь описалъ цѣлое теченіе своея жизни безъ остатка, и обо всемъ изъяснилъ подробно; тѣло

его показалось бы намъ безмѣрно ужаснымъ, что возмогло здержать толикія тягости, а духъ несказанно удивительнымъ, что толь долговременно оказывалъ терпѣніе.

Дѣло, по истиннѣ, труда, гордости, спеси, глупости, безстыдства и опасности наполненное, ежелибы кто перомъ восхотѣлъ управить общество и жизнь Государя: ибо не витійствомъ словъ, но примѣромъ честныхъ дѣлъ къ доброму житію народъ поощряется. Справедливо говорю, что не одинождыъ, но стократно глупъ, кто осмѣливается давать совѣты Государямъ, которые, поелику о многихъ вещахъ глубокое имѣютъ разсужденіе, и изъ оныхъ въ нѣкоторыхъ сообразаются своимъ страстямъ; то гдѣ уповаемъ милости, тамъ въ жесточайшій гнѣвъ и негодованіе ихъ попадаемъ. *Ибо совѣтъ больше дѣлаетъ преда, нежели пользы, естьли дающій отмѣннымъ разумомъ, а пріемлющій терпѣніемъ одаренъ не бываетъ.*

По истиннѣ, Всемилостивѣйшій Государь, я ни Царемъ не былъ, чтобъ могъ разумѣть царскіе труды; ни присвояю себѣ первенства въ подаваніи Царямъ совѣтовъ. Что же дерзнулъ сочинить сію книгу, то сдѣлалъ сіе не съ тѣмъ намѣреніемъ, дабы Вашему Величеству совѣтовать; но съ глубочайшимъ раболѣпствіемъ предложить увѣщаніе. Ибо признаюсь, что подаваніе совѣтовъ не до моего касается званія; но ко увѣщанію, всякъ

зна-

знаетъ, что должностію предъ Вашимъ Величествомъ я обязанъ.

Впрочемъ, каковъ порядокъ сея книги, то есть: сколь полезна къ знанію, пріятна къ чтенію, и коликое изобиліе заключаетъ въ себѣ изрядныхъ исторій и добрыхъ правилъ, не хочу изображать перомъ моимъ, но оставляю на разсужденіе читателямъ оныя. Ежечасно случается, что много достоинства теряютъ книги не потому, яко бы не хороши были, но понеже сочинители оныхъ горды и честолюбивы. Ибо кто черезъ чуръ хвалитъ свое сочиненіе, тотъ не токмо оное, но и самаго себя охуждать всякому даетъ поводъ.

Пусть никто не думаетъ, яко бы не довольно я разсуждалъ и испытывалъ о томъ, что мною написано. Ибо представляю въ свидѣтельство Христа искупителя міра, сколько времени употребилъ я въ изыскиваніи соотвѣтствующихъ моему намѣренію матерій, что чрезъ одиннатцать лѣтъ ни единаго дня не пропустилъ, чтобъ въ семъ сочиненіи или не написалъ чего нибудь, или не поправилъ. Свидѣтельствуюсь паки, что сочиненіе сіе стоило мнѣ великихъ трудовъ. Ибо не ложно говорю, что книга сія пять разъ собственною моею, а троекратно чужею рукою была переписывана. Сверьхъ сего свидѣтельствуюсь и тѣмъ, что отвсюду собиралъ разныя и на разныхъ языкахъ книги, и читалъ единственно для того, дабы найти изрядныя правила. Кромѣ того прилѣжно старался изыскивать

исторіи, приличествующія моему намѣренію; вѣдая, что нѣтъ ничего непристойнѣе, какъ писать исторію съ матеріею несогласную. Напослѣдокъ, со тщаніемъ трудился, дабы сочиненіе мое было не столь пространно, чтобъ имѣли причину назвать меня болтливымъ. Ибо всякаго писанія изрядство въ томъ состоитъ, чтобъ въ немногихъ словахъ многія и важныя заключались разсужденія.

Неронъ Императоръ воспылалъ любовію къ одной превосходной красавицѣ Римской, именемъ Помпеѣ, и напослѣдокъ то прозьбами, то чрезъ деньги достигъ конца своимъ желаніямъ, понеже въ любовныхъ дѣлахъ не долго можетъ сопротивляться дѣвство, ежели съ одной стороны сильное нападеніе, а съ другой слабое сопротивленіе бываетъ. Впрочемъ такъ страстно Неронъ любилъ Помпею, что, поелику имѣла она у себя желтые волосы янтарнаго цвѣту, сочинилъ въ похвалу ихъ героическіе стихи, и припѣвая игралъ на арѳѣ. Ибо Неронъ въ Латинскомъ языкѣ и Стихотворствѣ, такожъ въ вокальной и инструментальной музыкѣ былъ весьма искусенъ.

Плутархъ, въ книгѣ о похожденіяхъ женскаго пола, исторію сію повѣствуя, во изобличеніе Неронова безпутства и легкомыслія говоритъ, что Помпея росту была умѣреннаго, персты имѣла долгіе, ротъ небольшой, брови тонкія, рѣсницы густыя, носъ острой, зубы малые, губки красныя, шѣю бѣлую, лицо широкое, глаза великіе и выпуклые, грудь вы-

высокую и круглую. И хотя Неронъ на каждое изъ сихъ порознь устремлялъ взоръ свой, дабы вящшею распалиться къ ней любовію; ни во что однакожъ не вперялъ такъ своего сердца, какъ въ желтые волосы, на которые взирая, едва не умиралъ отъ любви къ оной. Ибо малоразсудливые и вѣтреные человѣки ежечасно любятъ не то, что велитъ разумъ, но къ чему собственная ихъ влечетъ воля.

Впрочемъ, до толѣ возрасла любовь въ Неронѣ, что самъ всѣ волосы по одному пересчиталъ у любезной своей Помпеи: и аки бы оные исчислять было не довольно, каждому далъ особыя имена, коимибъ могъ называть ихъ; напослѣдокъ сочинилъ объ ней кантъ, для пѣнія. Такъ то сей безславный Государь больше времени иждивалъ въ пѣніи и хваленіи любовницы Помпеи, нежели въ слушаніи и отвращеніи жалобъ гражданскихъ. Но и тутъ не успокоилось его неистовство: онъ сдѣлалъ еще золотой гребешокъ для чесанія волосовъ любовницѣ; и ежели случалось упасть одному волосу изъ головы ея, то немедленно, обвившии оной золотомъ, посвящалъ Юнонѣ. Ибо Римляне все, доброе ли или худое, что только было имъ любезнѣйшее, богамъ въ даръ приносили.

А понеже янтарнаго цвѣту волосы имѣла Помпея, и любовію оныхъ пылалъ Неронъ; то всѣ Римскія и Италіанскія госпожи единственно тщаніе о томъ прилагали, чтобъ жел-

желтить у себя волосы, и ходить въ платьѣ подобнаго цвѣту: почему какъ мущины, такъ и женщины носили цѣпочки, медали, кольца и ожерелья, сдѣланныя изъ янтарю. Ибо всегда такъ дѣлалось, и дѣлаться будетъ, что тѣ вещи, къ коимъ склоннѣе царскія сердца, лучшими и дражайшими кажутся народу. Не имѣлъ никакого почтенія и янтарь въ Римѣ до тѣхъ поръ, пока Неронъ въ толикое сумозбродство не поползнулся. Но когда оной цвѣтъ Нерону сдѣлался весьма пріятенъ; то никакого бисера въ толь высокой цѣнѣ не поставляли, никакія изъ золотыхъ и шелковыхъ вещей толь прибыточны не были, и никакого изъ другихъ государствъ купцы охотнѣе не привозили товару, какъ янтарь: которому легкомыслію я ни мало не удивляюсь. *Ибо смертные суть такого свойства, что съ пящшею горячностію слѣдуютъ суетѣ другихъ, нежели дѣлаютъ то, что необходимо нужно.*

Но да возвращусь къ моему намѣренію: примѣромъ симъ, Пресвѣтлѣйшій Государь, желалъ я показать, что естьли настоящее писаніе Вашему Величеству угодно и пріятно будетъ; вѣдаю безъ сомнѣнія, что не сыщется ни единаго человѣка, коемубъ оное пріятно не было: и хотя бы кто наипаче желалъ его опорочить, никогда однакожъ сдѣлать сего не отважится, подумавъ, что оное посвящено Особѣ Вашей. Ибо мы то, что Госуда-

судари приняли въ свое покровительство, защищать обязаны; а охуждать воли не имѣемъ.

Смѣло говорю, что хотя книга моя не превосходна въ своемъ содержанiи, и не весьма витiевата во образѣ расположенiя; большую однакожъ пользу Ваше Величество прiобрящете изъ чтенiя оной, нежели прiобрѣлъ Неронъ изъ любовницы Помпеи. Ибо чтенiе изрядныхъ книгъ дѣлаетъ человѣка разумнымъ, но обращенiе и дружба съ непотребными дѣлаетъ его развратнымъ. Я не столь гордъ и славолюбивъ, чтобъ желалъ, дабы Ваше Величество сiи правила въ толикомъ почтенiи и покровительствѣ содержать изволили, въ разсужденiи бъ котораго оныя такую честь въ Италiи, какую янтарь въ Римѣ, имѣли. Но о томъ прошу и молю, дабы сколько времени иждивалъ Неронъ на изчисленiе и торжествованiе волосовъ своея любовницы; столько Ваше Величество онаго препровождали въ слушанiи и отвращенiи государственныхъ безпорядковъ. *Ибо великодушному и тщаливому Государю самомалѣйшую часть дня на свои увеселенiя употреблять должно.*

По выслушанiи совѣтниковъ, Посланниковъ, Вельможъ, воеводъ, богатыхъ, убогихъ, гражданъ и чужестранныхъ, когда соизволите Ваше Величество удалиться въ свою спальню, то благоволите упражняться въ чтенiи сей или лучшей книги. Ибо часто въ царскихъ чертогахъ Министры много теряютъ времени, бесѣдуя и разсуждая о вещахъ неполезныхъ,

 кото-

которое употребить на чтенiе какой ни есть книги было бы справедливѣе.

Какъ во всѣхъ дѣйствiяхъ, такъ и въ сочиненiи книгъ, премного способствуетъ человѣку имѣть доброе счастiе. *Ибо тщетны труды, ежели противится фортуна.* И хотя бы я очень жаловался на суровость счастiя, ежели бы Вашему Величеству трудъ мой не понравился; гораздо однакожъ вящшее было бы мнѣ сожалѣнiе и стыдъ, ежелибъ слыша, что книга моя къ чтенiю прiятна, не видѣлъ употребленiя предписанныхъ во оной правилъ. Ибо намѣренiе мое, Пресвѣтлѣйшiй Государь, въ сочиненiи сея книги не къ той стремилось цѣли, дабы чтенiемъ ея напрасно иждиваемо было время, но чтобъ каждой пунктъ онаго проходилъ съ пользою.

А. Геллiй книги третьей въ 13 главѣ повѣствуетъ, что между прочими изъ Платоновыхъ учениковъ былъ знаменитый Философъ Демосѳенъ, коего не токмо Греки въ особливѣйшемъ содержали почтенiи, но и Римляне имѣть у себя желали. Ибо онъ житiемъ былъ воздерженъ, а ученiемъ и витiйствомъ удивителенъ. Естьлижъ бы Демосѳенъ жилъ не въ Платоновъ вѣкъ, когда довольно было въ Грецiи Философовъ, но во времена Фаларидовы, когда оная тиранами изобиловала: то почли бы его всея Азiи солнцемъ, не меньше какъ цѣлая Европа почитала за свѣтъ Цицерона.

Не малой членъ счастiя, наипаче въ сiе, нежели въ другое время рожденнымъ быть зна-

знаменитому мужу; потому что храбрый воинЪ во времена мужественнаго и великодушнаго Государя, по истиннѣ, не токмо отмѣнной чести, но и довѣренности вЪ важнѣйшихЪ дѣлахЪ достигнетЪ; напротивЪ того вЪ вѣкѣ лакомаго и малодушнаго Государя, лучше почтутЪ какого нибудь хитреца, искуснаго вЪ умноженіи доходовЪ, нежели сего кавалера, одареннаго храбростію, сЪ которою можетЪ онЪ получить на войнѣ побѣды, и распространить славу своего Государя. То же самое дѣлается сЪ мудрыми, учеными и добродѣтельными людьми, которые, буде живутЪ вЪ вѣкѣ добродѣтельми и ученіемЪ сіяющихЪ Государей, содержатся вЪ славѣ и почтеніи, но во времена беззаконныхЪ и легкомысленныхЪ ни во что вмѣняются. *Ибо издревле ведется у суетныхЪ человѣковЪ сей обычай, что они не тѣмЪ, кои весьма обществу полезны, но кои вЪ величайшей милости находятся у Государей, честь выражаютЪ.*

СказалЪ я сіе для того, что хотя Греція вЪ одно время имѣла двухЪ знаменитѣйшихЪ ФилософовЪ; однакЪ преимущество Платоново уменьшило Демосѳенову славу. *Ибо отмѣнная слава одного человѣка, многихЪ вЪ народѣ помрачаетЪ имя.* И хотя оный ДемосѳенЪ былЪ памяти крѣпкой, разума небеснаго, житія добродѣтельнаго, совѣтовЪ здравыхЪ, превосходной славы, лѣтЪ довольныхЪ, и вЪ Философіи весьма искусенЪ; не преставалЪ однакожЪ ходить вЪ Академію для слу-

шанія отъ Платона нравоучительной Философіи: чему, всякъ слыша, или читая, не удивляться, но слѣдовать долженъ; сирѣчь, что Философы и мудрецы одинъ отъ другаго учиться желали. *Ибо знаніе есть такого свойства, что чѣмъ болѣе онаго пріумножается, тѣмъ пущшая горячность и охота къ наукамъ возрастаетъ.*

Всѣ вещи въ жизни сей, какимибъ мы ни владѣли и наслаждались, дѣлаютъ сытость, и напослѣдокъ скучны и тягостны бываютъ, выключая одно истинное знаніе, которое сытости, скукѣ и изнеможенію непричастно; а ежели иногда и кажется утомленнымъ, то глаза токмо отъ чтенія, а не мысли отъ познанія и увеселенія изнемогаютъ.

Коликократно ни любопытствуютъ отъ меня знатные Вельможи и пріятели, споря и вопрошая: *какая польза всю жизнь провесть въ безпрерывномъ ученіи?* Обыкновенно отвѣтствую: *а изъ того какая прибыль, что вы провождаете оную въ толикой праздности?* Когда пріимемъ въ разсужденіе многочисленныя похотѣнія плотскія, бѣды свѣта сего, искушенія діавольскія, ухищренія злодѣевъ, и невѣрность друговъ; то чье сердце толикія и непрестанныя досады могло бы вытерпѣть, ежели бы чтеніемъ и увеселеніемъ книгъ не подкрѣплялося. О незнающемъ больше, нежели о убогомъ сожалѣть надлежитъ. *Ибо ни единое убожество столь*

не тягостно, какъ не имѣніе разума обладать собою.

Но да возвратится рѣчь моя на первое мѣсто. Демосѳенъ илучи однимъ днемъ въ Аѳинахъ къ Платонову училищу, увидѣлъ на площади множество стекшагося народа, слушанія ради Философа недавно пришедшаго. Не безъ причины говорю, многочисленная толпа собралась для слушанія онаго. *Ибо народъ отъ природы къ слушанію новостей жаденъ.* Впрочемъ, Демосѳенъ спрося: *что за Философъ, къ которому спѣшилъ весь народъ?* Когда сказали ему, *что то былъ Каллистратъ безпримѣрно краснорѣчивый:* остановился, желая онаго повидать и послушать; сирѣчь, дабы узнать, правду ли говорилъ народъ, или ложь? Ибо не рѣдко случается, что иные великой достигаютъ славы, больше по причинѣ пріобрѣтеннаго въ народѣ благопріятства, нежели довольнаго ради знанія въ наукахъ.

Платонъ и Каллистратъ не сходствовали между собою въ томъ, что первой изъ нихъ былъ весьма ученой, а другой чрезвычайно краснорѣчивой: почему въ житіи большая часть подражали Платона, а въ ученіи слѣдовали Каллистрату. Ибо много сыщется людей гораздо ученыхъ, которые хотя изобильнымъ снаблѣны знаніемъ въ наукахъ, однако въ преподаваніи оныхъ во все пріятности и удачи не имѣютъ. Демосѳенъ одиножды только послушавъ Каллистрата, толико возбужденъ, уловленъ, и плѣненъ былъ его краснорѣчіемъ,

что съ тѣхъ поръ и Платона и Академію оставя, началъ слѣдовать за Каллистратомъ: которую новость удивленія достойною почли мудрецы Греческіе, зря сирѣчь, что одного человѣка языкъ, всѣхъ ученіе замолчать принудилъ.

Хотя же уповаю, что Ваше Величество примѣръ сей сравнивъ съ моимъ намѣреніемъ, изволили догадаться на какой конецъ оный отъ меня приведенъ; утверждаю однакожъ безъ сомнѣнія, что въ книгохранительницѣ Вашей толь изрядныя книги, а при дворѣ толь ученые мужи обрѣтаются, что не меньшее заслуживаютъ преимущество, каково Платонъ имѣлъ въ своей Академіи: почему много бы я счастливъ былъ, естьли бы Ваше Величество съ настоящею книгою также, какъ Демосѳенъ съ Каллистратомъ, поступили. Истинно, я говорю сіе не съ тѣмъ намѣреніемъ, дабы Ваше Величество отъ бесѣды мудрыхъ людей, и отъ чтенія другихъ книгъ воздержалися; потому что дѣло сіе было бы не иное, какъ оставя Платона мужа божественнаго, послѣдовать Каллистрату человѣку мирскому; но дабы привыкали книгу сію по немногу прочитывать. Ибо статься можетъ, что найдете въ ней какое нибудь полезное наставленіе, которое со временемъ ко употребленію понадобится. Поелику благонравнымъ и тщаливымъ Государямъ читая добрыя дѣла, крѣпко помнить, а причиненныя

ныя себѣ обиды изъ памяти истреблять приличествуетъ.

Не безъ причины говорю, что читающій сію книгу, найдетъ въ ней какое нибудь разумное правило. Ибо все, что здѣсь ни писано, съ крайнимъ писано вниманіемъ; и я толь прилѣжно старался разсмотрѣть и исправить каждое маленькое слово и мнѣніе, акибы отъ одного зависѣла цѣна всего настоящаго сочиненія. Понеже ученые люди трудясь въ сочиненіи новыхъ книгъ, болѣзнуютъ сердцемъ, подумавъ, что ежели многіе сыщутся, кои на чтеніе ихъ правилъ устремятъ взоръ; то гораздо большее число на хуленіе оныхъ прострутъ языкъ свой. Хотя же я въ составленіи сея книги имѣлъ равное намѣреніе, какъ тотъ, который отъ основанія насаждая увеселительную рощу, украшенную кустарниками для наслажденія очамъ, и обогащенную плодами для собиранія рукамъ, чтобъ сверьхъ того и обонянію былъ пріятный запахъ, засѣваетъ оную розами: однакъ поелику я человѣкъ, да и пишу для человѣка, можетъ статься, что въ иномъ погрѣшилъ по человѣчеству, а иное написалъ и къ стати. Ибо нѣтъ и живописи въ свѣтѣ толь совершенной, чтобъ другой живописецъ нѣчто въ ней поправлять не покушался.

Всякъ, прилѣжно читающій сіе сочиненіе, обрящетъ въ немъ благоразумнѣйшіе совѣты, полезнѣйшіе законы, наилучшія разсужденія, достопамятнѣйшія слова, преизбраннѣйшія мнѣ-

мнѣнія, знаменитые примѣры, славныя дѣла, и древнѣйшія исторіи. Ибо не ложно говорю, старался я, чтобъ древнее ученіе было новымъ основаніемъ моего сочиненія.

Хотя же Ваше Величество всѣхъ Царей и царства превышаете достоинствомъ, а я послѣднѣйшій изъ всѣхъ Министровъ Вашихъ, однакъ не погнушайтеся обратить взоръ Вашъ къ чтенію сея книги; и ежели что покажется справедливо, то и самимъ дѣломъ исполнять оное не оставьте. Ибо никакого писанія, ежели оно само по себѣ есть доброе и совершенное, хотя и подлымъ перомъ написано, презирать не должно. Говорилъ я прежде, говорю нынѣ, и впредь говорить буду, что Великіе Государи и Князи, чѣмъ сильнѣе и мужественнѣе бываютъ, тѣмъ лучшихъ совѣтниковъ для бесѣдованія, и книги для чтенія, не токмо въ благополучное, но и наипаче въ злощастное время необходимо при себѣ имѣть должны, дабы въ готовности были у нихъ совѣты и спасеніе. Въ противномъ же случаѣ, подлинно время къ сожалѣнію имѣть будутъ; но ко отвращенію худыхъ и нечаянныхъ произшествій лишатся всякія помощи.

Плиній, М. Варронъ, Страбонъ и Макровій, не меньше важные, какъ и справедливые Историки, великую между собою имѣютъ распрю, стараясь доказать, какія въ обществѣ вещи суть древнѣйшія, и когда оныя согласно отъ всѣхъ народовъ приняты? Сенека въ нѣкоторомъ къ Луцилію посланіи не можетъ

до-

довольно нахвалиться обществомЪ РодійцовЪ, коего жители сЪ превеликою трудностію пріучаемы были кЪ наблюденію какой нибудь новости; но ту же самую вещь единожды принявЪ, цѣло навсегда содержали, и свято хранили. Божественный ПлатонЪ вЪ шестой книгѣ о законахЪ предписалЪ: *ежели кто изъ гражданъ нѣчто изобрѣтетъ новое, чего предъ тѣмъ ни видали, ни слышали; то прежде введенія онаго въ городъ долженъ чрезъ десять лѣтъ въ домѣ своемъ дѣлать того вымысла опыты; дабы ежели изобрѣтеніе его было доброе, самъ онымъ пользовался; буде же худое, тобъ самому ему послѣдовалъ отъ него вредъ и пагуба.*

ПлутархЪ вЪ АпоѳегматахЪ повѣствуетЪ, что ЛикургЪ подЪ жесточайшимЪ наказаніемЪ запретилЪ гражданамЪ, выѣжжая вонЪ изЪ государства, скитаться по свѣту, и иностранцовЪ принимать вЪ свои домы. ОнЪ законоположилЪ сіе для того, чтобы чужеземцы вЪ гражданскіе домы не ввозили вещей иностранныхЪ; а граждане, ѣздя по другимЪ государствамЪ, не могли пріучиться новымЪ обычаямЪ. Нынѣ же толико дерзновенны стали, и толико вЪ разсудкѣ своемЪ ослабѣли люди: всякЪ говоритЪ, вымышляетЪ и пишетЪ то, что только захочетЪ. Сего не довольно, но еще вЪ томЪ никто имЪ и не препятствуетЪ. Ибо народЪ вЪ семЪ случаѣ толь легкомысленЪ, что повседневно видя новости ни мало не разсу-

суждаетъ, польза ли, или вредъ обществу отъ того послѣдовать можетъ.

Ежели появится теперь въ народѣ человѣкъ вѣтреной и болтливой, коего никогда предъ тѣмъ ни видали, ни слыхали, былъ бы только онъ хитрой и проворной; скажи пожалуй, чего не отважится такой говорить, чтобъ не говорилъ? Чего не осмѣлится вымышлять, чтобъ не вымышлялъ? Чего не отважится представлять, чтобъ не представлялъ? Чего не осмѣлится совѣтовать, чтобъ не совѣтовалъ? Вещь по истиннѣ чудная и непонятная! Одинъ человѣкъ въ состояніи развратить всѣхъ мысли, но всѣ купно не сильны уничтожить безуміе одного человѣка. Сего ради новыхъ и необыкновенныхъ вещей принимать не должны. *Ибо всякую новость, прежде введенія въ городъ, не меньше надлежитъ разсматривать, какъ разсматривается великая тайна совѣсти.*

Руффинъ во 2 книгѣ Апологіи жестоко укоряетъ Египтянъ за безмѣрную шщаливость къ хитрымъ штукамъ. Грековъ также винитъ за чрезвычайную охоту ко удобренію словъ краснорѣчіемъ. Напротивъ же того весьма хвалитъ Римлянъ, что Греческимъ словамъ мало вѣрили, а Египетскія изобрѣтенія принимали съ холодностію. И по истиннѣ, тѣхъ охуждать, а другихъ хвалить, справедливую онъ имѣлъ причину. *Ибо отъ слабости разсудка и легкомыслія происходитъ, ежели*

кто

кто вѣритъ всему, чтобы ни услышалъ, и дѣлаетъ то, чтобы ни увидѣлъ.

Но да приступлю къ моему намѣренію. М. Варронъ представляетъ пять вещей, съ превеликою трудностію въ свѣтъ введенныхъ: изъ которыхъ ни единой послѣ того, какъ однождьі согласно отъ всѣхъ народовъ приняты, не льзя было изкоренить или предать забвенію. *Ибо, что принимается скоро, то и оставляется удобно; но съ трудностію введенное хранится весьма крѣпко.*

ПЕРЬВОЕ, которое всѣ народы приняли единогласно, было сообщеніе человѣка съ человѣкомъ, то есть: *чтобъ устроить села, города и общества.* Ибо, по мнѣнію Платонову, между животными перьвые изобрѣтатели общества были муравьи, о которыхъ очевидные гласятъ опыты, что вмѣстѣ живутъ, работаютъ, ползаютъ, и опасаясь будущей зимы, пріуготовляютъ себѣ пищу; удивительнѣе же, что ни одна изъ нихъ ничего себѣ не присвояетъ, но все въ собраніи своемъ имѣютъ общее. По истиннѣ достойно удивленія общество муравьевъ, ежели посмотрѣть какимъ образомъ вычищаютъ они свои печурки, выносятъ и сушатъ сѣмена дождемъ замоченныя, и каждая собственнымъ трудомъ питается; такъ что одна другой не обижаетъ, но взаимно одна другой трудами пользуется: напослѣдокъ, къ превеликому нашему стыду, ежели позоветъ нужда, пятьдесятъ тысячь муравьевъ въ

маленькой норкѣ помѣщаются; но человѣкамъ и двумъ цѣлое государство кажется весьма тѣсно. *О когда бы человѣки въ снисканiи спасенiя толикую имѣли мудрость, коликой муравьи къ сохраненiю жизни имѣютъ промыслъ!*

Когда же день отъ дня началъ умножаться человѣческой родъ, и разумъ часъ отъ часу сталъ поощряться; то появились въ народѣ тиранны, которые утѣсняли убогихъ; тати, кои окрадали богатыхъ; бунтовщики, которые возмущали спокойныхъ; человѣкоубiйцы, кои умерщвляли миролюбивыхъ; и тунеядцы, кои чужимъ трудомъ питались. Что усмотря добродѣтельные и мудрые мужи, узаконили жить вмѣстѣ нѣкоторымъ союзомъ братства; дабы чрезъ то добрыхъ сохранить, а злочинныхъ укрощать было можно. Въ согласiе сего упоминаетъ Макровiй во 2 книгѣ на сонъ Сципiоновъ, что безмѣрная жадность и глубокое корыстолюбiе подали причину къ изобрѣтенiю между человѣками общества. Плинiй книги седьмой въ 56 главѣ повѣствуетъ, что Аѳиняне первые изъ всѣхъ устроили села, а Египтяне создали города.

ВТОРОЕ, согласiе народовъ было въ принятiи буквъ, которыя мы читаемъ и употребляемъ въ писанiи. М. Варронъ говоритъ, что Египтяне хвалятся изобрѣтенiемъ оныхъ; но Ассирiане оспориваютъ, что у нихъ прежде найдены. Плинiй книги седьмой въ 56 главѣ повѣствуетъ, что издревле было только шестнатцать буквъ, къ которымъ

рымъ во время Троянской войны прибавилъ Паламидъ четыре. Аристотель говоритъ, что съ самаго начала изобрѣтено было въ древности осмнатцать буквъ, и потомъ Паламидъ ко онымъ прибавилъ только двѣ, и такъ сдѣлалось всѣмъ числомъ двадцать; а послѣ того Философъ Епимархъ выдумалъ еще двѣ; по чему стало ужè двадцать двѣ. Однако отъ Египтянъ ли письмена изобрѣтены, или у Ассиріанъ прежде найдены были, въ томъ нѣтъ нужды; я безъ сомнѣнія утверждаю, что сія вещь необходимо нужна была для общества и умноженія рода человѣческаго. Понеже, естьли бы мы не имѣли письменъ и писанія, не возможнобъ было намъ знать древнихъ дѣлъ, и будущимъ по насъ потомкамъ оставить свою память.

Плутархъ во второй книгѣ о похвалахъ древнихъ, и Плиній книги седмой въ 56 главѣ, весьма прославляютъ Пирода, что выдумалъ доставать изъ кремня огонь; премного хвалятъ Прета, изобрѣтателя щитовъ; Амазонскую Царицу Пентезилею за вымыслъ бердыша; Скиѳа за лукъ и стрѣлы; Финикіанъ за стѣнобитное орудіе и пращу; Лакедемонянъ за шлемъ, мечь и копье; Ѳессалянъ за конно-рыстательную битву; Пницовъ за сраженіе на морѣ флотомъ; а я и нынѣ хвалю, и никогда хвалить не престану, однакъ не тѣхъ, кои для приуготовленія войны вымыслили оружія, но которые для учрежденія наукъ письмена выдумали. Ежели разсудимъ, колика-

 кая

кая разность, омочить въ чернилы перо, и обагрить кровію копье; быть окруженну книгами, и препоясанну оружіемъ; учиться какимъ образомъ всякому жить должно, и устроевать на войнѣ коварства для умерщвленія ближняго; то не сыщется никого, который бы толь былъ безразсуденъ, чтобъ не лучше похвалилъ упражненіе наукъ, нежели военное неистовство. Ибо тотъ, кто обучается военнымъ дѣламъ, обучается какимъ образомъ д. гихъ лишать жизни; но кто обучается знаніямъ, не иному чему либо учится, точію какимъ образомъ ему и другимъ жить должно.

ТРЕТЬЕ, согласіе народовъ всея подсолнечныя было въ восвріятіи законовъ; потому что хотя люди и совокупно жили, однакъ другъ другу покаряться не хотѣли; отъ чего происходили между ими ежечастные мятежи и бунты. Ибо, по мнѣнію Платонову, нѣтъ извѣстнѣйшаго знаменія, предвѣщающаго погибель государству, какъ ежели многіе въ немъ востаютъ повелители. Плиній книги седьмой въ 56 главѣ повѣствуетъ, что нѣкоторая Цирица, именемъ Церера, первая пахать, сѣять, молоть, мѣсить и печь хлѣбъ, показала способъ; предписала такожъ первая и законы народамъ; и за сіи изобрѣтенія древніе почли ее богинею. Съ того времени доселѣ ни видали, ни слышали, ниже читали мы, чтобъ которое царство или народъ, сколь бы отдаленной и варварской ни былъ, не

имѣлъ

имѣлъ никакихъ законовъ для охраненія добродѣтельныхъ; или учрежденныхъ наказаній для каранія злодѣевъ; хотя лучше и безопаснѣе кажется было бы человѣкамъ любить правду, нежели бояться закона.

Кои не по совѣсти, но страха ради предписанныхъ законами жестокихъ наказаній удерживаются отъ злодѣйства; тѣхъ, по моему разсужденію, хотя поступки народъ и хвалитъ, но Богъ, видя намѣреніе ихъ, осуждаетъ. Сенека въ нѣкоторомъ къ другу Луцилію письмѣ: *Ты увѣдомляешь меня*, говоритъ, *что Сициліане премногое число вывезли хлѣба въ Испанію и Африку; а понеже Римскимъ закономъ вывозъ сей запрещенъ, то сдѣлали они величайшее преступленіе. На сіе отвѣтствую, что какъ ты, будучи человѣкъ добродѣтельный, можешь научить меня правительствовать; такъ равно и я тебя, по старости моей, научу хорошо говорить. Ибо непристойно, чтобъ между мудрыми людьми говорено было: законъ де то повелѣваетъ, учреждаетъ, дозволяетъ; но только: сіе повелѣвайте по правилу разума. Понеже добродѣтельному мужу совѣсть, вѣнецъ; а злодѣю законъ, палачъ.*

ЧЕТВЕРТОЕ, согласіе народовъ было въ учрежденіи бритовщиковъ. Чему никто смѣяться не долженъ: ибо читающій Плинія, усмотритъ книги седмой въ 59 главѣ, что Римляне заподлинно четыреста пятьдесятъ

 че-

четыре года ни головы, ни бороды не брили. М. Варронъ повѣствуетъ, что Тициній Мена первой брильщиковъ изъ Сициліи вывезъ въ Римъ; и въ то время жестокой Римляне между собою имѣли споръ, принять ли оныхъ, или нѣтъ; почитая за крайнюю глупость, ежели повѣритъ человѣкъ жизнь свою бритвѣ.

Діонисій Сиракузскій никогда не давалъ брить бороду свою бритовщику, а остригали ему оную ножничками малолѣтныя его дочери; но и тѣмъ, когда начали приходить въ совершенной возрастъ, бороду повѣрить не отважился, прижигая самъ себѣ волосы огнемъ. Когда же спросили: *для чего онъ ни одному брильщику бороды своей не повѣряетъ? Вѣдаю я*, отвѣчалъ, *иной больше дастъ денегъ брильщику за то, чтобъ лишилъ меня жизни, нежели я ему плачу за бритье бороды.* Плиній книги седмой въ 59. гл. повѣствуетъ, что Сципіонъ Африканскій и Августъ прежде всѣхъ въ Римѣ начали бриться каждой день; однакъ, кажется мнѣ, клонилъ Плиній рѣчь сію къ единственному возвышенію похвалами сихъ Государей, коимъ, чтобъ допустили къ гортани своей бритву, не меньшую надлежало имѣть смѣлость, какъ бы въ самое то время, когда первой изъ нихъ въ Африкѣ съ Аннибаломъ, а другой въ Сициліи съ Секстомъ Помпеемъ войну производили.

ПЯТОЕ, *согласіе всѣхъ народовъ было въ принятіи часовъ*, коихъ Римляне чрезъ долгое время, и какъ Плиній и М. Варронъ повѣ-

повѣствуютъ, чрезъ пять сотъ девяносто пять лѣтъ не имѣли. Исправнѣйшіе Историки упоминаютъ, что древніе изобрѣли часовыхъ орудій три рода, то есть: часовое, солнечное и водяное, изъ которыхъ первое по теченію часовъ, второе по теченію солнца, а третье по теченію воды, размѣряютъ время. Часы солнечные выдумалъ Анаксименъ Милезскій, ученикъ Анаксимандровъ (*именуемые Сціотериконъ*). Водяные (*называемые Клепсидра*) нашелъ Сципіонъ Назика. А временоразмѣрительные (*нарицаемые Клепсаммидіонъ или Автоматонъ*) изобрѣлъ нѣкоторый ученикъ Философа Ѳалета. Изъ всѣхъ древностей привезенныхъ въ Римъ ни одна съ толикою пріятностію отъ Римлянъ не была принята, какъ временоразмѣрительныя орудія, помощію которыхъ могли Римляне день раздѣлять на часы. Ибо до того не можно было имъ сказать: *въ седьмомъ часу встанемъ, въ девятомъ пообѣдаемъ, въ двенатцатомъ соберемся, въ первомъ разойдемся, а въ третьемъ должность свою отправлять будемъ.* Но только въ случаѣ нужды: *Сіе дѣло по восхожденіи, а то предъ захожденіемъ солнца исправимъ*, говаривали.

Упомянулъ я о сихъ пяти древностяхъ въ настоящемъ предисловіи, единственно чтобъ показать причину для чего сію мною сочиненную книгу назвалъ *ЧАСАМИ ГОСУДАРЕЙ.* Ибо надѣялся, что ежели сія книга имѣть будетъ такое новое и необыкновенное название,

ніе, то и содержащееся въ ней ученіе почтутъ за велико. Избави Боже! чтобъ я отважился сказать, будто бы и Испанія столь же долговременно лишалась часовъ ученія, сколь долго Римляне часовъ солнечныхъ и водяныхъ не имѣли. Ибо оная учеными и мудрыми людьми, и храбрыми Героями всегда изобиловала.

Весьма достойно и праведно есть хвалить Испанскихъ Государей, Кавалеровъ и народовъ, ихъ остроуміе и храбрость, благорастворение воздуха, здоровость водъ, и плодоносіе земли. Однако не хвалю и проклинаю многія въ Испаніи свѣтскія книги, которыя такъ, какъ разбитые часы, бросить въ огонь и вновь передѣлать было бы не худо. Не безъ причины говорю, что многія книги достойно изрубить и предать огню. Ибо въ нынѣшнемъ вѣкѣ, не наблюдая стыда и совѣсти, о любовныхъ дѣлахъ сочиняютъ книги съ не меньшею горячностію, аки бы свѣтъ презирать учили. По истиннѣ сожалительно, что многіе упражняются денно и нощно въ чтеніи непотребныхъ книгъ, сирѣчь: *Амадиза*, *Прималеонта*, *Луарта*, *Луцедна* и *Каликста*, которыхъ наставленія читая, смѣло говорю, не провождаютъ, но погубляютъ время. Ибо оныя не тому учатъ, какимъ образомъ отъ пороковъ остерегаться, но кого въ предводители къ гораздо вящшему злочинію избирать должно.

Сіи ЧАСЫ ГОСУДАРЕЙ суть не песочные, ниже солнечные, ниже водяные или часовые; но

но часы жизненные. Ибо прочіе служатъ только къ познанію дневныхъ или ночныхъ часовъ; а сіи научаютъ какимъ образомъ каждой часъ располагать, и цѣлую жизнь провождать должно. Тѣ часы изобрѣтены для разпорядка государственныхъ дѣлъ; а сіи ЧАСЫ ГОСУДАРЕЙ учатъ насъ жить добродѣтельно. Ибо мало пользы, ежели при часахъ порядочно заведенныхъ, и исправно текущихъ, граждане, будучи не согласны, мятежи и междоусобныя производятъ брани.

Максимиліанъ перьвый, когда по возрасту имѣлъ уже способность къ наукамъ, отданъ учителю Петру, бывшему послѣ того въ новомъ городѣ настоятелемъ, и нѣсколько лѣтъ съ сверстниками, нѣкоторыхъ Вельможъ дѣтьми, обучался Латинскому языку. Но какъ оный учитель, будучи искусенъ въ однихъ токмо Діалектическихъ разнорѣчіяхъ, отваживался внушать Максимиліану трудныя Ораторскія задачи, коихъ онъ понимать не могъ; то чаще жестокіе побои терпѣлъ учитель отъ того, котораго самаго сѣчь надлежало. Ибо плѣть рабу, а не свободному приличествуетъ. Напослѣдокъ Князь вмѣсто того, чтобъ къ наукамъ возъимѣть вящшую горячность, пуще оныя возненавидѣлъ. Я изустно слышалъ у Максимиліана, который, будучи уже Императоромъ Римскимъ, во время стола многимъ предстоящимъ сказалъ: *Естьли бы теперь учитель мой въ живыхъ находился; то хотя мы учителямъ своимъ*

 много

много должны, принудилъ бы однакожъ я его каяться, что онъ меня училъ. Ибо сколь много обязаны мы благодарить добрымъ учителямъ, которые хорошо обучаютъ насъ въ младолѣтствѣ; столь жесточаѣ наказывать должно глупыхъ, кои погубляютъ неоцѣненное младости время, уча дѣтей тому, чего отъучить весьма трудно. *О семъ повѣствуетъ Іоаннъ Куспиніанъ въ житіи Максимиліана перваго Императора.*

ПРЕ-

ПРЕДИСЛОВІЕ ОСОБО,
КЪ
ОНОМУЖЪ ИМПЕРАТОРУ ПИСАННОЕ,
въ которомъ Авторъ
о
переведенной отъ него книгѣ, называемой Маркъ Аврелій, изъясняетъ.

Суета, которую я въ любителяхъ суеты усматриваю, паче всѣхъ суетъ суетнѣйшая, что они не довольствуясь суетностію своей жизни, стараются, дабы и по смерти суеты ихъ пребывала память. Ибо суетный и легкомысленный человѣкъ, думая, что по смерти не льзя уже будетъ служить свѣту, которому онъ работалъ въ своей жизни, желаетъ, дабы по крайней мѣрѣ хотя воля его въ немъ оставалась. Многіе толь глубоко пристрастились къ сему свѣту, что хотя оной самымъ дѣломъ ихъ оставляетъ; но они не оставляютъ его своимъ желаніемъ. Такого состоянія люди, смѣло божусь, подтвердятъ присягою, что ежелибъ свѣтъ могъ даровать имъ жизнь вѣчную: пообѣщались бы они въ немъ сумозбродствовать безконечно. Ахъ! сколько въ тщетной сей жизни суетныхъ человѣковъ; кои ни о Богѣ, чтобъ оному работать; ни о соб-

собственной чести, чтобъ дѣйствія свои учреждать по правиламъ оной; ни о нищихъ, чтобъ онымъ помогать; ни о совѣсти, чтобъ оную очистить; ни о жизни, чтобъ оную исправить, попеченія не имѣютъ; но иждиваютъ время въ скотскихъ страстяхъ, подобясь безсловеснымъ.

Безсловесное животное, ежели раздражатъ, ярится; утрудясь, отдыхаетъ; когда захочетъ, спитъ; ежели востребуетъ нужда, пасется; естьли утомляетъ жажда, пьетъ; естьли принуждаютъ, работаетъ; и о обществѣ попеченіемъ не суетится, потому что предводительству разума слѣдовать, и похотѣніямъ чувствъ противиться не можетъ. А человѣкъ, который, сколько ни захочется, ѣстъ, пьетъ, довольствуется сномъ, за обиды мститъ, и въ случаѣ искушенія прелюбодѣйствуетъ; не достоинъ назваться человѣкомъ въ обществѣ рожденнымъ, но звѣремъ въ пустыняхъ воспитаннымъ. Ибо тотъ только заслуживаетъ имя человѣка, кто въ мирскихъ вещахъ самимъ собою обладать и повелѣвать тщится; то есть: дѣла свои не по желанію похоти, но по правиламъ разума располагаетъ.

Но оставимъ суетныхъ человѣковъ, пока еще въ жизни; къ которымъ ни мало не дивно, что прилѣпляются мирскія вещи, когда они въ свѣтѣ пребываютъ, въ свѣтѣ живутъ, и за свѣтомъ гоняются; и полюбопытствуемъ отъ умершихъ: чего ради по окончаніи бѣдствен-

ственной и безплодной жизни, будучи уже погребены въ землѣ, мирскую суету чувствовать желаютъ? Срамъ и стыдъ, ежели посмотримъ на честныхъ и благороднымъ сердцемъ одаренныхъ людей, что конецъ жизни нашея всякъ, а безумія предѣловъ никто не видитъ.

Мы ничего чаще не видимъ, ни слышимъ, ниже читаемъ, какъ то, что крайнѣ обществу безполезные, а притомъ мерзскаго и непотребнаго житія люди, паче другихъ за живота своего быть почтенными, и по смерти преславную память оставить желаютъ. Что можно въ свѣтѣ вымыслить тщетнѣйшее, какъ имѣть попеченіе о мірѣ, которой ни о комъ не печется; и не стараться о Богѣ, который о всѣхъ старается? Какое еще большее можетъ человѣкъ вздумать безуміе, какъ для умноженія чести и богатства, душу свою день отъ дня въ хуждшее приводить состояніе? Замашерѣлое есть въ родѣ человѣческомъ зло, что многіе, или лучше сказать, наибольшая часть, пріобрѣтеніе достоинства исправленію жизни предпочитаютъ.

Светоній Транквиллъ книги первой о Цесаряхъ въ седьмой главѣ повѣствуетъ, что Іулій Цесарь, будучи въ отдаленной Испаніи Квесторомъ, пріѣхалъ въ городъ Гады, называемой нынѣ Кадиксъ, и увидя подлѣ капища Геркулесова поставленной Великаго Александра портретъ, тяжело вздохнулъ; и когда спрашивали его о причинѣ воздыханія: *о тещь недостойная*! отвѣтствовалъ, *Александръ*

ксандръ въ тридесятое жизни своей лѣто, какое и мнѣ теперь отъ рожденія, покорилъ цѣлой свѣтъ, и въ Вавилонѣ успокоился; а я, будучи природою Римлянинъ, и по нынѣ ничего еще не учинилъ знаменитаго, дабы чрезъ то въ жизни пріобрѣлъ славу, а по смерти оставилъ память.

Діонъ Греческій писатель во второй книгѣ о смѣлости говоритъ, что знаменитѣйшій мужъ Друзъ Германскій имѣлъ обычай посѣщать гробы славныхъ героевъ въ Италіи погребенныхъ, дѣлая то во всякое время, когда съ войскомъ въ походъ итти надлежало. Вопрошающимъ же его о причинѣ, отвѣтствовалъ: *гробы Сципіоновъ, и другихъ, уже скончавшихся Героевъ, предъ лицемъ которыхъ, во время жизни ихъ, вся земля дрожала, посѣщаю я на тотъ конецъ, дабы разсуждая о добромъ ихъ счастіи, восвріялъ мужество и храбрость. Сердце*, примолвилъ онъ потомъ, *жестоко распаляется на убивство непріятеля, ежели подумаетъ кто о будущей памяти своей въ поздые вѣки.*

Цицеронъ въ Риторическихъ книгахъ повѣствуетъ, и Плиній въ посланіи своемъ упоминаетъ, что нѣкоторый Кавалеръ изъ Египетскихъ Ѳивъ пріѣхалъ въ Римъ единственно для того, дабы очевидно удостовѣриться о великолѣпіи Римлянъ, подлинноль правда, какъ слухъ носится. Когда же спросилъ его нѣкто изъ Вельможъ: *Какого онъ мнѣнія о Римлянахъ, видя толикой городъ Римъ?*

Лучше

Лучше мнѣ понравилась, отвѣтствовалъ, память мимошедшихъ, нежели слава настоящихъ. Понеже обитающіе въ немъ граждане, продолжалъ онъ, *стараясь иныхъ живыхъ превзойти, а иныхъ умершихъ быть равными, толикія въ жизни преславныя дѣла учинили, что и по смерти безсмертное заслужили имя.* Римляне много радовались, услыша изъ устъ иностраннаго человѣка таковыя слова, которыми онъ превозносилъ мимошедшихъ и настоящихъ похваляя.

Всѣ древніе язычники, поелику ни адскихъ мученій не боялись, ни райскаго веселія не уповали; изъ слабости крѣпость, изъ малодушія смѣлость, изъ страха храбрость, изъ опасности отважность, изъ непріятелей друговъ, изъ убожества терпѣливость, и изъ лукавства другихъ осторожность снискивали: наконецъ собственную отвергая волю, слѣдовали чужому мнѣнію для того только, чтобъ оставить нѣкоторую по себѣ память между мертвыми, и хотя малую пріобрѣсть славу между живыми. Коль многіе съ тѣмъ единственно намѣреніемъ, дабы знаменитую по смерти своей оставить память, предавали себя волнамъ непостояннаго счастія! Въ доказательство о справедливости моихъ словъ воспомянемъ мы нѣкоторые примѣры.

Что принудило Нина выдумать военное ополченіе? Семирамиду устроить толикія зданія? Греческаго Уликсa плавать по толь многочисленнымъ морямъ? Великаго Александра

столько пройти государствѣ? Ѳивскаго Геркулеса воздвигнуть пирамиды на томѣ мѣстѣ, гдѣ оныя поставилѣ? К. Цесаря Римскаго отправить знатныхѣ сто сраженій? Кира Персидскаго Царя завладѣть обѣими Азіями? Аннибала Карѳагенскаго толь жестокую войну поднять на Римлянѣ? Пирра Епирскаго Царя, перейти вѣ Италію? Аттила Венгерскаго Короля, воевать противѣ цѣлой Европы? По истиннѣ, толикія трудныя дѣла предпринимали они не для того, чтобѣ отѣ современныхѣ только быть прославляемымѣ, но дабы и мы сіи дѣла ихѣ провозглашали.

Поелику мы человѣки, и родились отѣ человѣковѣ; то весьма удивительно, что и самые человѣки и человѣческія сердца толико между собою разнствуютѣ. Ибо мы ничего инаго повседневно не видимѣ, кромѣ что ежели десять мужей храбрыхѣ ищутѣ случая умереть славно; напротивѣ того десять тысячь трусливыхѣ ищутѣ нѣги для продолженія жизни. Старающіеся о достиженіи славы пусть вѣдаютѣ, что кои славу свою дорого цѣнятѣ, тѣмѣ животѣ свой ни вочто вмѣнять должно; напротивѣ же того, которые жизнь свою за велико ставятѣ, тѣхѣ славу дешево цѣнить будутѣ. Великодушные Герои, прославившіеся между Сиріанами, Ассирійцами, Вавилонянами, Греками, Македонянами, Родійцами, Ѳивянами, Римлянами, Карѳагенцами, Германцами, Венграми, Испанцами, и Галлами, не оставилибѣ никогда безсмертной

тной будущимъ вѣкамъ памяти; естьли бы жизни своей (такъ сказать) не ввергнули въ пламень бѣдствій.

Секстъ Херонейскій въ третьей книгѣ о дѣлахъ Римскихъ повѣствуетъ, что М. Маркеллъ, преславный Полководецъ, который первой обратилъ въ бѣгство Аннибала, когда нѣкто его спросилъ: *для чего онъ столько въ ополченіи смѣлъ, и чего ради въ сраженіяхъ толь отважен?* *Другъ мой*, отвѣчалъ, *я Римлянинъ, и Римскій Полководецъ; почему должно мнѣ всегдашно жизнь свою подвергать опасностямъ, вѣдая, что одна только сія дорога ведетъ къ вѣчной славѣ.* А какъ еще спросилъ, *чего ради онъ въ пораженіи непріятеля будучи толь жестокосердъ, вскорѣ, получа побѣду, такъ человѣколюбно оплакиваетъ побѣжденныхъ?* *Полководцу Римскому*, отвѣтствовалъ, *который не желаетъ слыть мучителемъ, въ то же самое время, когда проливаетъ непріятельскую кровь руками, купно и слезы изъ глазъ своихъ проливать должно. Ибо лучше ему тѣшиться своимъ милосердіемъ, нежели хвалиться побѣдою. Полководцу Римскому*, примолвилъ онъ, *ставъ посреди воинства, на противоборныхъ, аки на непріятелей взирать надлежитъ, съ упованіемъ одержать надъ ними побѣду; когда же будутъ побѣждены, то памятовать должно, что какъ они суть человѣки, такъ и самъ онъ, яко человѣкъ, могъ быть побѣж-*

ден-

деннымъ. Ибо удачи нигдѣ меньше не соотвѣтствуютъ намѣреніямъ, какъ на войнѣ. Рѣчь, поистиннѣ, приличная толикому мужу! И я смѣло утверждаю, что всякъ сказанныя отъ сего Римлянина слова читая, или слыша, хвалить будетъ; но весьма мало сыщется такихъ, чтобъ дѣла его подражали. Ибо многіе добродѣтели величаютъ, но весьма рѣдкіе ихъ исполняютъ.

Неспокойнаго и мятежнаго сердца люди, ежели распаляются ревностію послѣдовать древнимъ, пусть разсудятъ, съ коликими трудами и бѣдствіями они тѣхъ достигли тріумфовъ. Ибо ни одинъ Полководецъ въ Римѣ не торжествовалъ прежде, пока тысячу кратъ жизни своей опасностямъ не подвергнулъ. Чаятельно, не ошибаюсь я въ томъ ни мало, что говорить намѣренъ; сирѣчь: *всѣ жадничаютъ вкушать сладость славы, но горестію бѣдъ никто не хочетъ сокрушить зубовъ своихъ.* По истиннѣ, ежели бы довольно было однихъ только желаній къ пріобрѣтенію славы, безъ всякаго сомнѣнія утверждаю, что и самый послѣднѣйшій временъ нашихъ рабъ вящшее, нежели въ Римѣ было у славнаго Героя Сципіона, имѣетъ. *Ибо нѣтъ ни единаго изъ всѣхъ смертныхъ, который бы, хотя крайнѣ убогъ, величайшаго къ славѣ и чести не имѣлъ желанія.*

Посмотри лишъ на молодыхъ дворянъ, которые злонравны и непостоянны; то увидишь, что многіе изъ нихъ слыша о достопамя-

памятномъ сраженіи, на которомъ равные имъ лѣтами и чиномъ воины удивительныя дѣла учинили, тотчасъ разжигаются ревностію, кипитъ въ нихъ отъ ярости кровь, передѣваются немедленно изъ гражданскаго платья въ военной мундиръ, безмѣрно желаютъ какъ наискорѣе отправиться въ походъ, все цѣло посвящаютъ себя военнымъ подвигамъ; напослѣдокъ, возбуждаясь горячестію младыхъ лѣтъ, просятъ у Государя позволенія ѣхать въ Армію, и у свойственниковъ на содержаніе свое занимаютъ деньги. Но какъ только выѣхали за границы своего отечества, и будучи уже въ чужой землѣ, ночнаго безпокойства и дневныхъ трудовъ отвѣдаютъ; тамъ то кричатъ къ ружью; посылаютъ на караулъ; провіантъ хотя и есть, да нѣтъ квартиръ; придетъ день получать жалованье, а уже и другое впередъ съѣдено: таковыя и подобныя симъ бѣдствія, когда притѣснятъ тѣхъ младолѣтныхъ юношъ, то приходятъ они въ отчаяніе, а наипаче воспоминая прохладныя въ рощахъ бесѣдки, въ коихъ наипріятнѣйшимъ образомъ гуляли, и теплые комельки, у которыхъ зимою игрывали въ карты: *Ибо воспоминаніе прошедшихъ веселій умножаетъ настоящія досады.* И такъ, пренебрегши то, что съ начала говорили имъ родственники, и не слушая, что нынѣ совѣтуютъ пріятели, оставя войну, всякъ домой возвратиться намѣреваетъ, и о обратномъ отпускѣ въ домъ добиваются десятью болѣе того,

 какъ

какЪ одиножды вЪ Армію ѣхать позволенія просили; *всего же срамнѣе, выѣхавъ изъ отечества съ великою суммою денегъ, возвращаются назадъ со множествомъ пороковъ.*

СказалЪ я сіе на тотЪ конецЪ, дабы разумные и добродѣтельные мужи усмотрѣли, какими средствами суетный и легкомысленный человѣкЪ достигаетЪ славы; которая, не вЪ окна выглядывая, но границы защищая; не вЪ карты играя, но на сраженіи ополчаясь; не вЪ шелковыя платья одѣваясь, но оружіемЪ обременяясь; не для увеселенія проѣзживаясь, но о непріятельскихЪ обманахЪ провѣдывая; не до половины дня просыпая, но даже до утренней зари бодрствуя; не красотою величаясь, но мужественнаго и храбраго кавалера славѣ ревнуя; не сЪ пріятельми пируя, но на непріятелей нападая, пріобрѣтается.

Все же сіе хотя бы исполнялЪ благородный; вѣдаю однакожЪ я, что оное есть одна точію суета и безуміе. Но понеже свѣтЪ вЪ таковыхЪ дѣлахЪ полагаетЪ славу, и единымЪ только симЪ путемЪ желаетЪ достигать оной; то благородные юноши ко отправленію великихЪ и достопамятныхЪ дѣлЪ всѣ силы напрягать должны. Ибо ежели война справедлива и принята для обороны отечества; достойнѣе похвалы и подражанія тотЪ, который отЪ непріятельской руки умираетЪ, нежели который жизнь вЪ порокахЪ и бесчиніяхЪ провождаетЪ.

Стыдно и предосудительно благороднымъ, сидя дома, слышать похвалу обрѣтающихся въ военной службѣ. Понеже благородному и храброму юношѣ не пристойно говорить или слышать о славныхъ дѣлахъ, каковы другими произведены; но самому такъ себя весть должно, чтобъ о знаменитыхъ его дѣлахъ другіе говорили. Ахъ! сколько теперь надменныхъ спесью, и не довольно просвѣщенныхъ разумомъ, кои ни о чемъ болѣе, кромѣ единственно о чужей славѣ велерѣчатъ, а свою жизнь безславно провождаютъ! Не напрасно говорю, что многіе непрестанно носятъ на языкѣ славу; но сами и умираютъ безъ славы. *Ибо предки наши въ поляхъ мечемъ поепали, а нынѣшнее юношество при столѣ языками поютъ.*

Но поелику извѣстно, что всѣ смертные, не взирая на свою тщетность, ревностно желаютъ оставить по себѣ память; то должны за жизни своей дѣлать то, что по смерти ихъ честною славою украсить, а не срамнымъ безславіемъ на вѣки опорочить можетъ. Ибо многіе изъ древнихъ такую по себѣ оставили память, что сожалѣнія паче, нежели подражанія кажутся достойны. Желалъ бы я спросить у тѣхъ, которые о семъ или услышатъ, или сами читать будутъ: кому они завидуютъ? Немвроду ли, первому тиранну? Или Семирамидѣ, которая съ сыномъ своимъ прелюбодѣйствовала? Антенору ли, который польстясь на золото, предалъ отечество свое Трою? Или Медеѣ, которая умертвила чадъ своихъ?

 Та-

Тарквинію ли, который насильно растлилъ Лукрецію? Или Іунію Бруту, который убилъ Цесаря? Силлѣ, который толико пролилъ крови? Или Катилинѣ, который тирански отечествомъ завладѣть покушался? Югурѳу ли, который истребилъ братьевъ своихъ? Калигулѣ ли, который съ родными сестрами учинилъ кровосмѣшеніе? Или Нерону, который мать свою лишилъ жизни? Еліогабалу ли, который ограбилъ храмы? Или Домитіану, который ничего болѣе не зналъ, кромѣ точію чужими руками убивать людей, а своими мухъ? Сихъ еще мало, въ разсужденіи множества тѣхъ, коихъ могъ бы я изчислить: о которыхъ говорю и утверждаю, ежелибъ я былъ на ихъ мѣстѣ, не знаю подлинно, что бы дѣлалъ; чувствую однакожъ, что горестнѣе было бы мнѣ впасть въ толикое, какъ они, безславіе; нежели потерять жизнь такъ, какъ они потеряли.

Мало прибыли въ рѣкѣ, которая изобильна рыбой, или горѣ, гдѣ много звѣрей; ежели пришедшій туда человѣкъ ловить не умѣетъ. Примѣромъ симъ доказывается, что мало пользы великія дѣла повѣрить такому человѣку, который не умѣетъ оныхъ сопрягать съ славою и достоинствомъ. *Ибо къ пріобрѣтенію славы, великаго разума, а къ сохраненію труда надобно.* Разумные мужи трудныя и опасныя дѣла съ наиприлѣжнѣйшимъ разсужденіемъ и осторожностію предпринимать должны; вѣдая, сирѣчь, что слава не изъ инаго источника почер-

черпается, кромѣ изъ котораго и безславіе происходить можетъ.

Но да приступлю къ моему намѣренію, Пресвѣтлѣйшій Государь, нынѣ же кленусь и предвозвѣщаю, что Ваше Величество присягою утвердить соизволите, что желательнѣе Вамъ по смерти безсмертная слава, нежели какое либо въ жизни сей спокойство: да и неудивительно мнѣ сіе кажется. Ибо о преславныхъ дѣлахъ добрыхъ Государей вѣчная будетъ процвѣтать память; напротивъ того о развратности бесчинныхъ никогда не замолчитъ роптаніе. Хотя же Ваше Величество на высочайшую Цесарскаго достоинства степень возведены, и достохвальнѣйшими, нежели Каѳолическому Царю возможно, прославились дѣлами; однакъ усматриваю я толь высокіе Вашего Величества къ предпріятію важнѣйшихъ дѣлъ замыслы, и толь мужественное ко отправленію ихъ сердце, что пространнѣйшее наслѣдіе, которое Ваше Величество отъ предковъ воспріяли, за малое почитаете предъ тѣмъ, которое сами пріобрѣсть, и потомкамъ оставить намѣреваете.

Нѣкто изъ Полководцовъ Іулія Цесаря, о чемъ въ Комментаріяхъ его повѣствуется, будучи вопрошенъ: *для чего онъ зимою въ толикія снѣжныя ненастья и морозы бодрствуетъ; а лѣтняго времени въ толикіе жары продолжаетъ путь? Я буду дѣлать*, отвѣчалъ, *то, что мнѣ польно; а судьба пускай дѣлаетъ то, что въ ея состоитъ пла-*

пласти. Ибо въ лутшую цѣну должно ставить сердце, съ которымъ предпріемлется сраженіе, нежели фортуну, съ которою получается побѣда: для того что перьвое отъ храбрости, а другое отъ счастія зависитъ. Рѣчь по истиннѣ приличная Римскому Полководцу и храброму герою!

Надпись, которая Вашего Величества клейноды украшаетъ, сирѣчь: ГОРАЗДО ДАЛѢ; кажется мнѣ, значитъ далечайшаго пути предпріятіе. Во истинну, необходимость требуетъ, чтобъ Ваше Величество въ слабомъ тѣлѣ ощущали геройской духъ, поелику сими словами, ГОРАЗДО ДАЛѢ, обязалися Вы даже до толѣ пройти, куда ни одинъ изъ преждебывшихъ Государей не могъ достигнуть. И такъ, ежели не въ равенствѣ со многими путешествовать, но всѣхъ теченіемъ своимъ предъупредить, пріятнѣе вамъ показалось; то имѣемъ мы благовременную и справедливую причину, священнѣйшей Вашего Величества особѣ представить многихъ Государей, совершившихъ дѣла свои храбро и мужественно; дабы Ваше Величество по стопамъ ихъ слѣдовать соизволили. Государь, желающій быть добродѣтельнымъ, долженъ знать, которые Государи были добродѣтельные. Ибо, какъ того, что злонравные хулятъ, презирать, такъ и того, что ласкатели хвалятъ, принимать не должно.

Сколько находимъ мы въ Исторіяхъ Государей, о которыхъ я весьма соболѣзную,

подѹ-

подумавъ, коликія имъ въ жизни дѣланы были ласкательства; и напротивъ того видя, коль срамными по смерти ихъ писатели ругаютъ словами! Великіе Государи и Князи наиприлѣжнѣе разсматривать должны не то, что предъ глазами, но что въ отсутствіи ихъ бываетъ; не то, что слышатъ, но чего и слышать бы не хотѣли; не то, что говорятъ люди, но что говорить бы желали; не то, что за жизни ихъ пишутъ, но что по смерти ихъ писать будутъ: и слушать не тѣхъ, кои ласкательствуютъ, но которые сказывалибъ правду, ежелибъ имѣли дерзновеніе. Ибо, что о многихъ дѣлахъ подданные говорить не смѣютъ, часто не отъ недостатка вѣрности, но отъ ревности сердца Царева происходитъ. Не пристойно великодушному и благоразумному Государю, услыша отъ совѣтника правду, скоропостижно вѣрить, и ласкательствамъ даваться въ обманъ; но дабы узнать могъ, тѣ которые правду говорятъ, къ пользѣ ли его совѣтуютъ; и тѣ кои произносятъ ласкательства, не обманываютъ ли, съ самимъ собою внутренно разсуждать долженъ. *Ибо правду и ложь ни что яснѣе не изобличаетъ, какъ собственная совѣсть.*

Сіе туда простирается, дабы Ваше Величество узнали, что я не такія вамъ приношу похвалы, каковыхъ и сами отъ меня не требуете, и я приписывать не долженъ, сирѣчь: чтобъ представлялъ ласкателя въ насто-

стоящемъ сочиненіи. Крайнѣ срамно и безчестно было бы мнѣ, ежели бы я, будучи слова Божія проповѣдникъ, изъ устъ своихъ произносилъ ласкательства, и оныя осмѣлился вдохнуть въ уши толь высокаго Государя. Кленусь священствомъ моимъ, что лучше желаю я быть презрѣннымъ за правду, нежели почтеннымъ за ласкательства. Ибо, по истиннѣ, слушать оныя Вашему Величеству было бы предосудительно; а моей подлости вымышлять вмѣнилось бы за святотатство.

Но да приступлю къ намѣренію: великими похвалами превозносятъ Историки Ликурга, что законы предписалъ Лакедемонянамъ; Нуму Помпилія, что съ благоговѣніемъ почиталъ храмы; М. Маркелла, что побѣжденныхъ отъ себя непріятелей оплакивалъ; Іулія Цесаря, что щадилъ враговъ своихъ; Октавія, что всему народу былъ любезенъ; Великаго Александра, что всякому являлъ щедроты; Гектора Троянскаго, что храброй былъ воитель; Геркулеса Ѳивскаго, что крѣпость силъ своихъ употребилъ съ толикою славою; Улинса Греческаго, что въ толикія опасности предался; Пирра, Епирскаго Царя, что удивительныя выдумалъ машины; М. Аттилія Регула, что толь суровыя претерпѣлъ мученія; Тита Императора, что былъ отецъ сиротъ; Траяна, что толикія устроилъ зданія; наконецъ добродѣтельнѣйшаго М. Аврелія, что всѣхъ превзошелъ мудростію и ученіемъ.

Я

Я не утверждаю, непобѣдимѣйшій Цесарь, что каждый настоящаго времени Государь обязанъ исполнить добродѣтели всѣхъ прежде-бывшихъ Государей; смѣло однакожъ говорю, что какъ одинъ Государь всѣмъ во всѣхъ дѣлахъ слѣдовать не можетъ; такъ напротивъ того, ежели ни въ чемъ ни одному не послѣдуетъ, есть срамно и безчестно. Мы не требуемъ, чтобъ Государи дѣлали все то, что имъ можно; но дабы хотя нѣсколько того, что должно, дѣлать старались. Не напрасно говорю, чтобъ хотя малую частицу того, что должно, дѣлали: понеже Государи не имѣли бы времени обращаться въ порокахъ, естьли бы все то, что долгъ ихъ повелѣваетъ, исполнять тщились.

Плиній въ нѣкоторомъ письмѣ повѣствуетъ, что Катонъ Ценсоринъ носилъ на рукѣ кольцо, на которомъ вырѣзаны были слѣдующія слова: *будь другомъ одному, а непріятелемъ никому.* Во внутренность сихъ словъ ежели кто вникнетъ; то найдетъ кроющіяся подъ ними премногія и весьма важныя разсужденія. Но да соглашу сіе съ настоящимъ дѣломъ, утверждаю, что Государь, который похвально управлять своимъ государствомъ, равномѣрное оказывать всѣмъ правосудіе, жизнь провождать въ покоѣ, всѣхъ устами быть прославляемымъ, и вѣчную по себѣ память оставить желаетъ, долженъ единаго подражать добродѣтели, и всѣхъ порокамъ быть не причастенъ. Подлинно, я хвалю и утверждаю

намѣ;

намѣреніе Государей, что они не токмо со многими сравниться, но еще многихъ и превзойти желаютъ: совѣтую однакожъ имъ напрягать всѣ силы къ подражанію котораго нибудь единаго. Ибо не рѣдко бываетъ, что тѣ, кои въ жизни многихъ превзойти тщатся, напослѣдокъ и равенства ни съ единымъ не достигши умираютъ. Хотя бы кто многія дѣла учинилъ, а сверьхъ того еще ко отправленію и множайшихъ распространялся въ своемъ намѣреніи; однако не больше каждой изъ смертныхъ, кромѣ единое бытіе, единую волю, единую силу, единое рожденіе, единую жизнь и единую смерть имѣетъ. И такъ, когда онъ только одинъ; то не больше, какъ токмо то, что одному приличествуетъ, присвоять себѣ долженъ.

Изъ всѣхъ же добродѣтельныхъ Государей, которыхъ я выше сего на разсужденіе представилъ, при окончаніи написанъ М. Аврелій для того, чтобъ служилъ вмѣсто печати. Ибо хотя многихъ Государей дѣла чтенія и знанія достойны; но М. Аврелій, что ни сдѣлалъ, или сказалъ, все не токмо къ знанію достойно, но и къ подражанію нужно. Я не говорю, что сего Государя въ языческихъ обрядахъ, но въ дѣйствіяхъ добродѣтели подражать; и не на то соглашаться, чему онъ вѣрилъ; но то только, что доброе дѣлалъ, принимать должно. Ибо ежели сравнить многихъ Христіянъ съ нѣкоторыми язычниками, то сколько

ко мы упредили ихъ вѣрою и благочестіемъ, столько они насъ добродѣтельми предваряютъ.

Всѣ Государи древнихъ вѣковъ имѣли дружеское съ которымъ нибудь похвальнымъ Философомъ обхожденіе. Александръ имѣлъ при себѣ Аристотеля, Дарій Плотина, Августъ Писта, Помпей Плавта, Титъ Плинія, Адріанъ Секунда, Траянъ Плутарха, Антоній Аполлонія, Ѳеодосій Клавдія, Северъ Фабата; словомъ: толикое преимущество имѣли Философы при дворахъ Государей, что царскія дѣти за отцовъ, а отцы за учителей своихъ почитали. Впрочемъ, тѣ Философы, когда пользовались дружбою Государей, были живы; а М. Аврелій, коего ученіе Вашему Величеству я предлагаю, не въ живыхъ, но въ царствѣ мертвыхъ пребываетъ: писанія однакожъ его Ваше Величество принять не возгнушайтесь по той причинѣ, что самаго въ присутствіи нынѣ имѣть не можете. Ибо, можетъ статься, вящше воспользуетъ насъ то, что онъ написалъ своими руками, нежели что прочіе живучи сказали словами.

Плутархъ повѣствуетъ, что Аристотель жилъ во времена Великаго Александра; а Омиръ ужѐ давно умеръ. Спросимъ же мы теперь, колико одному изъ нихъ Александръ вѣрилъ, а другому отдавалъ почтенія? По истиннѣ, книгу Омирову, когда ложился спать, имѣлъ въ рукахъ; и когда пробуждался, читывалъ, всегда нося оную не токмо въ пазухѣ, но и на головѣ своей. Аристотель же не столько

былъ

былъ ему любезенъ. Ибо не всегда его слушалъ, и не всегда ему вѣрилъ. И такъ, по-видимому, Омира почиталъ другомъ, а Аристотеля учителемъ.

Прочіе мудрецы были только Философами; а М. Аврелій былъ не токмо премудрымъ Философомъ, но и державнѣйшимъ Монархомъ: изъ чего легко разсудить можемъ, что больше ему, нежели другому кому либо вѣрить должно. Ибо онъ, какъ Государь, всѣ трудности, кои мы въ теченіи сея жизни претерпѣваемъ, выразитъ: и какъ Философъ, облегчительныя средства покажетъ. Сего то премудраго Философа и знаменитаго Императора отцемъ въ юности, наставникомъ въ правленіи, Полководцемъ въ войнахъ, вождемъ въ пути, другомъ въ трудахъ, примѣромъ въ добродѣтеляхъ, учителемъ въ знаніяхъ, предметомъ въ желаніяхъ, и помощникомъ въ дѣлахъ Ваше Величество принять не возгнушайтесь.

По истиннѣ, вознамѣрился я описывать жизнь сего Государя, который былъ язычникомъ; а не инаго, который бы былъ Христіяниномъ, для того, что коликою сей языческій Царь въ настоящемъ мірѣ процвѣталъ славою за добрыя дѣла, толикое воспріимите Ваше Величество отъ Бога наказаніе въ будущемъ вѣкѣ, ежели дѣла ваши явятся худы. Писать о М. Авреліи Императорѣ возбудило меня и сіе, что онъ былъ природою Испанецъ, какъ о томъ изъяснено въ первой гла-

вѣ настоящія книги. Ибо поелику имѣлѣ я кѣ величанію и описыванію Государя, произшедшаго изѣ единаго со мною отечества; Греческихѣ Государей казалось ужѐ мнѣ хвалить непристойно. Траянѣ, Маркѣ Аврелій, и Өеодосій Императоры были родомѣ Испанцы; почему и имѣемѣ мы трехѣ Императоровѣ усопшихѣ, а Ваше Величество четвертаго еще здравствующаго нынѣ. Да даруетѣ преблагій и всемогущій Богѣ, чтобѣ Ваше Величество такѣ долголѣтно и свято жили вѣ благочестіи Христіянскомѣ, какѣ тѣ Государи жили вѣ языческомѣ заблужденіи!

Воззрите Ваше Величество на жизнь сего Государя, и увидите, сколь проницателенѣ былѣ разумомѣ, коликой хранитель правды, сколь добродѣтеленѣ житіемѣ, благодаренѣ кѣ другамѣ, терпѣливѣ вѣ трудахѣ, молчаливѣ противо недоброхотовѣ, жестокѣ на тиранновѣ, кротокѣ кѣ миролюбивымѣ, коликой доброжелатель мудрыхѣ, коликой презрѣтель несмысленныхѣ, сколь счастливѣ вѣ войнахѣ, сколь щедролюбивѣ вѣ мирѣ, паче же всего, колико искусенѣ вѣ рѣчахѣ, и остроуменѣ вѣ мнѣніяхѣ.

Часто приходитѣ мнѣ на мысль: ежели предвѣчная оная власть, давѣ Государямѣ временную державу, изящнѣйшими паче всѣхѣ украсила васѣ дарами, можетѣ статься, не опредѣлилаль и того, чтобѣ вы не такѣ, какѣ мы, человѣческой слабости были причастны? Но сего нѣтѣ вѣ самой вещи. Я вижу, что

вы,

вы, будучи сыны сего свѣта, инако не можете жить, какъ по обычаю свѣтскому. Я вижу, что вы обращаясь въ семъ свѣтѣ, кромѣ свѣтскихъ дѣлъ, о иномъ мудрствовать не можете; и поелику во плоти пребываете, то необходимо подвержены и страстямъ плотскимъ. Я вижу, что вы, сколь бы жизнь Ваша ни продолжилась, принуждены однакожъ наконецъ во гробъ вселиться; вижу, что трудъ вашъ безпредѣленъ, и спокойствіе никогда во врата ваши не входитъ. Я вижу, что зимою стужу, и лѣтомъ зной солнечной претерпѣваете; вижу, что васъ удручаетъ алчба, и утомляетъ жажда; окружаютъ недоброхоты, и оставляютъ други; вижу, что терзаетесь печалію, и лишаетесь веселія. Я вижу, что вы страждете въ болѣзняхъ, и Министры служатъ вамъ нерадѣтельно; много имѣете, и многаго недостаетъ у васъ. Напослѣдокъ, чего намъ уже болѣе смотрѣть, какъ то, что Государи умираютъ?

Естьли же Великіе Государи и Князи необходимо должны быть по смерти червямъ пищею; то для чего вы, будучи въ жизни, гнушаетесь добрыхъ совѣтовъ? Вы, Монархи и Князи, ежели по случаю согрѣшаете; наказывать васъ никому не вольно: слѣдовательно по сей причинѣ увѣщанія и совѣты вамъ весьма потребны. *Ибо путешественникъ, идущій не прямою дорогою, чѣмъ больше идетъ, тѣмъ далѣе заблуждаетъ.* Ежели погрѣшаетъ народъ, наказывать, буде же Государь,

дарь, увѣщавать должно. И какъ Государь желаетъ, чтобъ подданные наказанія отъ него терпѣливно принимали; такъ равно, чтобъ и самъ Государь увѣщаніе отъ народа терпѣливно принималъ, неоспоримая справедливость требуетъ. Ибо, поелику благо единаго зависитъ отъ блага другаго; самая вещь гласитъ, что ежели Государь въ заблужденіи пребываетъ, прямымъ путемъ народъ шествовать никогда не будетъ.

Ежели Ваше Величество народъ свой словами исправить желаете, то повелите ему читать сію книгу: буде же онъ какими либо совѣтами вамъ пособить намѣреваетъ, то пускай проситъ, дабы Ваше Величество оную читать соизволили. Ибо въ настоящей книгѣ все то, что и его исправить можетъ, и Вашему Величеству дѣлать надлежитъ, безъ сомнѣнія обрящется. Полезна ли или безплодна сія книга, выражать не до меня касается; пускай признаются въ томъ читатели оныя. Ибо мы писатели сочиненія и перевода трудъ взимаемъ; а разсуждать о насъ другіе имѣютъ вольность.

Истинно, изъ отроческихъ лѣтъ какъ въ мірскомъ житіи, такъ и послѣ, когда ужѐ воспріялъ санъ священства, наибольшую часть лѣтъ моихъ истощилъ на чтеніе божественныхъ и свѣтскихъ книгъ. И хотя признаюсь въ моемъ скудоуміи, что ни читалъ, сколько могъ, ни учился, сколько долженствовалъ; изъ всѣхъ однакожъ читанныхъ мною книгъ ни

что не привело меня въ вящшее удивленіе, какъ ученіе М. Аврелія, когда усмотрѣлъ я, что Богъ въ уста идолопоклонника толикое влилъ сокровище премудрости.

А какъ писалъ онъ по большой части на Греческомъ, а нѣкоторое и на Латинскомъ языкахъ; то я Греческое съ помощію пріятелей, а Латинское собственнымъ трудомъ перевелъ на природной языкъ. Пусть же всякъ подумаетъ, переводить Греческое на Латинской, Латинское на обыкновенной Испанской языкъ, а изъ того ужѐ грубыя слова перемѣнять на изрядную рѣчь, коликихъ трудовъ стоило? Ибо не можетъ пиръ назваться богатымъ, естьли и кушанье наилучшее, и приправа вкусомъ пріятна не будетъ. Въ преложеніи мнѣній, въ расположеніи словъ, въ разсматриваніи сообразительныхъ рѣчей, въ поправленіи и уваженіи слоговъ, сколько я потѣлъ въ знойное лѣто, и озябалъ въ жестокость зимнія стужи; сколько воздерживался, когда кушать; сколько бодрствовалъ, когда спать; и сколько суетился, когда безпечально жить надлежало; пускай разсуждаетъ тотъ, кто въ таковыхъ дѣлахъ самъ обращался, буде мнѣ не вѣритъ.

И такъ, сего толь многочисленнаго труда намѣреніе посвящаю Божеской власти; а настоящую книгу съ всеподданнѣйшею покорностію препоручаю Вашему Величеству, моля Бога, дабы содержащееся въ ней ученіе столько житію и обществу Вашему принесло пользы, сколь-

ко

ко здоровье мое въ привашномъ ея сочиненіи почувствовало ущербу: Вашему Величеству, яко высочайшему моему Государю, плодъ бодрствованій моихъ поднесть я вознамѣрился. Сіи труды мои ежели паче чаянія Ваше Величество презрите, для того вѣрнымъ рабомъ быть не престану: почитая за не малое награжденіе и то, что содержите меня въ числѣ Министровъ вашихъ. Въ воздаяніе за труды, и въ награду за добродѣтельнѣйшее намѣреніе всеподданнѣйше Вашего Величества прошу о томъ только, дабы взирая на непросвѣщенность моего разума, на подлость штиля, на грубость слова, на безпорядочное расположеніе мнѣній, и наконецъ, на слабость краснорѣчія, не возъимѣли причины толь полезную книгу въ меньшемъ, нежели какого стоитъ, имѣть почтеніи. Ибо и лошадь добрую дешевлѣ цѣнить не должно по той причинѣ, что сѣдокъ въ разбѣгѣ править ею искусно не умѣетъ. Я сдѣлалъ, что могъ; а Ваше Величество сдѣлайте, что должны, то есть: чтобъ книга сія возъимѣла важность, а переводчикъ оный удостоенъ былъ покровительствомъ. Напослѣдокъ, молю милосерднаго Бога, который Вашему Цесарскому Священнѣйшему Величеству на земли даровалъ бытіе и силу, да даруетъ и зрѣніемъ Божественнаго своего бытія наслаждаться въ царствѣ блаженныхъ, Аминь.

Содержание книги
о
житіи Марка Аврелія
съ
Часами Государей,

Въ которомъ Авторъ и намѣреніе свое, и образъ писанія показываетъ.

Славнѣйшій Философъ Архимедъ, учености ради отъ М. Маркелла дарованный жизнію, которой однакожъ послѣ чрезъ упражненіе въ Магіи, или волшебной наукѣ, заслужилъ быть лишеннымъ, когда спросили его: *что есть время?* *Время*, отвѣчалъ, *есть изобрѣтатель всѣхъ вещей новыхъ, и воспоминатель древнихъ.* Потомъ примолвилъ: *время есть то, что всѣхъ вещей начало, средину, и конецъ видитъ.* Напослѣдокъ, *время есть такая вещь, что все ограничиваетъ.* Неоспоримой истиннѣ сего описанія времени, Философомъ онымъ изданнаго, мы воспротиворѣчить не можемъ. Ибо время, естьли бы говорить могло, многія вещи, о которыхъ мы сомнѣваемся, изъяснилобъ намъ, какъ очевидный свидѣтель.

И такъ, хотя все конецъ имѣетъ, и напослѣдокъ погибаетъ; единая токмо истинна и пагубѣ и концу непричастна, которая имѣетъ предъ всѣми вещьми сіе первенство, что она надъ временемъ, а не время надъ нею торжествуетъ побѣдой. *Ибо*, по изреченію Божественному, *удобнѣе было бы небу и землѣ прейти, нежели единой истиннѣ погибнуть.* Понеже нѣтъ ничего толь ненарушимаго, что бы силою времени не умалялось; нѣтъ ничего толь здороваго, чтобы не увядало; нѣтъ ничего толь твердаго и крѣпкаго, чтобы не сокрушалось; нѣтъ ничего толь прилѣжно хранимаго, чтобы не повреждалось; нѣтъ ничего толь непорочнаго, чтобы не оскверялось: наконецъ, время надъ всѣми прочими вещьми господствуетъ, кромѣ единой истинны, которая никого вышшимъ не признаваетъ.

Плоды весной ни къ питанію способны, ни вкусу пріятны не бываютъ: но по прошествіи лѣта, когда воздухъ чрезъ осень ужѐ прохладится, все, что ни вкушается, полезнѣйшую пищу; и все, что ни отвѣдывается, вящшую пріятность и услажденіе приноситъ. До чегожъ сіе касается? Дабы показать, что съ начала, когда свѣтъ сталъ имѣть мудрыхъ мужей, въ коликомъ почтеніи находились Философы за непорочность добрыхъ нравовъ, толикое заслуживали хуленіе за тупость разума.

Платонъ во второй книгѣ о обществѣ говоритъ, *что древніе Философы, какъ Греческіе, такъ Египетскіе и Халдейскіе, кои первые вступили въ науку звѣздочетства, и взошли на гору Олимпъ, примѣчанія ради Планетныхъ вліяній на тѣла земныя, и первые начали разсуждать о движеніяхъ земли; невѣжества паче извиненіе, нежели знанія похвалу заслужили. Философы*, продолжаетъ Платонъ, *кои насъ предварили, первые начали стараться о испытаніи истинны въ движеніяхъ небесныхъ, и первые о свойствѣ стихій и неба сѣмена заблужденій посѣяли.*

Омиръ въ Иліадѣ то же съ Платономъ утверждаетъ, говоря: *что касается до прежнихъ Философовъ, я то, что они знали, охуждаю; и за то, что знать желали, благодарю и похваляю.* По истиннѣ, весьма справедливо Омиръ, и не худо Платонъ, сказали. Понеже естьли бы между первыми оными и древнѣйшими Философами не царствовало невѣжество, не произошло бы толикое число Сектъ въ ихъ училищахъ. Читающій (не говорю) тѣ книги, кои погибли; но мнѣнія древнѣйшихъ Философовъ, не можетъ возпротиворѣчить, что хотя единое есть знаніе, однакъ расторгнули они его въ различныя Секты, каковы суть: Циническая, Стоическая, Перипатетическая, Академическая, Платоническая и Епикурская; которыя всѣ

такъ

такѣ мнѣніями взаимно одна отѣ другой между собою разнятся, какѣ самимѣ разумомѣ и природою несходственны были.

Не благопристойно и не должно давать излишней воли перу вѣ предѣосужденіи древнихѣ, и однимѣ точію нынѣшнимѣ всю похвалу приписывать; потому что какѣ сіи всего не знаютѣ, такѣ и тѣ не всего не знали. Ежели заслуживаетѣ награжденіе тотѣ, который показываетѣ мнѣ путь, коимѣ итти должно; то не меньшую заслуживаетѣ благодарность и тотѣ, который, гдѣ я могу заблудить, изъясняетѣ: сирѣчь, не иное что либо было невѣжество древнихѣ, какѣ вождѣ, наставляющій насѣ, дабы мы прямымѣ путемѣ шествіе имѣли. Ибо ихѣ заблужденіе подаетѣ намѣ причину сѣ толь вящшею осторожностію шествовать. И я кѣ большей древнихѣ славѣ, и нынѣшнихѣ поношенію, не стыдясь говорю: ежелибѣ мы живущіе нынѣ, вѣ ихѣ вѣкѣ жили, то меньшебѣ знали, нежели знали они; и ежелибѣ они, вѣ тѣ времена жившіе, жили вѣ нашемѣ вѣкѣ, то гораздобѣ больше, нежели мы, знали. Явственно сіе есть изѣ того, понеже оные древніе, будучи особливою одарены добродѣтелію и трудолюбіемѣ, чрезѣ маленькія стези и тропинки путь открыли; а намѣ, пороками и лѣностью отягощеннымѣ, тѣ самые пути, кои они открытыми оставили, превратились вѣ поля отвсюду загражденныя.

Но да приступлю къ намѣренію; мы живущіе нынѣ не можемъ на то, на что многіе изъ древнихъ могли, приносить жалобу. Ибо правда, которая, по словамъ А. Геллія, есть дщерь времени, въ семъ третьемъ и послѣднемъ вѣкѣ міра пресовершенно всѣ заблужденія, которыхъ остерегаться, и истинныя правила, которымъ слѣдовать должно, показала. Что осталось видѣть, что бы видѣно не было? Что остается открывать, что бы открыто не было? Что читать, что бы чтено не было? Что возможно писать, что бы писано не было? Что познавать, что бы извѣстно не было?

Толь скоропостижна нынѣ человѣческая развратность, толикая въ каждомъ быстрота разума и тонкость понятія, что мы очень малой недостатокъ имѣемъ къ познанію добра; и погибаемъ отъ того, что больше, нежели потребно, знаемъ зла. Никто не можетъ къ извиненію своей погрѣшности представить въ резонъ невѣдѣнія, поелику всѣ знаютъ, всѣ читаютъ, и всѣ учатся: что изъ распрей нѣкотораго крестьянина и ученаго человѣка явственно. Понеже естьли оба предъ Судьею о дѣлѣ спорятъ, съ неменьшимъ витійствомъ земледѣлецъ невѣдомо сколько лжи наскажетъ, пока два или три правила изъ своей книги проговоритъ ученой.

Естьли бы человѣки знаніе свое туда относили, чтобъ быть честнѣйшими, разумнѣй-

нѣйшими, воздержнѣйшими и щедролюбнѣйшими; то весьма былоб изрядно. Но увы! ежели что знают, ни к чему иному не способствует, токмо хитряе пріобрѣтать корысти, обманывать ближняго, сохранять похищенное, на достаточных кондиціях заключать договоры, и новую какую нибудь вымышлять прибыль. Напослѣдок, ежели что знают, то знаніе их не к исправленію жизни, но ко умноженію богатства простирается. Естьли бы злобной демон мог спать так, как человѣки; то на оба уха спать ему былоб вольно. Ибо ежели он прельщенія ради нас бодрствует; мы напротив того к погубленію самих себя бываем неусыпны. Сіе поелику так есть в самом дѣлѣ; то миную злобу, да простреем слово наше об одних токмо знаніях; толь мало есть постигаемое нами, и толь многія суть вещи, кои знать и можем и долженствуем, что все знаніе наше есть самомалѣйшая частица тѣх вещей, коих не знаем.

Впрочем, как в естественных вещах дѣйствія стихій по различію времени бывают; так и в нравоученіях, по наступленію вѣка за вѣком, знанія открылись. По истиннѣ, не в одно и тоже время всѣ плоды происходят, но по окончаніи одного другой созрѣвает; подобным образом не всѣ Христіянскіе учители, и не всѣ языческіе Философы в одно и тоже время явились; но

по смерти нѣкоторыхъ добродѣтельныхъ другіе на мѣсто ихъ вступили лучшіе. Ибо всевышняя оная премудрость, которая все по правосудію своему мѣритъ, и по благости раздѣляетъ, не восхотѣла, чтобъ свѣтъ въ одно время людьми мудрыми, а въ другое токмо несмысленными невѣжами былъ обитаемъ: ниже благопристойно было, чтобъ однимъ всѣ плоды по жребію достались, а другимъ одни токмо листья остались.

Древнѣйшій Сатурновъ вѣкъ, который инако золотымъ называется, по истиннѣ, дорого цѣненъ отъ тѣхъ, кои оной видѣли; удивительными похвалами возвеличенъ отъ тѣхъ, кои оной описали; и горячнѣйше вожделѣнъ отъ тѣхъ, кои онымъ наслаждаться не удостоились. Не потому однакожъ былъ золотой, что имѣлъ людей мудрыхъ, которые его аки бы озолотили; но понеже не имѣлъ людей беззаконныхъ, кои истребивши золото, какъ будто цѣну его уменьшили. Ибо повседневное искуство увѣряетъ, что отъ единаго человѣка или срамоты или благородства всея фамиліи или слава или безчестіе зависитъ. Оной вѣкъ золотымъ, а нашъ желѣзнымъ называется: которое именъ различіе произошло не оттуда, что или въ то время сыскано было золото, или нынѣ вырыто желѣзо; или что тѣхъ мудрыхъ людей, коими изобиловалъ Сатурновъ вѣкъ, настоящее время не имѣетъ; но понеже нашъ вѣкъ беззаконными изобилуетъ.

Одну

Одну вещь я признаю за истинну, въ которой, уповаю, что многiе подтвердятъ мое мнѣнiе; сирѣчь: никогда не было больше въ свѣтѣ наставниковъ добродѣтели, и никогда не было меньшаго числа послѣдователей оныя. Фаворинъ Философъ, А. Геллiя учитель и особливой другъ обыкновенно говаривалъ: *для того Философы древнiе въ величайшемъ почтенiи находилися; понеже очень мало учителей, и премного учениковъ имѣлось.* Нынѣ же противное сему видимъ. Ибо желающихъ взойти на степень учительской, почти безчисленно; снисходящихъ же со смиренiемъ на мѣсто учениковъ, весьма мало и рѣдко обрѣтается. Изъ самаго того почтенiя, какимъ процвѣтали древнiе Философы, уважить можно, коль презрѣнны суть въ нашемъ вѣкѣ мудрые люди; изъ коихъ многимъ лучшебъ было никогда не знать наукъ, ежели прiобрѣтаемой ими изъ оныхъ малой плодъ и почерпаемое премногое поношенiе разсудимъ.

Сколь благопрiятно было видѣть въ Грецiи Омира, у Евреянъ Соломона, у Лакедемонянъ Ликурга, у Аргивцовъ Форонея, между Египтянами Прометея, между Римлянами Ливiя, у оныхъ же Латиновъ Цицерона, между Индiйцами Аполлонiя, и между Ассирiянами Секунда. О сколь счастливые Философы, коимъ по благопрiятству судьбины случилось родиться въ тѣ времена, въ кои толикое множество было невѣжъ, и толикой мудрыхъ и

и ученыхЪ людей недостатокЪ имѣлся, что изЪ разныхЪ царствЪ, изЪ далечайшихЪ странЪ, и изЪ иноземныхЪ націй съѣжжались народы не токмо слушанія ради Философской науки, но и для повиданія самихЪ ФилософовЪ! Св. ІеронимЪ вЪ прологѣ на библію вЪ 1. главѣ говоритЪ: *ВЪ то время, когда РимЪ вЪ самомЪ цвѣтущемЪ состояніи находился, Ливій писалЪ свои декады; однакожЪ изЪ послѣднихЪ ИспанскихЪ и ГалласкихЪ предѣловЪ пріѣхали повидать его нѣкоторые знаменитые Вельможи; такЪ что коихЪ кЪ смотрѣнію своему великолѣпіе Рима и Капитоліи не привлекало, тѣхЪ привлекла единаго человѣка слава и бесѣда.*

М. Аврелій кЪ другу Полліону сіи написалЪ слова: *будь увѣренЪ, другЪ мой, что я ИмператоромЪ устроенЪ не за знатность моихЪ прародителей, ни за благопріятство, которое я имѣлЪ у настоящихЪ. Ибо находились вЪ Римѣ какЪ знаменитѣе родомЪ, такЪ и изобильнѣе богатствомЪ. Но возлюбилЪ меня Государь мой АдріанЪ, и избралЪ зятемЪ себѣ тесть мой АнтонинЪ ИмператорЪ, не иной ради причины, кромѣ точію усмотря, что я мудрыхЪ людей любилЪ, а неученыхЪ и несмысленныхЪ ненавидѣлЪ.* СчастливЪ, по истиннѣ, былЪ какЪ РимЪ вЪ избраніи толь мудраго Императора, такЪ и самЪ ИмператорЪ вЪ воспріятіи толь пространной и богатой Имперіи; не потому что на-

наслѣдство оныя получилъ отъ предковъ; но понеже толико любилъ ученія. Естьли же счастливъ былъ вѣкъ оной, который присудствіемъ его могъ наслаждаться; то не меньше счастливъ и нашъ вѣкъ, который ученіемъ его пользоваться можетъ.

Саллюстій говоритъ: *славно есть, отправлять дѣла знаменитыя; но не меньше трудно, отправленныя дѣла такъ описывать, чтобы слова съ дѣлами уравнилися.* Кто бы зналъ Великаго Александра, ежели бы о немъ не писалъ К. Курцій? Кто былъ Уликсъ, ежели бы не имѣлъ писателя Омира? Кто Алквіадъ, ежели бы не выхвалялъ его Туцидидъ? Кто Киръ, ежели бы Ксенофонтъ въ книгахъ своихъ не сохранилъ дѣлъ его? Кто Пирръ, Епирскій Царь, ежели бы не имѣлъ Историка Гермикла? Кто Сципіонъ Африканскій, ежелибъ остался безъ Ливіевыхъ Декадовъ? Кто Траянъ, ежели бы искреннимъ другомъ не былъ ему Плутархъ знаменитый? Кто Нерва и Антонинъ Пій, ежели бы памяти ихъ Діонъ Греческій не предалъ потомкамъ? Что бы мы о мужественныхъ дѣлахъ Іулія Цесаря, и что о похожденіяхъ Великаго Помпея знали, ежели бы Луканъ не возвеличилъ оныхъ? Кто бы вѣдалъ двенатцать Царей, ежели бы Светоній Транквиллъ не написалъ книги о Цесаряхъ? Какое имѣлибъ мы свѣдѣніе о древностяхъ Евреянъ, ежели бы Іосифъ наиприлѣжнѣйшій писатель не соблюлъ оныхъ?

оныхъ? Кто бы зналъ приходъ Лонгобардовъ въ Италію, ежели бы онаго не описалъ Павелъ Діаконъ? Что бы знали мы о пришествіи, успѣхахъ, и концѣ Готовъ въ Испаніи, ежели бы оныхъ не изъяснилъ тщаливой Родерикъ?

Изъ сего выше сказаннаго могутъ узнать читатели, сколько отъ нихъ долженствуется Историкамъ, которые, кажется мнѣ, не меньше имени своего память писаніемъ, какъ и Государи оные славу свою знаменитостью отправленныхъ дѣлъ будущимъ вѣкамъ посвятили. Хотя же признаюсь искренно, что тѣ вещи, кои я или написалъ, или заимствовалъ, или сложилъ, очень мало заслуживаютъ, дабы меня въ числѣ превосходныхъ Философовъ поставили. Ибо, выключая священное писаніе, ничего и никогда толь рачительно и совершенно не написано, что бы разсматриванія и поправленія не требовало; однакожъ, признаваясь въ семъ, скажу между тѣмъ и другое нѣчто; сирѣчь, что какъ я самовольно отрекаюсь отъ всей славы, которою меня добродѣтельные люди за сію книгу почтить желалибъ; такъ вопреки сыщутся, кои противъ воли моей оную охуждать будутъ. Ибо мы писатели повседневно въ писаніи претерпѣваемые труды въ малой цѣнѣ ставимъ, помышляя, что тысяча недоброхотовъ насъ ругать и порочить будутъ.

Мно-

Многіе въ настоящемъ вѣкѣ суть толь развратнаго, или справедливѣе сказать, злобнаго нрава, что хотя между тѣмъ временемъ, какъ авторъ или прилѣжный переводчикъ въ трудахъ упражнялся, сами гуляли; въ то время, когда онъ бодрствовалъ, сами почивали; когда онъ постился, сами пировали; когда онъ разгибалъ и проходилъ книги, сами въ беззаконіяхъ время провождали; презря однакожъ сіе тѣ пустословы, пріемлютъ вольность разсматривать, критиковать и охуждать чужее сочиненіе; такъ, аки бы они преимуществомъ Платону у Грековъ, или витійствомъ Цицерону между Римлянами были равны. Ежели кто въ Латинскомъ языкѣ весьма исправенъ, въ гражданскомъ весьма чистъ, въ Исторіяхъ крайнѣ прилѣженъ, въ Греческомъ языкѣ преискусенъ, въ разсматриваніи и прохожденіи книгъ весьма рачителенъ будетъ; толь превосходному человѣку не точію дозволю поправлять мою книгу, но еще и домогаться стану, чтобъ сочиненіе мое исправить потщился. Ибо смиреніе и добродѣтель любящему человѣку отъ мудраго быть исправляему не есть укорительно.

Но вопрошаю: какое терпѣніе снесть, и какое сердце умолчать можетъ? Что два, три, или четыре несмысленные вмѣстѣ пообѣдавъ или отъужинавъ, и съ лишкомъ до сыта напившись, берутъ книгу въ руки, изъ которыхъ одинъ называетъ ее черезъ чуръ пространною;

ною; другой говоритъ, что она съ матеріею не согласна; сей называетъ темною; тотъ говоритъ, что оная составлена грубою и крестьянскою рѣчью; иной признаетъ за сущую выдумку и ложь; сей безполезною, тотъ весьма скучною, а другой и вредною нарицаетъ; такъ что въ самомъ лучшемъ случаѣ, и начертанное ученіе дѣлается подозрительнымъ, и авторъ не безъ порока и поношенія остается. Но въ разсужденіи и качества тѣхъ, кои говорятъ, и мѣста, гдѣ говорятъ, сирѣчь, за столомъ, извинить ихъ можно: поелику они не по книгамъ, кои читали; но по блюдамъ, кои ѣли, и вину, которое пили, разсуждаютъ. *Ибо тотъ, что есть шутка не разумѣетъ, который того, что гопорятъ за столомъ, не пріемлетъ пъ шутку.*

Древнѣйшее зло есть въ свѣтѣ, что всѣ преизящныя сочиненія Ѳеонинскимъ угрызаютъ зубомъ: чего не токмо авторамъ ихъ, но и переводчикамъ опасаться должно. Ибо, да представимъ въ доказательство примѣры: Сократъ опороченъ отъ Платона, Платонъ отъ Аристотеля, Аристотель отъ Аверроя, Цецилій отъ Сулпиція, Лелій отъ Варрона, Маринъ отъ Птоломея, Енній отъ Горація, Сенека отъ А. Геллія, Ератосѳенъ отъ Страбона, Ѳессалъ отъ Галена, Ермагоръ отъ Цицерона, Цицеронъ отъ Саллюстія, Оригенъ отъ Іеронима, Іеронимъ отъ Руффина, Руффинъ отъ Доната, Донатъ отъ Проспера,

Про-

Просперъ отъ Лупа. Ежелижъ толикихъ Героевъ, кои были свѣтилами міра, писанія своихъ имѣли Момовъ; то ни мало не будетъ удивительно, что я оныхъ, по моему скудомію, не избѣгну.

Но по всякой справедливости достойно приписать тому порокъ тщеславія и легкомыслія, который разумнаго человѣка книгу, съ особливымъ тщаніемъ и совершеннымъ разсужденіемъ отъ него начертанную, одиножды токмо прочетши, ни во что вмѣняетъ. Ежечасно хулятъ авторовъ и переводчиковъ, не тѣ, кои книги составлять и переводить могутъ; но которые не токмо разумѣть, но ниже читать временемъ умѣютъ. Ибо оные, желая у простыхъ женъ и несмысленнаго народа возбудить о себѣ мнѣніе учености, принимаются въ присутствіи ихъ безчестить и порочить чужее ученіе; дабы слушателямъ казалось, что они нѣкоторымъ одарены знаніемъ. Истинно, я пріемлю въ судіи Бога, да судитъ, доброель или злое сердца моего было намѣреніе въ сочиненіи сея книги; и купно предъ стопами всѣхъ мудрыхъ и добродѣтельныхъ мужей сіе ученіе мое полагаю, прося, дабы покровительство и защищеніе онаго на себя воспріять благоволили. Ибо, при помощи Божіей, надѣюсь, что ежели которые паче чаянія грубую мою рѣчь охуждать осмѣлятся; другіе напротивъ того намѣреніе, которое я имѣлъ, сочтутъ за доброе.

Но да откровеннѣе изъясню мой предметъ; многіе были, кои о временахъ М. Авреліа писали. Ибо Иродіанъ писалъ мало, Евтропій меньше, Лампридій и сего еще менѣе; не много же больше Іулій Капитолинъ. Сверьхъ того вѣдать должно, что М. Аврелій учителями имѣлъ Іунія Рустика, Цинну Катула, и Секста Херонейскаго, внука Великому Плутарху: кои три наипаче, яко очевидные свидѣтели, знатную часть житія и ученія его описали. Многіе воспомянувъ ученіе М. Авреліа, удивляются и вопрошаютъ: какимъ образомъ оно даже до сего времени скрывалось; такъ будто бы я изъ собственной головы оное выдумалъ, и никакого М. Авреліа не было въ свѣтѣ.

Я не вижу, чего бы не осмѣлились говорить тѣ, кои изъ числа Императоровъ добродѣтельнѣйшаго М. Авреліа истреблять дерзаютъ; когда тѣмъ, кои хотя не много читали, довольно извѣстно, что онъ былъ супругъ Фавстины, отецъ Коммодовъ, братъ Аннія Веруса, зять Антонина Пія, и седмыйнадесять Императоръ Римскій. Чего ради, кои одному мнѣ изобрѣтеніе сего ученія приписуютъ, тѣмъ за слова, однакъ не за намѣреніе, съ какимъ говорятъ, приношу мою благодарность. Понеже, естьлибъ было сіе справедливо, что изъ моего мозгу толь многія и толь важныя разсужденія родились; безъ сомнѣнія, въ честь мою отъ древнихъ оныхъ Римлянъ поставленабъ была статуя.

Хотя

Хотя мы въ нашемъ вѣкѣ видимъ то, чего никогда не видали; слышимъ, чего не слыхали; и наконецъ не одинъ сыскали новой свѣтъ, но напротивъ того изданію новой книги удивляемся! По истиннѣ, что я во описаніи Марка Аврелія рачителенъ, или въ переводѣ былъ прилѣженъ, для того отъ мудрыхъ людей похваляему, или отъ недоброхотовъ хулиму мнѣ быть не есть справедливо. Ибо ежечасно случается, что на ловлѣ отъ рукъ самаго хуждшаго изъ всѣхъ, кои присутствуютъ, охотника звѣрь побѣждается.

Послѣдней, которую въ Испаніи Римляне завоевали, Кантабріи былъ городъ Наварра, со стороны Лугрунской на высокомъ холмѣ лежащій, гдѣ нынѣ имѣется село славное виноградными садами. Разорившій его Августъ Цесарь написалъ о Кантабрской войнѣ десять книгъ, повѣствуя во оныхъ многія достопамятныя и къ чтенію пріятнѣйшія вещи, кои во время осады приключилися. Нынѣ же какъ М. Аврелій изъ Флоренціи ко мнѣ привезенъ, и такъ книга о Кантабрской войнѣ изъ Колоніи досталась въ мои руки. Естьлижъ бы паче чаянія принялся я переводить сію книгу, которую рѣдкіе видѣли, то тоже самое объ оной, что и о Маркѣ Авреліи, сказалибъ. Ибо люди толь щедры въ словахъ, и скупы въ упражненіяхъ, что смѣло и безъ стыда говорить дерзаютъ, аки бы не имѣлось теперь въ свѣтѣ ни единой книги, которой бы они не видали или не читали сами.

Въ семъ человѣческомъ писанiи я тоже самое сдѣлалъ, что многiе учители обыкновенно дѣлаютъ въ Божественномъ, не слово словомъ изъясняя, но разсужденiя разсужденiями изображая. Ибо не нужно есть, чтобъ переводчики читателю слова̀ счетомъ отдавали; но довольно и того, ежели мнѣнiе вѣрно отвѣшивать будутъ.

Началъ же я сiю книгу въ лѣто тысяча пятьсотъ осьмоенадесять, и даже до двадцать четвертаго года никто не свѣдалъ, какое было въ рукахъ моихъ упражненiе. Слѣдующаго лѣта, когда книга, которую я у себя въ тайномъ хранилъ мѣстѣ, разгласилася; то Его Цесарское Величество болѣзнуя четверодневною лихорадкою, препровожденiя ради времени, и облегченiя болѣзни, отъ меня ее потребовалъ. Тогда я поднесъ Цесарю М. Аврелiя, хотя еще не оконченнаго и неисправленнаго; прилѣжно между тѣмъ прося, и за трудъ мой единственнаго награжденiя желая, дабы Его Величество никому въ царскихъ чертогахъ не дозволялъ переписывать книгу. Понеже, естьли бы между тѣмъ временемъ, какъ я продолжалъ трудъ мой, и не намѣревалъ ее въ томъ образѣ, какой она тогда имѣла, издать въ свѣтъ; между тѣмъ, говорю, естьли бы сдѣлалось инако, то и Цесарскому достоинству не принеслобъ сiе надлежащей чести, и мое сочиненiе великому подверженобъ было предосужденiю.

Но

Но однакожъ, по заслугамъ грѣховъ моихъ, книга воровски унесена, и доставшись во многія руки, была списана; и какъ одни у другихъ (что обыкновенно дѣлается) сную похищали, руками слугъ переписывать стараясь; и день отъ дня больше умножалось въ ней погрѣшностей; а я одинъ точію имѣлъ у себя подлинникъ, изъ котораго оныя поправить было можно; то, въ самой истиннѣ говорю, нѣкоторые люди принесли ко мнѣ для исправленія екземпляры, которые, ежели бы говорить могли, не меньшимибъ книжниковъ своихъ, какъ и я похитителей моихъ, жалобами обвинили. Но понеже погрѣшность отъ погрѣшности раждается; то между тѣмъ, какъ я книгу мою къ концу привожу и помышляю о изданіи, вышелъ М. Аврелій въ Испалѣ изъ печати.

Здѣсь я между собою и типографщиками въ судьи избираю читателей, пусть скажутъ, справедливоль и достойноль было, чтобъ книгу, Цесарскому Величеству посвященную, еще при жизни автора, ни оконченную, ни исправленную кто либо печатать и издавать въ народъ осмѣлился? Симъ однакожъ еще не удовольствовались; но опять книга въ Лузитаніи, и немедленно потомъ въ Аррагонскихъ Царствахъ напечатана. И поелику первое изданіе весьма многими погрѣшностьми опорочено; то и второе и третье изданіе ни чѣмъ не были исправнѣе перваго. Такимъ образомъ

зомъ сиръчь то, что къ общей пишется пользѣ, всякъ старается употребить къ приватной корысти.

Приключилось съ М. Аврелїемъ и другое нѣчто, о чемъ я стыжусь говорить; больше однакожъ стыдиться бы должны тѣ, кои то отважились сдѣлать; сиръчь: нѣкоторые всей оной книги назвали себя авторами; а другїе въ своихъ книгахъ часть ея, аки бы собственно отъ себя изобрѣтенную начертали. Сїе явственно видимо есть въ нѣкоторой напечатанной книгѣ, въ которой авторъ положилъ рѣчь крестьянина; въ другой также книгѣ, изданной въ печать, положилъ авторъ рѣчь М. Аврелїя къ Фавстинѣ, когда оная просила ключа отъ книгохранительной комнаты: кои воры поелику мнѣ извѣстны учинились, вѣроятно, что и другїя нѣкоторыя сочиненїя изъ дому моего похитили.

И такъ, изъ сего откроется, что М. Аврелїй не былъ исправленъ; поелику мы нынѣ издаемъ его въ свѣтъ, прилѣжно очистивъ отъ погрѣшностей. Изъ сего явственно будетъ, что книга къ окончанїю приведена не была, которая нынѣ во всемъ совершенная въ свѣтъ издается. Изъ сего видимо будетъ, что премногаго въ ней не доставало, пока прибавленїя сдѣланы. Наконецъ, изъ сего ясно всякъ усмотритъ, что я не имѣлъ главнаго намѣренїя переводить М. Аврелїя; но аки

вновь

вновь сострошть ЧАСЫ ГОСУДАРЕЙ, дабы оными весь Христіянскій народЪ былЪ управляемЪ: которое ученіе поелику кЪ пользѣ многихЪ служить долженствовало: то сей ради причины я многихЪ мудрыхЪ людей правила и писанія вЪ ней употребить разсудилЪ за благо.

СамагожЪ состава образЪ сей есть, что вЪ двухЪ или трехЪ главахЪ моихЪ нѣкоторое М. Аврелія письмо, или другое изЪ какого либо древняго автора ученіе предлагаю. Чего ради пусть не обманывается читатель, сіе или другое приписуя автору. Ибо хотя нить рѣчи моя, все однакожЪ, что ни говорится, есть чужое. И понеже Историки и учители, коихЪ я употребилЪ, суть многіе; а ученіе, которое я писалЪ, токмо единое; то не спорю, что нѣкоторыя безполезныя и ненужныя вещи исключилЪ, и на мѣсто ихЪ другія гораздо пріятнѣйшія и полезнѣйшія поставилЪ. Потребно же наиприлѣжнѣйшаго разсужденія, дабы то, что на одномЪ языкѣ (такЪ сказать) было пригарью, на другомЪ казалось быть златомЪ.

Сіи же ЧАСЫ ГОСУДАРЕЙ раздѣляются на три книги; изЪ которыхЪ

ВЪ ПЕРВОЙ предписывается, чтобЪ Государь былЪ истиннымЪ Христіяниномъ.

ВО ВТОРОЙ говорится, какимЪ образомЪ Государь сЪ супругою и дѣтьми своими поступать;

ВЪ ТРЕТЬЕЙ, какъ самимъ собою и обществомъ управлять долженъ.

Началъ я еще и другую книгу, какимъ образомъ Государю по дворѣ и домѣ своемъ вести себя должно; но чрезвычайная наглость друговъ, просящихъ о изданіи сея книги, принудила перо оставить.

Впрочемъ, поелику я весьма занятъ сочиненіемъ Цесарскихъ лѣтописей, отправленіемъ праздничныхъ дней, и во времи четыредесятницы сказываніемъ въ придворной церьквѣ проповѣдей, сверьхъ того Цесарскому Величеству угодно показалось сдѣлать меня Епископомъ, и вручить своея души попеченіе; очень сомнѣваюсь, буду ли имѣть нѣсколько свободнаго времени къ писанію. Сіе токмо единое обѣщаю, что доколѣ Спаситель мнѣ продолжитъ жизнь, не оставлю писать того, что моему Государю и всему Испанскому обществу полезно будетъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРЬВОЙ ЧАСТИ.

Главы   стран.

О ЖИТІИ
МАРКА АВРЕЛІЯ
славнѣйшаго Императора,
со вновь прибавленными

ЧАСАМИ ГОСУДАРЕЙ.

КНИГА ПЕРЬВАЯ.

ГЛАВА ПЕРЬВАЯ.

О родѣ и происхожденіи Императора Марка Аврелія.

Въ лѣто отъ созданія города шесть сотъ девятдесятъ пятое, и во сто шесдесятъ третью Олимпіаду, по кончинѣ Антонина Пія (то есть набожнаго), во время консульства Фульвія Катона и кн. Патрокла, М. Аврелій Антонинъ въ Капитоліи, Октября четвертаго дня, по повелѣнію народа и по приговору Сената, объявленъ былъ Высочайшимъ всея Римскія Монархіи Императоромъ. Сей знаменитѣйшій мужъ отечествомъ Римлянинъ, родился въ шестой день мѣсяца Маія на горѣ Целійской. Дѣдъ его былъ Анній Верусъ (то есть *справедливый*), коего Римскимъ дворянствомъ пожаловали бывшіе ценсорами Вес-

пасіанъ и Титъ Государи. Прадѣдъ также назывался Анній Верусъ, изъ Суккубитанскихъ мѣщанъ, въ Испаніи достигшій Сенаторскаго достоинства; въ самое то время, какъ Цесарь и Помпей междоусобныя производили брани, и премногіе Испанцы въ Римъ, а Римляне въ Испанію для житья переселились. И такъ Императоръ сей прадѣда имѣлъ Римлянина, а прабабу Испанку. Отецъ также, какъ прадѣдъ и дѣдъ его, назывался Анній Верусъ: почему и Марка Антонина Историки нерѣдко Верусомъ именуютъ. По достоинству Адріанъ Императоръ называлъ его Маркомъ Вериссимусомъ (то есть справедливѣйшимъ); для того, что кромѣ всегдашней истинны, никогда лжи въ немъ примѣчено не было. Іулій Капитолинъ въ повѣствованіи своемъ доказываетъ, что фамилія сего Аннія Веруса простираясь въ глубину древности, ведетъ свое начало отъ крови Нумы Помпилія и знаменитѣйшаго Римлянина М. Курція, который, когда посреди города сдѣлалась великая разсѣлина, бросился съ лошадью въ разверстую земную пропасть; дабы тѣмъ избавить отечество свое отъ видимой погибели, а себѣ пріобрѣсть безсмертную славу; отъ чего названо то мѣсто Лакусъ Курціусъ (*или Курціево озеро*).

Мать сего Императора была Домитія Клавилла, какъ Цинна повѣствуетъ въ книгахъ, которыя издалъ онъ о фамиліяхъ Римскихъ. Родъ же Клавиллинъ былъ тогда въ великомъ почтеніи, яко заимствующій начало свое отъ

слав-

славнѣйшаго и счастливѣйшаго Римскаго Полководца Камилла. Сей Камиллъ избавилъ Римъ отъ плѣненія Галловъ, во осадѣ Капитолію державшихъ; чего ради въ память его, нисходящая линія мужескаго пола назывались Камиллами; а женской полъ тожъ фамиліи именовался Клавиллы, для вѣчной памяти Камилловой дщери, которой имя было Клавилла. Сія Клавилла, убѣгая супружества, посвятила себя въ общество Вестальскихъ дѣвъ, между которыми она долговременную и строгую жизнь провождала; и въ толикой чести у Римлянъ находилась, что гробъ ея до временъ Императора Севера съ крайнимъ благоговѣніемъ почитали, на которомъ слѣдующая учинена была надпись:

„Подъ симъ камнемъ лежитъ Клавилла, „единая Камиллова дщерь, которая лучше по„желала быть въ заключеніи между Вестаљ„скими дѣвами сорокъ шесть лѣтъ, нежели „жить на волѣ, и выттти въ супружество за „великаго Тринакрійскаго Царя. Сколь печаль„но, что по смерти тѣло ее грызутъ черви, „и снѣдаютъ члены, которые чрезъ цѣлую „жизнь чистотой сіяли!„

Сія надпись Героическими стихами на Греческомъ языкѣ составлена была весьма изрядно.

Но дабы отъ исторіи намъ не удалиться, должно вѣдать, что у Римлянъ имѣлся законъ, писанной на двенатцати доскахъ слѣдующими словами: „Всѣ граждане особливымъ преиму„ществомъ пользоваться должны на самомъ

„ томъ мѣстѣ, гдѣ предки ихъ Римскому на-„ роду какое либо знатное оказали благодѣя-„ ніе „. Понеже неоспоримая справедливость требуетъ, чтобъ городъ воздавалъ честь гражданину на томъ мѣстѣ, на которомъ онъ жизнь свою положилъ за отечество. По сему то праву, всѣ происшедшіе отъ колѣна Камиллова, всегда имѣли первенство въ оборонѣ Капитоліи; для того, что онъ храбростью и тщаніемъ своимъ спасъ ее отъ осады Галловъ. Не безъизвѣстно, что храбрый Полководецъ Камиллъ и другія такіяжъ, или и превосходнѣе сихъ дѣла произвелъ; но какъ онъ сію толь достойную вещь учинилъ посреди самихъ стѣнъ градскихъ, то оная предпочтена была другимъ его знатнымъ дѣйствамъ. И по истиннѣ не безъ справедливости сдѣлали сіе Римляне, вѣдая, что изъ всѣхъ геройскихъ добродѣтелей та за превосходнѣйшую признается, которая заключаетъ въ себѣ какую либо для общества услугу.

Римскіе Историки безмѣрно жалуются, что перемѣна временъ, множество тиранновъ, и замѣшательства междоусобныхъ браней воспричинствовали упадокъ древней Республикѣ Римской, и на мѣсто ее ввели новой и порочной родъ жизни. Но сему никто удивляться не долженъ, для того, что и во всѣхъ другихъ царствахъ и народахъ обыкновенно при перемѣнѣ Государей, тотчасъ въ подданныхъ странные прозябаютъ пороки. Говоритъ однакожъ Полліонъ, что ни различныя перемѣ-

ны,

ны, произшедшія въ Республикѣ; ни частыя утѣсненія, какія претерпѣлъ Римъ; не могли у Камилловыхъ потомковъ отнять того преимущества, по которому оставалась во владѣніи ихъ Капитолія; кромѣ временъ консульства Силлы, когда сія фамилія жесточайшее претерпѣла гоненіе за одно только то, что Консула Марія стороны держалась. Но по смерти свирѣпаго Силлы, милосерднѣйшій Диктаторъ Іулій Цесарь, получа верьховное правительство, всѣхъ изгнанныхъ Римлянъ возвратилъ по прежнему въ городъ.

Что же касается до дѣда и родителей Марка Аврелія Императора, какое было ихъ состояніе и достоинство; убогиль, или богаты; въ почтеніиль, или презрѣніи находились; не могли мы ни гдѣ отъискать извѣстія, хотя и употребили на то все свое прилѣжаніе. Причиною сему не иное, какъ токмо, что Римскіе Историки умалчивали о житіи родителей Императорскихъ; а тѣмъ еще наипаче, понеже сыновья ихъ больше помощію собственныхъ заслугъ, нежели по наслѣдственному достоинству родителей, возводимы были на престолъ Монаршій. Іулій Капитолинъ объявляетъ, что Марковъ отецъ Анній Верусъ командовалъ войскомъ на островѣ Родусѣ, и другими пограничными управлялъ мѣстами, во время добродѣтельнѣйшаго Траяна, премудраго Адріана, и набожнаго Антонина Императоровъ, кои только отмѣнною храбростію и разумомъ одаренныхъ мужей учреждали Полково-

водцами въ своемъ войскѣ: понеже знаменитые и мудрые Государи обыкновенно выбираютъ такихъ Полководцовъ, чтобъ воинскими дѣлами управляли разумно, и гдѣ позоветъ надобность, съ непріятелемъ бились храбро.

Римляне, кромѣ постороннихъ браней, безпрерывно содержали въ четырехъ странахъ свѣта крѣпчайшую оборону, какъ то: въ Византіи, называемой нынѣ Константинополь, для отбиванія Парѳовъ; въ городѣ Гадахъ, который нынѣ зовутъ Кадиксъ, для удержанія Лузитанцовъ; при берегу рѣки Ролана, именуемой въ нынѣшнее время Рейнъ, противъ набѣговъ Германскихъ; и на островѣ Колоссайскомъ, который слыветъ теперь Родусомъ, для покоренія народовъ Варварскихъ.

Въ мѣсяцѣ Янѣ, называемомъ у Латинщиковъ Іануаріусъ или Генварь, когда Государственные чины Сенатомъ распредѣляемы были; то по учрежденіи Диктатора, полугодоваго Магистрата, и двухъ годовыхъ Консуловъ; немедленно потомъ выбирали четырехъ мужей достойныхъ для стражи тѣхъ четырехъ Имперскихъ границъ, наипаче опасностямъ подверженныхъ. И поелику Римляне ни адскихъ мученій не боялись, ни небесныя славы не чаяли; то все свое попеченіе въ томъ полагали, дабы возъимѣть случай ко оставленію по себѣ какой либо памяти; и тотъ за храбрѣйшаго и любезнѣйшаго Сенату гражданина былъ признаваемъ, которому самая трудная и опасная война поручалась. Ниже обогащенія

ради

рали гонялись они за чинами; но для того, чтобЪ начальствуя у обороны границЪ, искоренять неприятелей. Сколь же важна была тѣхЪ четырехЪ границЪ стража, мы и изЪ того узнать можемЪ, что всякой храбрѣйшій РимлянинЪ нѣкоторую часть своего юношества провождалЪ вЪ защищеніи тѣхЪ предѣловЪ, пока его оттуда кЪ большей не отозвали должности. Ибо вЪ тѣ поры не льзя было хуждшаго ругательства сказать вЪ Римѣ, какЪ естьли говаривали гражданину: *понь, понь поди! пить ты не нь поенной службѣ воспитань!*

А дабы увѣрить о томЪ изЪ примѣровЪ, должно вѣдать, что Великій Помпей сЪ Византійцами, счастливый СципіонЪ сЪ Колоссайцами, мужественный Іулій Цесарь сЪ Галитанцами, славный Марій сЪ обывательми рѣки Родана или Рейна зимовали; и сіи четыре мужи во время своего юношества на тѣхЪ четырехЪ границахЪ не токмо Воеводами были, но и учинили тамо толикія дѣла, что память ихЪ чрезЪ многіе вѣки вЪ тѣхЪ мѣстахЪ незабвенна пребывала. Сіе упомянулЪ я на тотЪ конецЪ, дабы пріемля за основаніе, что М. Аврелія отецЪ Анній ВерусЪ состоялЪ вЪ числѣ тѣхЪ четырехЪ пограничныхЪ военачальниковЪ, показать, что онЪ былЪ между Римлянами мужЪ храброй и знатной. Понеже не безЪизвѣстны слова Сципіоновы, которыя сказалЪ онЪ другу своему Масиниссѣ вЪ Африкѣ: „Не льзя статься, чтобЪ Римской Полко-

 „водецЪ

„ волецъ не одаренъ былъ мудростью или сча-
„ стіемъ; когда Римскія дѣти съ такимъ жре-
„ біемъ родятся. „

Ни одинъ изъ Классическихъ писателей не упоминаетъ въ своихъ книгахъ; гдѣ, когда, какъ, въ которыхъ земляхъ, и съ какими людьми сей Императоръ провелъ лѣта своего отрочества: чему причиною то, что Римскіе Историки не имѣли обыкновенія описывать дѣла Государей прежде, нежели они сіе достоинство получили; кромѣ тѣхъ только юношъ, которые изъ младыхъ лѣтъ оказали изрядной образецъ врожденнаго имъ геройскаго духа. И по истиннѣ, кажется, дѣлали они сіе весьма справедливо. Ибо вящшей славы достоинъ тотъ, который чрезъ собственную свою мудрость престолъ получаетъ, нежели кто на оной по наслѣдству вступаетъ, толькобъ не было тиранскаго насилія.

Светоній Транквиллъ первой книги о Цесаряхъ въ 49 главѣ весьма пространно описывая дѣла Іулія Цесаря, повѣствуетъ: коликимъ юношество его безславіемъ пылало, и сколь чужды были всѣ отъ того мнѣнія, чтобъ достигъ онъ быть Императоромъ Римскимъ. О семъ пишутъ Историки съ тѣмъ намѣреніемъ, дабы примѣчали Государи, что Цесарь хотя и нашелъ средство овладѣть Монархіею; но удержать оную не имѣлъ разума.

Нѣкоторый Философъ изъ Рима къ Фалариду Сицилійскому тиранну послалъ письмо, вопрошая: „ Для чего онъ толь долговременно
„ тиран-

„ тиранскую надъ тѣмъ островомъ власть про„должаетъ „? Которому Фларидъ вкратцѣ чрезъ письможъ отвѣтствовалъ: „ Ты называ„ешь меня тиранномъ за то, что я наси„ліемъ досталъ сіе царство, и ужѐ тритцать „ второй годъ обладаю онымъ; да я и самъ „ признаюсь, что въ завладѣніи его былъ ти„ранномъ. Ибо всякъ похищающій чужое, по „ достоинству заслуживаетъ имя тиранна. Од„накъ тиранномъ меня называть не при„знаю за справедливость; когда я ужѐ трит„цать второй годъ владѣю царствомъ. Ибо „ хотя я насильно и незаконно его похитилъ, „ по разумно и правосудно управлялъ онымъ. „ И такъ вѣдай, что похитить чужое удобно, „ но сохранить оное весьма трудно.

М. Аврелій имѣлъ въ супружествѣ Фавстину дщерь Антоника набожнаго, шестагонадесять Римскаго Императора, которая, за неимѣніемъ у отца мужеска пола дѣтей, была наслѣдницею Имперіи. И такъ М. Аврелій акибы посредствомъ брака, и вмѣсто приданаго получилъ Императорское достоинство. Сія Фавстина сколько была прекрасна лицемъ, столько напротивъ того непостоянна въ жизни. Съ нею прижилъ онъ двухъ сыновей, Коммода и Вериссимуса. Дважды торжествовалъ М. Аврелій полученныя побѣды, перьвую надъ Пареами, вторую надъ морскими разбойниками и Аргонавтами. Онъ былъ мужъ весьма ученой и превосходнаго разума; въ Греческомъ и Латинскомъ матернемъ языкахъ

чрезвычайно искусенъ; въ пищѣ и питіи крайнѣ воздерженъ. Многія написалъ книги, наполненныя важнѣйшими и пріятнѣйшими витійствами. Окончалъ жизнь въ Паннонія, обращая оружіе свое къ покоренію сего царства, которое нынѣ Унгарія или Венгерское Королевство именуется: и не меньше смерть его оплакиваема, какъ и жизнь отъ всѣхъ граждань была вожделѣнна и любима; такъ, что для сохраненія вѣчной его памяти, каждый Римлянинъ въ своемъ домѣ, поставили ему статуи: чего никогда не случилось никакому Императору, ниже самому Августу Цесарю, коего ни одинъ изъ Императоровъ Римлянамъ любезнѣе не былъ.

Правительствовалъ Имперіею осмнатцать лѣтъ съ похвальнѣйшимъ правосудіемъ. Преставился отъ рожденія своего на шестесятъ третьемъ, то есть, подозрительномъ или степенномъ году, въ которомъ обыкновенно жизнь человѣческая крайнимъ опасностямъ подвержена бываетъ; по тому, что тогда семью девятой, и вопреки, девятью седмой годъ исполняется; о чемъ въ особливой главѣ толкуетъ А. Геллій въ собраніи Аттическихъ ночей книги 3 въ главѣ 10, и книги 15 въ главѣ седьмой.

По истиннѣ М. Аврелій за святость житія, превосходство ученія, и доброе щастіе, былъ одинъ изъ славнѣйшихъ всея подсолнечныя Государей; ежели только супругу Фавстину и сына Коммода выключить. Напослѣдокъ, дабы

дабы увидѣть, какого состоянія былъ М. Аврелій отъ младенчества, заблаго разсудилось ниже слѣдующее его письмо здѣсь представить.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Письмо М. Аврелія Императора къ другу Полліону, въ которомъ повѣствуетъ о теченіи своея жизни; упоминая между прочимъ, какой Цензору Римскому у Кампанскаго Гостинника случай послѣдовалъ.

Маркъ Аврелій, единственный Императоръ Римской, Полліону старому другу здравія и благоденствія желаетъ. Во храмѣ Весталъскихъ дѣвъ получилъ я твое письмо, гораздо давно отъ тебя посланное, а еще долговременнѣе мною ожиданное, въ которомъ обрѣтаю я сіе несходство, что ты кратко ко мнѣ пишучи, требуешь отъ меня пространнаго отвѣта, каковъ самодержавнаго Владѣтеля достоинству, а наипаче ежели онъ нѣсколько скромнѣе, ни мало не приличенъ. Ибо нѣтъ ничего не пристойнѣе Государю, какъ непомѣрная тароватость въ словахъ, и чрезвычайная скупость въ щедротахъ ко своимъ Министрамъ.

Что пишешь ты, ногой боленъ, и жестокая сдѣлалась на ней язва; сердечно соболѣзную о лишеніи того, чего и я тебѣ желаю, и самому тебѣ необходимо нужно, сирѣчь, нерушимости здравія. Ибо всѣ горести въ житіи сносны бываютъ, ежели только человѣкъ

вѣкъ при совершенномъ здоровьѣ остается. Что же увѣдомляешь о пріѣздѣ твоемъ въ Родусъ, и просишь отъ меня изъясненія, какимъ образомъ я туда младолѣтной заѣхалъ, сколько времени препроводилъ тамъ въ наукахъ, и какое напослѣдокъ было теченіе моея жизни, пока возшелъ на степень Римскаго Императора; весьма требованію твоему, а еще больше тому удивляюсь, поелику ты не разсуждаешь, что я безъ крайняго посрамленія на вопросъ твой не могу отвѣтствовать. Ибо никто въ юношествѣ не поступалъ никогда толь благочинно, чтобъ не честнѣе ему было поправить, нежели пересказать свои дѣйства.

Отецъ мой Анній Верусъ, желая изъявить ко мнѣ родительскую любовь, когда не выросъ я еще изъ тринатцати лѣтъ, удалилъ меня отъ городскихъ шалостей, и отослалъ въ Родусъ учиться свободнымъ наукамъ, награждая больше книгами, нежели деньгами. Тамъ я толь удобно и счастливо успѣлъ въ наукахъ, что на дватцать шестомъ году отъ рожденія, въ Академіи естественную и нравоучительную Философію, а публично преподавалъ Риторику; и ни что больше не поощряло меня прилѣжать къ наукамъ, какъ недостатокъ въ деньгахъ. Ибо скудость многихъ благородныхъ юношъ заставляетъ любить добродѣтель; дабы помощію ея могли они получить то, что другіе достигаютъ чрезъ богатства.

Отсутствіе изъ города, по истиннѣ, дражайшій Полліонъ, было мнѣ прискорбно; а наи-

наипаче, когда увидѣлъ, что остался я одинъ на островѣ. Но какъ провелъ десять лѣтъ въ Родусѣ, преподавая ученіе Философіи, то казалось мнѣ, что я ужѐ былъ природный тамошній житель; о чемъ я и нынѣ такогожъ мнѣнія, понеже во обращеніи наблюдалъ честность. Ибо извѣстнѣйшее есть правило, что посредствомъ добродѣтели и чужеземецъ гражданиномъ, а чрезъ пороки и гражданинъ въ собственномъ своемъ отечествѣ дѣлается чужеземцемъ.

Когда же отецъ мой, (о чемъ, уповаю, тебѣ не безъизвѣстно) Анній Верусъ, пятнатцать лѣтъ по указу Государя моего Адріана и тестя набожнаго Антонина, достопамятныхъ Государей, бывшій Воеводою противъ Варваровъ на той границѣ, препоручилъ меня въ неоставленіе старымъ своимъ пріятелямъ; то сіе такъ много мнѣ пособило, что я, забывъ городскія веселости, привыкъ къ скучной на островѣ жизни; въ чемъ я превеликую имѣлъ надобность. Ибо врожденная къ отечеству любовь часто бываетъ вредна человѣку. Вѣдай же, что Родійскіе жители люди весьма пріятные и благодарнѣйшіе за оказанную имъ услугу; какое свойство рѣдкіе обитатели островов имѣютъ. Ибо многіе изъ нихъ по большой части бываютъ лукавы, обманчивы и неблагодарны. Говорю я сіе для того, понеже отцовскіе пріятели во все время помогали мнѣ и деньгами и совѣтомъ; которыя двѣ вещи столь мнѣ были необходимы,

мы, что я не вѣдаю, была ли мнѣ когда какая вещь ихъ нужняе. Ибо странному человѣку деньги противъ горестей, съ нищетою сопряженныхъ, суть лѣкарство противъ яду; а совѣты къ забвенію любезнаго отечества дѣйствуютъ такъ, какъ наводящее сонъ и нечувствіе питье Непеите.

Я желалъ въ Родусѣ преподавать Философію столько же лѣтъ, сколько родитель мой военную на томъ островѣ отправлялъ службу; но не могъ сего сдѣлать, будучи отозванъ въ Римъ по указу Государя моего Адріана; которое повелѣніе о возвращеніи во отечество, ни мало мнѣ не было противно; хотя я, по вышереченному, жилъ не инако, какъ тамошній уроженецъ. Ибо въ чужихъ земляхъ сколько ни наслаждай глаза зрѣніемъ; сердце однакожъ никогда удовольствоваться не можетъ. Вотъ тебѣ Родійская исторія: теперь слѣдуетъ мнѣ изъяснить, какимъ образомъ сперьва на горѣ Целійской, гдѣ отецъ мой имѣлъ свое жительство, въ Римѣ изъ младенчества я воспитанъ.

Римляне имѣли ненарушимой законъ, и заматерѣвшее изъ древности обыкновеніе; дабы всякой гражданинъ, пользующійся вольностью Римскою, сына, по исполненіи ему десяти лѣтъ отъ роду, не пускалъ по улицамъ бѣгать и шататься. Ибо по тогдашнему Римскому обычаю дѣти благородныхъ отцовъ, даже до втораго года кормились грудью; до четвертаго мягкими и нѣжными питались

пища-

пищами; до шестаго читать; до осмаго писать; а на десятомъ году начальной грамматикѣ обучались. По прошествіи же десяти лѣтъ надобно было мальчикамъ учиться по способности одному какому нибудь ремеслу, и приниматься или за свободныя науки, или за военную службу; дабы праздно по Риму не бродили.

Въ нѣкоторомъ законѣ, на двенатцати доскахъ писанномъ, сіи изображены слова: „Всякой Римской гражданинъ, внутри или внѣ „стѣнъ градскихъ имѣющій свой домъ, сыня, „которому миновало десять лѣтъ, долженъ „держать въ строгости. Буде же паче чаянія „отрокъ какоелибо злодѣяніе учинитъ, по „той причинѣ, что отецъ его или оставилъ „шататься празднаго, или никакому не обу„чилъ ремеслу; то равнымъ образомъ отца „и сына да накажутъ„. Ибо ни отъ чего больше въ народѣ не умножаются пороки, какъ отъ безмѣрнаго нерадѣнія родителей, и излишней вольности дѣтей. Кромѣ того и другій нашъ законъ предписывалъ: „Какъ толь„ко отрокъ по прошествіи ему десяти лѣтъ „отъ рожденія учинитъ какое либо злодѣй„ство; то пускай отецъ или въ иномъ мѣстѣ „его воспитываетъ, или дастъ по немъ до„стойныхъ порукъ, что онъ впредь спокоенъ „будетъ. Ибо неправедно есть, чтобъ сынъ „съ одной стороны веселилъ отца, а съ дру„гой оскорблялъ народъ„. Понеже благосостояніе общества отъ сохраненія миролюби-

вых

выхъ и изверженія возмутительныхъ зависитъ.

Скажу я тебѣ, любезный Полліонъ, нѣчто; чему ты, безъ сомнѣнія удивишся: въ то время, когда Римъ торжествовалъ побѣдами, и преизящнаго ради благочинія, обладалъ вселенною, считалось Римскихъ гражданъ болѣе семи сотъ тысячь; и между ими, какъ изъ сего заключить можно, свыше ста тысячь малолѣтныхъ отроковъ находилось; то оные надзирателю благочинія нравовъ столь были всѣ послушны, и такъ даже и въ самомалѣйшихъ вещахъ изучены, что Катона Утиценскаго сынъ, за разбитіе имъ глининаго кувшина у дѣвушки идущей за водою; а другой добродѣтельнѣйшаго Цинны за то только, что влѣзъ въ нѣкоторой садъ нарвать плодовъ, посланы въ заточеніе; хотя и обоимъ отъ роду пятнатцати лѣтъ не исполнилось. Ибо въ тѣ поры жесточае за сдѣланныя не нарокомъ погрѣшности, нежели нынѣ за умышленныя злодѣйства наказаніе чинили.

Цицеронъ нашъ въ книгѣ о законахъ говоритъ, что Римляне ни о чемъ усерднѣйшаго не прилагали попеченія, какъ о томъ, дабы отроки, юноши и старики не жили въ лѣности и безъ дѣла; и дотолѣ Римъ процвѣталъ славою, пока не дано въ немъ воли шататься молодымъ людямъ праздно. Ибо ту только страну по справедливости благополучною назвать должно, гдѣ каждый собственнымъ

нымъ своимъ трудомъ питается, и никто не пожираетъ чужаго пота.

Еще и за моего малолѣтства, любезный Поллiонъ, хотя и нынѣ я не очень старъ, не вольно было никому въ Римѣ выходить въ публику, не имѣя при себѣ знака того художества или искуства, въ которомъ кто упражнялся, и получалъ свое пропитанiе: естьли же кто въ противномъ тому нашелся случаѣ, то не токмо мальчики, бѣгая за нимъ въ слѣдъ по улицамъ, какъ безумнаго провожали крикомъ; но сверьхъ того Ценсоръ немедленно съ прочими на ряду тюремниками присуждалъ его къ публичнымъ работамъ. Ибо не меньше безчестенъ былъ праздношатающiйся юноша въ Римѣ, какъ несмысленный Философъ въ Грецiи. Но дабы не почелъ ты сего за басни; вѣдай, что передъ Императоромъ носили зажженную восковую свѣчу; передъ Консуломъ военной бердышъ; жрецы имѣли на головахъ скуфейку по подобiю волосяной сѣточки; Сенаторы на плечѣ жемчужную раковину; Ценсоры вѣски; Трибуны булаву; Регулы скипетръ; Епископы сплетенные вѣнцы; Ораторы книгу; поединщики мечь; мастера золотаго дѣла плавильной горшокъ носили; то же дѣлали и прочiе ремесленники, кромѣ обрѣтавшихся за какими либо дѣлами чужестранцовъ, которые ходить должны были всѣ подъ однимъ знакомъ. Ибо никому изъ иностранныхъ одина-

кое съ благородными Римлянами платье и знаки имѣть въ Римѣ было не позволено.

Сколь пріятно было въ то время, дражайшій Полліонъ, смотрѣть на доброй порядокъ и благоденствіе города! и сколь печально зрѣть нынѣшнее его злосчастіе и упадокъ! Кленусь милостію безсмертныхъ боговъ, и управляющимъ оружіе мое на брани Марсомъ, что который въ нынѣшнемъ вѣкѣ почитается за добронравнѣйшаго, едва ли возможно сравнить его съ самымъ развращеннымъ тѣхъ временъ человѣкомъ. Ибо тогда не могъ бы ты изъ тысячи единаго во всемъ городѣ сыскать худаго человѣка; а теперь и въ двадцати тысячахъ чуть ли одного добродѣтельнаго во всей Италіи найдешь. Истинно, не знаю, для чего такъ ко мнѣ немилостивы боги, и чего ради столько на меня свирѣпствуетъ фортуна, что я ужѐ сорокъ лѣтъ ничего болѣе не дѣлаю, токмо проливаю потоки слезъ, зря, что добродѣтельные умираютъ, и память ихъ скоро въ забвеніе приходитъ; напротивъ того беззаконные живутъ, непрерывнымъ благоденствіемъ наслаждаясь. Понеже благородный духъ всѣ, какія на человѣческую жизнь упадаютъ, тягости терпѣливно снесть можетъ, кромѣ, ежели увидитъ, что добрый человѣкъ страждетъ, а нечестивый утѣшается благополучіемъ. Сего то сердцу ни стерпѣть, ни умолчать, никакъ не возможно.

Въ доказательство сего хочу я тебѣ, любезный Полліонъ, написать нѣчто найден-

денное мною въ Капитольскихъ архивахъ, которыя гласятъ о временахъ Марія и Силлы, по истиннѣ достойное примѣчанія, а именно: въ Римѣ, даже отъ временъ Цинны, имѣлся обычай и законъ ненарушимый, назначенному отъ Сената Ценсору всѣ мѣста той провинціи, которая ему изъ всѣхъ странъ Италіи по жребію досталась, проѣжжая осматривать: которое испытаніе троякой конецъ имѣло. *Первой*, чтобъ узнать, нѣтъ ли отъ кого жалобъ на неправосудіе; *второй*, чтобъ вывѣдать, въ какомъ состояніи находилось общество; *третій*, чтобъ повсягодно требовать отъ народа присяги въ вѣрности Римлянамъ. Что мнится тебѣ, любезный Полліонъ? Ежелибъ теперь такъ Италію, какъ въ древнія времена Римъ, пересмотрѣли; коликія нашлись бы тьмы злодѣйствъ; когда уже разрушилась республика, исчезло наблюденіе правды, и паче всего Римскимъ законамъ никакого не отдаютъ послушанія? Да и не безъ причины: ибо по достоинству теряетъ свою власть городъ, которой будучи прежде царствомъ добродѣтелей, превращается напослѣдокъ въ гнусное скопище беззаконій.

Когда же по прошествіи двухъ лѣтъ послѣ Силланскихъ и Маріанскихъ браней, годовой Ценсоръ пріѣхалъ въ Кампанской городъ Нолу, для обыкновеннаго посѣщенія той страны, и за чрезвычайнымъ въ лѣтнее время тамо солнечнымъ жаромъ, никто не выходилъ на площадь, то сказалъ онъ Гостиннику, у

котораго въ домѣ слѣзъ съ лошади: „ Другъ
„ мой! я Ценсоръ, посланной отъ Римскаго
„ Сената посѣтить сію страну; чего для по-
„ ди скорѣе, и немедленно позови ко мнѣ сю-
„ да всѣхъ добрыхъ здѣшнихъ людей, кото-
„ рымъ я имѣю нѣчто объявить именемъ вы-
„ сокаго Сената „. Гостинникъ будучи разум-
нѣе, хотя и убоже Ценсора Римскаго, пошедъ
на кладьбище, гдѣ погребены мертвые, кри-
чалъ громкимъ голосомъ: „ Слушайте, добрые
„ мужи: подите со мной, зоветъ васъ Римскій
Ценсоръ. „ Ценсоръ видя, что никто не
идетъ, приказалъ Гостиннику вторично звать
ихъ. Гостинникъ возвратясь опять ко гро-
бамъ, кричалъ на мертвыхъ: „ ступайте до-
„ брые люди, зоветъ васъ Римскій Ценсоръ „!
Такимъ образомъ и въ третій разъ тѣмижъ
словами звалъ ихъ. Но какъ за вторымъ и
третьимъ позывомъ не шолъ никто; то ску-
чась и разсерчавъ Ценсоръ, говорилъ Гостин-
нику: „ Когда добрые люди по моему прика-
„ занію ко мнѣ не хотятъ явиться, то я
„ самъ къ нимъ пойду; и такъ ступай со
„ мною, и мнѣ ихъ покажи. Ибо тотъ же-
„ стокое заслуживаетъ истязаніе, кто Сенат-
„ скому повелѣнію ослушенъ „.

Бѣдненькой Гостинникъ повелъ Ценсора за руку ко гробамъ, къ коимъ ходилъ прежде, и пришедши опять звалъ мертвыхъ громкимъ голосомъ, говоря: „ Вотъ добрые люди! при-
„ шелъ къ вамъ Римскій Ценсоръ, желающій
„ бесѣдовать съ вами „. Ценсоръ вознегодо-
вавъ,

вавъ, и распалясь яростію, *что ты это затѣпаешь*, сказалъ Гостиннику, *я приказывалъ тебѣ звать живыхъ, а ты зовешь мертвыхъ?* Которому Гостинникъ отвѣтствовалъ слѣдующимъ образомъ: „Не дивно тебѣ „покажется сіе, что я учинилъ, естьли ты „разумѣнъ, о Ценсоръ Римскій! вить всѣ до„брые здѣшней страны люди ужѐ давно по„мерли, и почиваютъ въ сихъ гробахъ; и „не тебѣ должно на отвѣтъ мой гнѣваться, „но ты пуще меня оскорбилъ своимъ требо„ваніемъ, взыскивая добрыхъ людей, а того „не разсуждая, что нигдѣ столько злыхъ, „какъ здѣсь, не найдешь. Я тебя увѣдом„ляю, буде самъ ты паче чаянія не знаешь, „что, естьли желаешь бесѣдовать съ доб„рымъ человѣкомъ, не сыщешь его нигдѣ и „въ цѣломъ свѣтѣ; и необходимо надобно, „что или изъ мертвыхъ его воскресили, или „вновь создали боги.

„Силла Консулъ, вашъ повелитель, въ „семъ Кампанскомъ городѣ Нолѣ продолжалъ „сѣвъ свой чрезъ пять мѣсяцовъ, пло„ды котораго вы изъ рукъ его собрали въ „Римѣ: какъ то, его свирѣпство причиною, „что осиротѣли чада отъ родителей, внуки „отъ дѣдовъ, дщери отъ матерей; овдовѣли „мужья отъ женъ, и жены отъ мужей; ли„шились дяди племянниковъ; ищущіе покро„вительства заступниковъ; вельможи слугъ; „боги храмовъ; храмы жрецовъ; горы обна„жились отъ пасствы стадъ; поля пусты

 „стали

„ стали плодами; и всего вреднѣе, проклятой
„ тотъ человѣкъ истребивъ сея страны доб-
„ рыхъ людей, пороками и злодѣями вмѣсто
„ того оную наполнилъ. По истиннѣ, ни одно
„ паденіе никогда не сокрушило толь жестоко
„ стѣнъ градскихъ; никакая гусеница не изъ-
„ грызала такъ дерева; ни одна моль не из-
„ ѣдала такъ одежды; ни одинъ червь не по-
„ портилъ такъ плодовъ; ни одна саранча не
„ ощечила такъ класовъ, какъ Силла человѣко-
„ убійствомъ своимъ раззорилъ Кампанію.

„ Но сколь ни великой вредъ причинилъ
„ онъ здѣшнему народу, безконечно однакожъ
„ жесточае повредилъ нравы. Ибо добродѣ-
„ тельные отъ него умерщвлены, и уже по-
„ чиваютъ съ мертвыми; а оставленныя имъ
„ беззаконія, живыхъ нынѣ во гробъ насъ все-
„ ляютъ. Теперь въ сей странѣ одни только
„ гордые и неукротимые, кои господствовать
„ желаютъ; завистливые, кои ничему болѣе
„ не научилися, кромѣ единаго недоброхот-
„ ства; злобные, кои ничего болѣе не зна-
„ ютъ, кромѣ охуждать и злословить: праз-
„ дные, кои только сластолюбствовать умѣютъ;
„ прожоры, кои родились токмо къ поглощенію
„ хлѣба; воры, кои ни о чемъ не помышля-
„ ютъ, кромѣ татьбы; клеветники и возму-
„ тители, кои кромѣ лжи ничего не знаютъ.
„ Сихъ, ежели ты и Римляне ваши полагае-
„ те въ числѣ добрыхъ людей, то подожди не
„ много, я тебѣ созову всѣхъ. Здѣсь злодѣевъ
„ столько, что естьли бы ихъ колоть, и вмѣ-

„ сто

„ сто говяжьяго или другаго какого нибудь мя-
„ са продавать на вѣсъ въ лавкахъ; то не
„ токмо всѣмъ сосѣдямъ нашимъ довольно бы-
„ ло бы корму, но и цѣлая Италія моглабъ
„ насыщаться со избыткомъ. Такъ-то, о
„ Ценсоръ Римскій! у васъ въ Кампаніи не
„ называютъ иныхъ добрыми, кромѣ миро-
„ любивыхъ, трезвыхъ, разумныхъ, терпѣ-
„ ливыхъ, честныхъ, мудрыхъ, добродѣтель-
„ ныхъ; и наконецъ, не слывутъ добрыми,
„ кромѣ тѣхъ, кои отъ злодѣйства удаляясь,
„ въ добрыхъ токмо дѣлахъ упражняются.

„ Не безъ пролитія слезъ говорю, что
„ ежели надобно намъ искать таковыхъ, ни-
„ гдѣ болѣе найти не возможно, развѣ въ сихъ
„ токмо гробахъ. Ибо праведный судъ Божій
„ опредѣлилъ, чтобъ тѣ въ земныхъ нѣдрахъ
„ покоились, коимъ сожитіемъ общество на-
„ слаждаться было не достойно. Ты пришелъ
„ посѣтить такую землю, гдѣ негодные лю-
„ ди тотчасъ начнутъ предъ тобой ла-
„ скаться, и для прикрытія своихъ пороковъ
„ усердно тебѣ прислуживать будутъ: но по-
„ вѣрь мнѣ, что буде желаешь спастись отъ
„ погибели, надежнѣе и безопаснѣе ввѣрить
„ себя изгнившимъ симъ костямъ, нежели на
„ злоковарныя тѣхъ людей сердца положить-
„ ся. Ибо полезнѣе суть примѣры мертвыхъ,
„ кои жили добродѣтельно; нежели совѣты
„ живыхъ, но развращенныхъ „.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

М. Аврелій Императоръ въ заключеніи письма пространно изъясняетъ, какимъ обучался знаніямъ, и какихъ учителей слушалъ; полагая при концѣ достопамятныхъ пять пещей, о которыхъ Римляне особливое имѣли попеченіе и старательство.

Говорилъ я о семъ тебѣ, любезный Полліонъ, для того; дабы ты видѣлъ, коль много злодѣевъ въ свѣтѣ, и коль мало и недостаточно добрыхъ людей въ Италіи; которой вредности единственная есть причина та, что отцы о воспитаніи дѣтей своихъ не прилагаютъ толикаго попеченія, коликое о томъ предки во свое время имѣли. Ибо статься не возможно, чтобъ отрокъ, въ строгомъ ученіи хорошо воспитанный, былъ злонравенъ. Въ семъ то дѣлѣ отецъ мой Анній Верусъ столько заслужилъ похвалы, сколько я достоинъ порицанія. Ибо съ начала отроческихъ лѣтъ моихъ, никогда не далъ мнѣ почивать на постелѣ, сидѣть на стулѣ, и кушать съ собою за однимъ столомъ; такъ что я не токмо голову ободрить, или поднять къ верьху, но и воззрѣть на него не имѣлъ дерзновенія. Поелику онъ ежечастно увѣщевалъ меня сими словами: „Я лучше желаю, сынъ „мой, чтобъ ты былъ честнымъ Римляниномъ, нежели злонравнымъ Философомъ„.

Что же просишь отъ меня изъясненія, сколько я имѣлъ учителей, и какимъ знані-

ямъ въ малолѣтствѣ учился; вѣдай, что многіе и преискусные были у меня учители, хотя я и не весьма достойнымъ ученикомъ сдѣлался. Премногимъ такожъ обучался я наукамъ, хотя мало теперь ихъ знаю, не по причинѣ самовольнаго забвенія; но поелику государственныя дѣла какъ будто насиліемъ у меня владѣніе ихъ отняли. Ибо природа такъ устроила, что знаніе, ежели духъ не свободенъ отъ попеченій, твердо въ умѣ пребывать не можетъ. Грамматикѣ обучалъ меня Ефреріонъ, родомъ, какъ сказываютъ, Испанецъ, мужъ по истиннѣ украшенный сѣдиною, скромнѣйшій въ словахъ, строжайшій въ ученіи, и добродѣтельнѣйшій въ жизни. Ибо, по Римскому закону, дѣтскимъ учителямъ надлежало быть довольныхъ лѣтъ; такъ чтобъ, ежели ученику совершался девятой годъ, учитель свыше пятидесяти лѣтъ имѣлъ отъ рожденія. Краснорѣчію и правамъ долговременно обучался я у Александра Грека, Ликаонскаго уроженца, толь превосходнаго Оратора, что ежелибъ одаренъ былъ такою склонностію въ писаніи, какую имѣлъ пріятность въ краснорѣчіи; не меньше бы прославился онъ между Греками, какъ Цицеронъ между Римлянами. Когда же сей учитель мой окончилъ жизань свою въ Неаполѣ; то поѣхалъ я въ Родусъ, и вступилъ въ слушаніе Риторики у Герода, Аттика, Фронтона и Полліона, мужей къ Ораторскому краснорѣчію рожденныхъ, которые наипаче въ

комедіяхЪ, трагедіяхЪ и забавныхЪ рѣчахЪ крайнюю пріятность и удачу имѣли.

Естественную философію во первыхЪ слушалЪ я у Коммода Халкидонскаго, старика многолѣтнаго, который былЪ вЪ великомЪ почтеніи и милости у Адріана. ОнЪ перевелЪ изЪ Греческаго на Латинской языкЪ Омира. А по кончинѣ его слушаніе продолжалЪ у Секста Херонейскаго, племянника Великому Плутарху, бывшему ТрояновымЪ учителемЪ. Сего Секста Херонейскаго спозналЪ я еще вЪ тритцать пятомЪ году отЪ рожденія, который вЪ то время толикое имѣлЪ почтеніе, что не знаю былЪ ли когда столько славенЪ другой ФилософЪ во всей Имперіи Римской. ОнЪ и теперь находится при мнѣ; и хотя ему отЪ роду восемдесятЪ лѣтЪ, пишетЪ однакожЪ исторію и временЪ моихЪ приключенія.

Кромѣ того, любезный ПолліонЪ, еще два года учился я правамЪ, и испытавЪ законы всѣхЪ народовЪ, позналЪ между тѣмЪ многія древности. Сему знанію обучалЪ меня Л. Волузій МеціанЪ, человѣкЪ вЪ толкованіи законовЪ преискусный, а еще гораздо большій знатокЪ вЪ нарушеніи оныхЪ; такЪ, что когда спросилЪ меня нѣкоторымЪ временемЪ вЪ шутку: „ Скажи мнѣ, МаркЪ, какЪ тебѣ мнится; естьли хотя одинЪ законЪ вЪ свѣтѣ, „ котораго бЪ я не зналЪ? „ НапротивЪ того я ему отвѣтствовалЪ: „ Скажите вы мнѣ, господинЪ учитель, естьли вЪ свѣтѣ хотя одинЪ „ законЪ, которой бы вы наблюдали и исполняли? „

Пя-

Пятаго года по пріѣздѣ моемъ въ Родусъ, произшедъ жестокое моровое повѣтріе, рассыпало нашу школу. И какъ жилъ я въ маленькомъ и тѣсномъ уголку, гдѣ было нѣсколько и живописцовъ, кои въ Палестинское царство писали многоцѣнную картину; то учился съ прилѣжаніемъ рисовать и писать у мастера Діогнета, славнаго тѣхъ временъ живописца. Сей въ Римѣ на нѣкоторой картинѣ написалъ шесть Императоровъ добродѣтельныхъ, и на другой столько же мучительныхъ. Изъ числа злонравныхъ Неронъ такъ существенно изображенъ былъ, что смотрящимъ на него живой казался. Оная картина, на которой Неронъ толь искусно былъ написанъ, сожжена по повелѣнію Сената, для того, что толь беззаконной жизни человѣкъ недостоинъ былъ такой изрядной живописи. Сказываютъ, лице его толь живо и сурово было изображено, что зрителей устрашало; и естьли тамъ па малое время кто оставался, надобно было опасаться, чтобъ онъ, какъ живой, говорить не началъ.

Не много времени учился я и Магіи, (то есть волшебной хитрости), и всѣмъ родамъ гаданій или вражбитства, не имѣвъ въ семъ искуствѣ особаго учителя, кромѣ что чаще ходилъ слушать Аполлонія.

Послѣ того, какъ получилъ въ супружество Фавстину, принялся за обученіе Козмографіи въ Аргируптѣ столичномъ Иллирическомъ городѣ, употребя на то учителей Іунія Рустика и Цинну Катула, Историковъ и совѣтниковъ

никовъ Государя моего Адріана и тестя Антонина. А дабы не оставить безъ испытанія, что только постигнуть можетъ человѣческая слабость; то во время пребыванія моего въ Даціи съ войскомъ, приложилъ стараніе къ музыкѣ, потому что имѣлъ къ ней природную склонность. Оной обучалъ меня Геминъ комедіантъ, который изъ всѣхъ, сколько ни видалъ я въ Римской Имперіи, проворнѣе дѣйствовалъ руками на музыкальныхъ инструментахъ, и въ пѣніи наипріятнѣйшимъ одаренъ былъ голосомъ.

Вотъ тебѣ похожденіе моея жизни, и употребленное мною время на обученіе знаніямъ и искуствамъ! И по истиннѣ человѣку, который въ толикихъ наукахъ упражнялся, надлежало быть весьма трудолюбивымъ и прилѣжнымъ. Однакъ клятвенно тебѣ признаюсь, что я не углублялся столько въ ученій, чтобъ каждаго дня не прогуливалъ знатную часть времени. Ибо юность толь не обузданна, и плоть толь роскошна, что хотя и чрезвычайными трудами утомляется, на увеселеніе однакожъ свое нѣсколько времени всегда употребляетъ.

Впрочемъ, древніе Римляне, хотя во многихъ дѣлахъ были счастливы, неусыпнѣе однакожъ хранили пять установленій, въ наблюденіи которыхъ не дремалъ Сенатъ: не помогали преступникамъ ни чьи прозьбы и ходатайства, и ни одинъ старой или новой законъ не изключалъ никого отъ тѣхъ учрежденій:

вій: которое раченіе, воистинну, похвалы достойно. Ибо Государи, обладающіе пространными царствами и землями, должны обращать свой взорЪ и мысли туда, откуда государству вреднѣйшихЪ и пагубнѣйшихЪ чаютЪ слѣдствій.

ИзЪ тѣхЪ пяти установленій, „ПЕРЬ. „ВОЕ, не дозволяло быть вЪ Римѣ непостоянным жрецамЪ.„ Ибо, гдѣ священной санЪ живетЪ беззаконно, явное есть доказательство, что боги народу той страны немилостивы.

„ВТОРОЕ, запрещало быть вЪ Римѣ развращеннымЪ ВестальскимЪ дѣвамЪ.„ Ибо дѣвица, самохотно предЪ всѣмЪ народомЪ добродѣтельное житіе обѣщавшая, какЪ публично, такЪ и приватно хранить вЪ жизни чистоту своего дѣвства по всякой справедливости обязана.

„ТРЕТІЕ, не дозволяло быть вЪ Римѣ не„правосуднымЪ ЦенсорамЪ.„ Ибо ничто такЪ не раззоряетЪ общества, какЪ ежели Судья вЪ правосудіи не наблюдаетЪ ко всѣмЪ надлежащаго равновѣсія.

„ЧЕТВЕРТОЕ, предостерегало, дабы Полко„водцы, отправляющіеся вЪ военной походЪ, „не были робки и нерадивы.„ Ибо нѣтЪ ничего обществу вреднѣе, и для человѣка срамнѣе, какЪ ежели ввѣряется войско такому предводителю, который повелѣвать на войнѣ первенство себѣ присвояетЪ; но когда дѣло дошло до сраженія, ослабѣвЪ, даетЪ непріятелю мѣсто.

„ПЯ-

„ПЯТОЕ, Римляне не допускали учителямъ быть злонравнымъ.„ Ибо нѣтъ ничего безобразнѣе и соблазнительнѣе, какъ учителемъ отрочества быть ученику пороковъ.

Какъ тебѣ мнится, любезный Поллiонъ? Не думаешь ли, что и въ тѣ поры, когда все сiе Римляне наблюдали, столько же, какъ нынѣ, юношество было злонравно? Не считаешь ли ты нынѣшнiй Римъ за тотъ, который имѣлся въ древности, и въ золотомъ ономъ вѣкѣ, когда были премногочестные старики, добронравнѣйшiе юноши, войска наистрожайше хранили свою дисциплину, Ценсоры и Сенаторы крайнѣ наблюдали правосудiе? Нѣтъ! кленусь милостiю Боговъ и честiю моею! Римъ сей уже не тотъ есть, и древняго никакихъ слѣдовъ, ни единыя красоты, и ни малѣйшаго подобiя не имѣетъ. И естьли бы кто нынѣшнiй Римъ утверждалъ за древнiй, тотъ конечно во все не знаетъ Рима. Ибо по кончинѣ древнихъ добродѣтельныхъ Римлянъ, Боги насъ и селенiя ихъ недостойными быть судили. И такъ, или Римъ сей уже не тотъ есть, или мы неприродные Римляне. Понеже, зря славныя дѣла и добродѣтели древнихъ, великое привлекли бы мы на нихъ безчестiе, естьли бы назвали себя потомками оныхъ.

Говорилъ я тебѣ сiе, любезный Поллiонъ, съ тѣмъ намѣренiемъ, дабы ты усмотря, каково состоянiе наше было прежнихъ временъ, и въ какомъ находимся нынѣ, вѣдалъ,

что настоящее съ прошедшимъ ни почему сравниться не можетъ. Ибо великія вещи долгаго времени и особливаго труда ко устроенію и приращенію своему требуютъ: но и отъ самомалѣйшей причины во мгновеніи ока разрушаются и упадаютъ.

Пространнѣе, нежели намѣренъ былъ, я пишу, и за упражненіями, о которыхъ мною говорено, переставалъ писать три или четыре раза: но когда къ твоему письму приложить, что излишнее въ моемъ, то со обѣихъ сторонъ настоящая будетъ письма мѣра. И ежели я краткости твоего письма тебѣ въ вину не ставлю; то и ты извини меня въ моемъ многорѣчіи. А поелику видѣлъ я давно еще въ Александріи, что ты искалъ рога единорожцева; то посылаю тебѣ онаго большой отломокъ, и притомъ изрядную, по моему мнѣнію, лошадь. Буде дочь твоя Друзилла, съ которою я часто шучивалъ, здравствуетъ, то дай мнѣ знать, дабы я могъ пособить тебѣ въ выдачѣ ея замужъ. Сожительницѣ, свекровѣ и дочери твоей отъ меня и отъ Фавстины поклонъ засвидѣтельствуй; съ которыми тебя, любезный Полліонъ, въ сохраненіе боговъ препоручаю. Прости! ,, На горѣ Целійской Маркъ Императоръ Римскій писалъ собственною рукою.,,

ГЛАВА

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О преизяществе Христіанскаго благочестія, заключающаго въ себѣ познаніе истиннаго Бога, и о суевѣріи древнихъ народовъ, кои толикое число боговъ имѣли; такожъ, что въ древнія времена непріятели, позобновляя между собою миръ, приводили боговъ въ Капища для взаимныхъ объятій.

Единое слово, единородный сынъ Бога отца, безконечный Царь Царей, древнѣйшій паче всѣхъ вѣковъ, Владыка вѣчности, начало, отъ котораго всякое начало, первенецъ Божій, и Создатель всего вещества, въ непостижимомъ безпредѣльныя премудрости своея совѣтѣ положилъ, всю Христіанскаго благочестія связь на толь твердомъ основаніи устроить, чтобъ ее ни мучительскія гоненія поколебать, ни лже Христіянскія наводненія разрушить, ни бурные Еретическіе вѣтры испровергнуть не могли. Ибо удобнѣе небу и землѣ погибнуть, нежели благочестію Христіанскому и на одинъ день истреблену быть на свѣтѣ.

Напротивъ того языческіе боги, которые суть только одни человѣческія выдумки, поелику основаніемъ пагубныхъ ихъ соборищъ былъ зыблемый пѣсокъ, рыхлая и песчаная земля, утопательное болото, и безпутная дорога; бѣднѣйшіе и несчастнѣйшіе отъ части на подобіе опрокинутаго корабля пожертвы пучи-

пучиной, а отъ части какъ храмины источенныя червями изъ основанія упадши сокрушились; напослѣдокъ всѣ они, понеже именемъ точію были боги, въ вѣчномъ погребены забвеніи, и память ихъ въ конецъ погибла. Ибо то только вѣчно быть можетъ, что въ Богѣ, чрезъ Бога, и отъ Бога имѣетъ свое начало.

Издревле превеликое множество въ свѣтѣ имѣлось различныхъ народовъ, каковы были: Сиріане, Ассирійцы, Персіане, Мидяне, Македоняне, Греки, Скиѳы, Аргивцы, Коринѳяне, Халдеяне, Индѣйцы, Аѳиняне, Лакедемоняне, Пинцы, Вандальцы, Шведы, Аланы, Унны, Германцы, Британцы, Евреане, Палестинцы, Галлы, Иверцы, Лидійцы, Мавританцы, Лузитанцы, Готы и Испанцы; и коликое во всѣхъ сихъ особо обрѣталось различіе народовъ, толикая почитаемыхъ ими боговъ, и употребляемыхъ въ богослуженіи обрядовъ имѣлась разность. Ибо язычники сего суевѣрія держались, что въ разсужденіи толикаго множества созданныхъ вещей, думали, аки бы одинъ Богъ создать ихъ довольнаго не имѣлъ могущества. По истиннѣ, дерзновенно скажу предъ всѣми мудрецами, и не оспорятъ всѣ, сколько прежде было, или еще и нынѣ есть, нечестивыхъ идолопоклонниковъ, что безконечно вящшее множество имѣлось у нихъ боговъ, которыхъ они отъ безумнаго суевѣрія вымыслили и почитали, нежели покоренныхъ и обладанныхъ ими царствъ и провинцій. Ибо до толикаго дошли сумозброд-

ства наипаче древніе стихотворцы, что не усумнились вЪ сочиненіяхЪ своихЪ утверждать; яко бы одной каковой либо страны боги смертельными другой провинціи непріятельми были; такЪ что будто Троянскіе боги жесточае враждовали на Грецію, нежели самые Греческіе Князья не доброхотствовали на Трою.

Кто могЪ безЪ огорченія видѣть, что Ассиріане боготворили Вила; Египтяне Апія; Халдеяне Изида; Вавилоняне пожирающаго Дракона или змѣя; Фараониты златаго истукана; Палестинцы Веелзевула; Римляне Юпитера; Пинцы Марса; Коринѳяне Аполлона; Аравляне Астарота; Аргивяне обожали солнце; Ахейцы Луну; Сидоняне Веелфегора; Аммониты Ваала; Индѣйцы Бахуса; Лакедемоняне поклонялися Огигу; Македоняне Меркурію; Ефесіане почитали Діану; Греки Юнону; Армяне Либера; Трояне Весту; Латинцы Февруа, Тарентинцы Цереру; Родійцы Яна, какЪ о томЪ повѣствуетЪ Аполлоній Ѳіанейскій. Но то еще больше удивленія достойно, что часто между собою ссоры и войну начинали не столько о владѣніи царствЪ, сколько показанія ради чьи боги были лучше и сильнѣе; вѣруя, что гдѣ боги были слабѣе, тамЪ необходимо надлежало быть и народу бѣдному, беззащитному и несчастливому.

ПолліонЪ во второй книгѣ о опустошеніи Восточныхъ царствЪ повѣствуетЪ, что прежде всѣхЪ провинція Палестинская взбунтовалась противЪ Елія Адріана пятагонадесять Римскаго

скаго Императора, для укрощенія которой посланъ былъ отъ него Іулій Северъ, мужъ храброй и въ побѣдахъ весьма счастливой. Ибо въ добрыхъ Полководцахъ не одно точію мужество сердецъ, но и счастливой во оружіи успѣхъ требуется. И такъ подъ его предводительствомъ не токмо покорена Іудея, но и учинены въ той странѣ толикія убивства и раззоренія, что разбито и раскопано пятдесятъ крѣпчайшихъ замковъ; истреблено до подошвы и сожжено огнемъ девять сотъ осмдесятъ пять знаменитыхъ и преславныхъ селъ; людей на выласкахъ и сраженіяхъ побито и смертію казнено болѣе пятидесяти тысячь. Ибо гордой и свирѣпой Полководецъ не вмѣняетъ себѣ за славу, ежели кровію человѣческою земля не обагрится. Кромѣ того по городамъ, во осадѣ бывшимъ, отъ глада и мороваго повѣтрія безчисленное множество бѣдныхъ и старыхъ, отроковъ и женъ погибло. Понеже въ долговременныхъ войнахъ токмо нѣкоторое число людей упадаетъ отъ меча непріятельскаго: а повѣтріе, измѣна и голодъ всѣмъ равно пагубу наноситъ.

По окончаніи войны Іудейской немедленно другая, гораздо той жесточае, между Аланами и Армянами востала. Ибо трудовъ и бѣдствій, какія въ случаѣ толикихъ смятеній терпятъ области и царства, начало многіе, а спасительныя средства и конецъ рѣдкіе видятъ. Причиною сей войны было то, что когда оба сіи народы съѣхались на

 Олим-

Олимпійскія игры, произшелъ между ими споръ, у кого изъ нихъ были лучшіе боги? И какъ одни въ томъ стояли, а другіе крѣпко оспоривали; то по окончаніи игръ и возвращеніи во отечество, толикая загорѣлась между ими война, что подъ видомъ защищенія чести боговъ своихъ, чуть было и память сихъ государствъ не истребилась. Ибо естьли не много прилѣжнѣе испытываемъ, то находимъ, что самыя маловажныя причины бывали началомъ достопамятнѣйшихъ браней.

Впрочемъ Императоръ Елій Адріанъ, того же Іулія Севера, о коемъ выше сказано, послалъ примирить Алановъ и Армянъ съ такимъ повелѣніемъ, чтобъ, ежели не успокоятся, принудилъ ихъ къ тому оружіемъ. Ибо мятежники по достоинству заслуживаютъ себѣ лишеніе жизни. Но Іулій Северъ такъ поступилъ разумно, что прежде, нежели дошло дѣло до сраженія и битвы, уговорилъ ихъ помириться: которая вещь не меньше была пріятна Императору, какъ и полезна государству. Ибо Полководецъ, покоряющій провинцію миромъ, не меньшей достоинъ славы, какъ и тотъ, которой одолѣваетъ ее силою оружія. Въ поставленныхъ мирныхъ договорахъ включено было и то, чтобъ Алане Армянскихъ, и взаимно Армяне Аланскихъ боговъ приняли: и когда примиренной народъ дружески въ собраніи обниматься будетъ, равнымъ образомъ и боги, оставившие вражду, въ капищахъ другъ друга во объятія

взимали. Толикое было суевѣрїе древнихъ! Толь плачевная слѣпота смертныхъ, дїявольскимъ лукавствомъ помраченныхъ, что какъ нынѣ Божественная премудрость удобно созидаетъ истиннаго человѣка, такъ легко въ тѣ поры суевѣрнѣйшій человѣкъ изобрѣталъ божество ложное. Ибо Спартанцы такого были мнѣнія, что человѣческой родъ не меньше имѣетъ силъ находить боговъ, какъ и самые боги созидать человѣковъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ

О житіи и почтеніи Бруксиллопомъ, какое онъ имѣлъ между дрепними, и притомъ рѣчь гопоренная имъ предъ смертію къ Римлянамъ; также о дпухъ стахъ осмидесяти тысячахъ богопъ, данныхъ отъ него Римлянамъ.

Фарэзманъ въ двадесятой книгѣ о вольности боговъ, упоминаемыхъ Цицерономъ въ книгѣ о природѣ боговъ, повѣствуетъ, что въ то время, какъ Галлы плѣнили Римъ, и держали во осадѣ Капитолію, пришелъ съ ними Философъ, именемъ Бруксиллъ, и по изгнаніи изъ Италіи Галловъ, жилъ у Камилла въ Римѣ: и поелику Римляне не имѣли тогда у себя Философовъ, то содержанъ былъ онъ въ великой у всѣхъ чести; такъ что изъ иноземныхъ первому ему за жизни въ Сенатѣ поставлена была статуя. Ибо Римляне гражданамъ и за жизни, но чужестранцамъ не

 пре-

прежде, какъ по смерти ихъ, статуи полагать обычай имѣли.

Сего Бруксилла, который жилъ сто тритцать лѣтъ, и изъ оныхъ шесдесять пять въ самомъ городѣ Римѣ имѣлъ свое пребываніе, кромѣ другихъ въ жизни достопамятныхъ его дѣлъ, слѣдующія семь были.

„ПЕРЬВОЕ, чрезъ шесдесять лѣтъ ни „одинъ Римлянинъ не видалъ, чтобъ выхо„дилъ онъ когда за ворота городскія„. Ибо въ древнія времена мало почитали тѣхъ Философовъ, кои отмѣнною сіяя мудростію, не любили жить во уединеніи.

„ВТОРОЕ, что чрезъ толико же лѣтъ „никто не слышалъ отъ него ни единаго „празднаго слова„. Ибо неумѣреннымъ болтаніемъ люди много теряютъ своего почтенія.

„ТРЕТЬЕ, во все то время никогда не при„мѣчено, чтобъ хотя одинъ часъ провелъ празд„но„. Ибо погрѣшность мудраго никакая за столь важную не почитается, какъ ежели напрасно потерялъ онъ одну минуту времени.

„ЧЕТВЕРТОЕ, во все то время никакой „вины за нимъ никогда не присмотрѣно„: и воистинну непосредственное есть сіе преимущество. Ибо рѣдко сыщешь такихъ долголѣтныхъ, чтобъ въ каковомъ либо порокѣ не были примѣчены.

„ПЯТОЕ, во все то время не подалъ ни „единому человѣку причины на себя досадо„вать или жаловаться„. Сіе не меньше по-

хваль-

хвально, какъ и выше сказанное. Ибо чудомъ естества можно назвать того человѣка, который такъ поступалъ въ своей жизни, что никого ни чѣмъ не оскорбилъ и не опечалилъ.

„ШЕСТОЕ, временемъ по три и по „четыре года проживалъ безвыходно въ капищахъ; чѣмъ доказывалъ онъ святость и чистоту своея жизни„. Ибо не довольно для добродѣтельнаго человѣка жить безпорочно; но сверьхъ того и отъ сообщенія развратныхъ людей убѣгать ему должно.

„СЕДМОЕ, что чаще съ богами, нежели „съ человѣками бесѣдовалъ„.

А какъ приближался онъ уже къ смерти, и весь Сенатъ пришелъ къ нему посѣщенія ради и отданія благодарности за толь долговременное и толь похвальное и благопріятное съ ними его сожитіе, дабы тѣмъ показать, коль печально всему городу лишеніе и кончина толико знаменитаго мужа; то сей добродѣтельнѣйшій Философъ въ присутствіи всѣхъ, слѣдующимъ образомъ отвѣтствовалъ Сенату.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Рѣчь помянутаго Философа, говоренная имъ къ Римскому Сенату при самомъ почти издыханіи, въ которой показываетъ, что онъ городу двести восемдесятъ тысячъ боговъ оставляетъ.

Понеже, высокопочтенные господа Сенаторы, вы мужи мудрые, то, по моему мнѣ-

нію, кажется не прилично вамъ тужить о моей смерти, которую я пріемлю радостнымъ сердцемъ. Ибо не смерть, но беззаконно проведенную жизнь оплакивать намъ должно. И тотъ весьма глупъ, который единственно для того боится смерти, что чрезъ нее лишится утѣхъ сея жизни. Ибо смерти не для того страшиться должно, что отъемаетъ жизнь; но поелику лютая смерть есть не иное что либо, какъ печаль беззаконной жизни.

Я, господа Сенаторы, умираю съ веселіемъ; *во первыхъ*, понеже ни единаго въ семъ городѣ не оскорбилъ человѣка; безъ сомнѣнія будучи увѣренъ, что тому, который въ жизни своей не учинилъ никому зла, боги по смерти его зла учинить не имѣютъ.

Во вторыхъ, умираю съ веселіемъ, видя, коль печально Римлянамъ мое съ ними разлученіе. Ибо нѣтъ никого бесчастнѣе, какъ тотъ, для чьей жизни всѣ проливаютъ слезы, и чьею смертію премногіе утѣшаются.

Кромѣ того, умираю съ веселіемъ, воспоминая, что чрезъ всѣ шесдесятъ лѣтъ, прожитыхъ мною въ Римѣ, всегда старался я быть полезнымъ обществу. Ибо праведные боги мнѣ открыли, что никакая смерть неопасна, кромѣ той, которую безплодная жизнь предварила.

Напослѣдокъ, умираю съ веселіемъ, не столько ободряясь благодѣяніями, оказанными мною человѣкамъ, сколько тѣмъ служеніемъ, которое я богамъ отдалъ. Ибо естьли вникнемъ

немъ въ нашу жизнь, и посмотримъ въ какихъ безплодныхъ дѣлахъ оную иждиваемъ; то по справедливости сказать можемъ, что жили мы въ то только время, которое на божественную употребили службу.

Но оставя касающееся до меня, скажу теперь вамъ, господа Сенаторы, нѣкоторую тайну, относящуюся до общества вашего: Праотецъ нашъ Ромулъ основалъ Римъ; Нума соорудилъ Капитолію; Анкъ Марцій укрѣпилъ городъ стѣнами; Брутъ избавилъ отъ тиранновъ; славнѣйшій Камиллъ выгналъ изъ онаго Галловъ; и Квинтій Цинцинатъ распространилъ оной покоренными и присоединенными къ нему царствами; а я оставляю городъ изобилующій богами, кои лучше защитятъ его, нежели каковыя либо стѣны или воинства. Ибо по истиннѣ, единаго Бога покровительствующая десница превосходитъ силы всѣхъ человѣковъ. Во время моего пришествія въ Римъ, не малой былъ стыдъ видѣть городъ, толь богами нищій, когда было въ немъ точію пять; сирѣчь: Юпитеръ, Марсъ, Янъ, Верекинѳія и Веста; но нынѣ видимъ мы ужè тому противное, естьли каждой собственнаго Бога покровителя имѣетъ. Ибо весьма несправедливо, зрѣть сокровищницы наполненныя златомъ, а храмы напротивъ того видѣть пустые и неукрашенные богами.

Поелику нынѣ считается гражданъ двѣсти восемдесятъ тысячь; то будьте не сомнѣнно увѣрены, что толикоежъ число и боговъ я

я оставляю; и тѣмижъ самими богами васъ, Римляне, заклинаю, и прошу, чтобъ всякъ довольствуясь домашнимъ своимъ богомъ, не присвоялъ себѣ боговъ всеобщихъ. Ибо тотъ предъ богами виновенъ и предъ человѣками бываетъ ненавистенъ, который то, что многимъ общее, приватно въ свою собственность привлекаетъ. И буде вы желаете не заблудить ни мало въ богопичитаніи; то сіе правило хранить должны, сирѣчь: призывайте мать Верекинѳію на умилостивленіе прогнѣванныхъ боговъ; Весту ко отвращенію злой судьбины; Юпитеру препоручите правленіе республики, и признавайте его обладателемъ надъ всѣми небесными и земными богами; который естьли бы не укрощалъ на небесахъ гнѣва и ярости боговъ, давно бы ужѐ истребилась на земли и память рода человѣческаго.

Что же касается до прочихъ боговъ, которыхъ оставляю вамъ, каждому особаго; всякъ въ домѣ своемъ имѣть и пользоваться ими можетъ, Однакъ крѣпко, о Римляне! содержите въ памяти, чтобъ въ случаѣ какой либо неудачи или несчастія, не отважился кто хулить и безчестить домашняго бога. Понеже боги мнѣ открыли, что чрезъ мѣру довольно и одного умалчиванія ими своей обиды непочитающимъ ихъ; хотя самовольныхъ оскорбителей своихъ безъ наказанія и не оставляютъ. Ниже льстите себя тѣмъ обманомъ, аки бы домашные боги не сильны; но вѣдайте, что нѣтъ ни единаго бога толь слабаго, который

бы

бы не имѣлъ довольно силъ ко отмщенію своея обиды.

Достойно теперь, о Римляне! всѣмъ провождать жизнь свою въ веселіи, и твердое о безопасности имѣть упованіе, вѣруя несомнѣнно, что не льзя вамъ отъ непріятелей своихъ быть побѣжденнымъ; когда уже не вы у сосѣдей, но сосѣди у васъ боговъ въ заемъ просить будутъ.

Напослѣдокъ вамъ, потому что уже болѣе со мной не увидитесь, объявляю имѣющую быть сего дня мою кончину. И понеже я умираю: то кажется мнѣ, что съ нынѣшняго дня начинаю жить. Ибо отхожу къ богамъ, которыхъ вамъ оставляю; и паки оставляю вамъ тѣхъ же самихъ боговъ, къ которымъ преселяюсь.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Язычники вѣрили, что одинъ Богъ не имѣлъ довольно силъ защитить ихъ отъ непріятелей; чего ради Римляне противо нападенія Готскаго требовали въ заемъ боговъ чрезъ разосланныхъ по всю Имперію посланниковъ.

Въ лѣто отъ созданія города тысяча сто шестдесятъ четвертое, который годъ, по нашему изчисленію, былъ четыреста второй по воплощеніи Христовомъ, какъ о томъ Павелъ Орозій Исторіи отъ начала свѣта въ книгѣ седьмой, и Павелъ Діаконъ въ книгѣ второйнадесять Исторіи Римской, повѣствуютъ; Готы,

ты, именуемые отъ Спарціана Геты, а отъ другихъ Гетули или Массагеты, будучи выгнаны отъ Унновъ изъ старыхъ жилищъ, пришли въ Италію искать новыхъ мѣстъ для своего поселенія. Въ то время былъ Императоромъ Римскимъ Валенцій, не имѣвшій мужества въ военныхъ дѣлахъ и злонравный, потому что Аріанской держался ереси.

У Готовъ вмѣсто Королей обладали два знаменитые мужа, Радагайзъ и Аларикъ; изъ коихъ первой Радагайзъ былъ идолопоклонникъ, звѣрскаго сердца, и имѣлъ въ повелѣніи своемъ войска гораздо болѣе двухъ сотъ тысячь Готовъ, которые согласились съ нимъ всѣми силами стараться пролить кровь Римскую до послѣдней капли, и оную богамъ своимъ принесть въ жертву. Ибо варварскіе народы по избіеніи непріятелей, обыкновенно помазывали боговъ своихъ кровію человѣческою въ капищахъ.

Какъ разнесся слухъ о пришествіи жесточайшаго непріятеля, устремившагося не точію разорить городъ Римъ, но и въ конецъ истребить Римское имя, такъ, чтобъ никогда уже болѣе и памяты его на свѣтѣ не имѣлось; то напалъ на всю Италію страхъ и трепетъ, и всѣ, сколько ни было, храбрые и мужественные Кавалеры единодушно опредѣлили собраться въ Римъ, и жизнь свою положить за вольность. Ибо, по обыкновенію Римскому, необходимо должно было всякому при вступленіи своемъ въ число Кавалеровъ, подъ присягою

гою обѣщать клятвенно три вещи: *первое*, что онъ во всю жизнь свою ни въ чемъ болѣе, кромѣ военной службы, упражняться не будетъ. *Второе*, что ни для убожества своего, ни обогащенія ради, ниже для другихъ причинъ, ни у кого, кромѣ получаемаго имъ отъ отечества своего Рима, награжденія взимать не станетъ. *Третье и послѣднее*, что лучше будетъ желать умереть свободнымъ, нежели жить плѣннымъ.

Когда же всѣ Римскіе Кавалеры, жившіе въ разсѣяніи по всей Италіи, съѣхались въ Римъ, то приговорили отправить Посланниковъ не токмо къ подданнымъ, но и ко всѣмъ союзнымъ народамъ съ грамотами слѣдующаго содержанія.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Грамота къ подданнымъ всея Имперіи и къ союзникамъ отъ Сената посланная.

Сенатъ и народъ Римскій вѣрнымъ подданнымъ и любезнѣйшимъ союзникамъ здравія и побѣды надъ врагами отъ безсмертныхъ боговъ желаетъ.

„Перемѣна временъ, нерадѣніе ваше, и „судьбины нашея противный рокъ, довели „насъ до того, что Римъ, который съ начала своего иностранныя покорялъ и управлялъ „царства, нынѣ раззорить, покорить и истребить устремляются пришельцы; такъ, что „варвары, какихъ мы имѣли у себя неволь-

„ни-

„никами, сговорились на насъ возложить иго „рабства. Хотя же сей варварской народъ, „какъ видимо есть, восталъ противо общей „нашей матери Рима, и съ Королемъ своимъ „торжественною утвердился клятвою всю „кровь Римскую принесть въ жертву богамъ „своимъ; однако уповать можно, что форту„на, воззря на нашу невинность и ихъ на„прасное неистовство, определитъ тому про„тивное. Понеже всеобщее гласитъ правило, „что Государю, который безъ законныхъ при„чинъ начавъ войну, свирѣпо и пышно ее про„изводитъ, не льзя одержать побѣду.

„Хотя же требованія ихъ несправедли„вы, и самая невинность наша насъ оправ„даетъ; однако по многомъ и прилѣжномъ „разсужденіи ничего болѣе дѣлать не оста„лось, какъ только признали мы за необхо„димо нужное противиться симъ варварамъ. „Ибо и праведно пріобрѣтенное часто чрезъ „нерадѣніе теряется. И дабы воспрепятство„вать непріятелю въ его намѣреніяхъ, и от„вратить худыя слѣдствія, Сенатъ опредѣ„лилъ чинить ниже слѣдующее, ко исполне„нію котораго требуетъ отъ васъ искренняго „усердія и помощи:

„*Во первыхъ повелѣно*: съ крайнимъ „прилѣжаніемъ и скоростью починить рвы, „ворота и стѣны городскія, и всѣ военныя „орудія: на что, также и на другія воен„ныя надобности, потребны деньги. Ибо из„вѣстно вамъ, что имѣя недостатокъ въ

„день-

„ деньгахъ, воевать съ успѣхомъ противъ много-
„ численнаго непріятеля никогда не можно.

„ *Во вторыхъ заблагоразсуждено*, чтобъ „ всѣ присяжные къ военной службѣ собрались „ въ Римъ для обороны; чего ради сколько ни „ сыщется у васъ не свыше пятидесяти, и не „ менѣе двадцати лѣтъ, всѣхъ имѣете къ „ намъ выслать. Ибо къ произведенію войны „ съ пользою, не меньше потребны старики „ для подаванія совѣтовъ, какъ и храбрые „ юноши исполненія ради повелѣннаго.

„ *Сверьхъ того опредѣлили*, запастись „ въ городѣ по крайней мѣрѣ на два года про- „ віантомъ; чего для васъ просимъ прислать „ къ намъ вина десятую, мяса пятую, и хлѣ- „ ба третью долю. Ибо хотя мы посвяти- „ ли себя жизнію жертвовать за цѣлость оте- „ чества; однако не во осадѣ непріятельской „ отъ глада и жажды, аки боязливые, уме- „ реть, но въ пространныхъ поляхъ, яко хра- „ брые Римляне, творя брань, главы наши „ положить желаемъ.

„ *Напослѣдокъ*, поелику стремятся раззо- „ рить насъ незнаемые варвары, *заблагоусмо-* „ *трѣно*, противо ихъ пригласить на помощь „ въ Римъ чужихъ боговъ. Ибо извѣстно вамъ, „ что еще отъ временъ великаго Константина „ мы такъ оставлены и скудны богами, что, „ кромѣ Христіанскаго Бога, не имѣемъ у се- „ бя ни единаго. Чего ради прилѣжно васъ „ просимъ, въ сей видимой опасности не от- „ речься притти на помощь къ намъ съ богами

„ ваши-

„ вашими. Ибо мы не вѣдаемъ, естьли какой „ Богъ столь сильной, чтобъ одинъ могъ защитить весь народъ Римской.

„ И такъ когда укрѣпимъ стѣны града, „ введемъ во оной юношество къ войнѣ способ- „ ное, наполнимъ домы припасами, обогатимъ „ казну деньгами, расположимъ въ надлежащихъ „ мѣстахъ военныя орудія, и паче всего хра- „ мы исполнимъ богами; то съ помощію ихъ „ несомнѣнно уповаемъ одержать надъ непрія- „ телемъ побѣду. Ибо побѣды всегда надѣять- „ ся можно, ежели только съ человѣками, а не „ съ богами брань творится; и нѣтъ никакихъ „ людей столь сильныхъ, которыхъ бы не „ могли одолѣть такіе же, какъ и сами они, „ человѣки. Простите!

Римляне такимъ образомъ разославъ грамоты во всѣ предѣлы Имперіи, и не ожидая отвѣта, всенародно уже имя Христово ругали, и поставя паки во храмахъ идолы, по обыкновенію языческому имъ покланялися; всего же беззаконнѣе, говорили явно, что Риму не приключалось никогда поношенія отъ тиранновъ, кромѣ точію съ того времени, какъ начали они быть Христіянами; и ежели боги не возвратятся по прежнему въ городъ, то Римъ въ безопасности и спокойствіи пребывать никогда не можетъ. Понеже съ безчестіемъ изгнанные боги мстятъ за обиду свою наведеніемъ сихъ варваровъ.

Но промыслъ Божій, который не попускаетъ злобѣ человѣческой распространять на всякомъ мѣ-

мѣстѣ свои силы, прежде обновленія городскихъ стѣнъ, полученія чрезъ посланниковъ отвѣта, и введенія въ Римъ чуждыхъ боговъ, Готскаго Короля Радагайза, безъ пролитія Христіанской крови, устрашилъ и принудилъ съ двумя стами и пятью десятьми тысячами варварскаго народа бѣжать на Фезуланскія горы: гдѣ не токмо все воинство его отъ глада, жажды и одожденія летящихъ съ небесъ камней погибло, такъ, что ни одинъ человѣкъ не спасся; но и самъ Король съ сыновьями своими плѣненъ, отведенъ въ Римъ, и тамо казненъ смертію. Симъ-то чудомъ предвѣчная оная премудрость научала Римлянъ, что Христосъ есть истинный Богъ Христіанскій, и къ защищенію рабовъ своихъ не требуетъ помощи отъ боговъ чуждыхъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

О Богѣ истинномъ и тщетѣ ложныхъ боговъ, и коликими въ ветхомъ завѣтѣ чудными дѣлами Богъ показалъ свое могущество.

О глубочайшее невѣжество! О неслыханное упрямство! О неиспытанныя судьбы Божія! Язычники сіи имѣя Бога истиннаго, искали ложныхъ и вымышленныхъ боговъ! Имѣя собственнаго Бога, чужихъ въ заемъ просили! Имѣя Бога справедливаго, взыскивали лживыхъ и обманчивыхъ! Напослѣдокъ, край безумія, думали, что Богъ, который создалъ все вещество, для обороны единаго токмо Рима, требуетъ отъ другихъ боговъ вспоможенія! Пускай

же выдутЪ нынѢ сЪ одной стороны всѢ боги на позорище, а я сЪ другой стану сЪ единымЪ истиннымЪ БогомЪ, и всѢ дѢла ложныхЪ боговЪ сравнимЪ хотя сЪ самомалѢйшимЪ истиннаго нашего Бога дѢломЪ; то ложь и тщета силЪ ихЪ весьма ясно откроется, и наша истинна возсіяетЪ. Ибо глаголющій о БогѢ языкЪ не можетЪ поткнуться на ложь; но велерѢчащія о идолахЪ уста ни единой истинны проглаголать не возмогутЪ.

Естьли мнится быть велико, что БогЪ создалЪ мірЪ своимЪ могуществомЪ; то не за меньшее почитать должно, что оной и сохраняетЪ и управляетЪ премудростію своею: ибо многія вещи вЪ минуту и скоропостижно совершаются, кЪ сохраненію которыхЪ долгаго времени и чрезвычайнаго труда надобно.

Вопрошаю васЪ, скажите мнѢ, который языческій богЪ сдѢлалЪ то, что сотворилЪ БогЪ нашЪ? То есть, чтобЪ вЪ одномЪ ковчегѢ смирно и согласно между собою обращались, левЪ сЪ барсомЪ, волкЪ сЪ агнцемЪ, медвѢдь сЪ юницею, песЪ сЪ кошкою, лисица сЪ курицею, собаки сЪ зайцами, такожЪ и прочія животныя, которыя гораздо лютѢйшимЪ, нежели человѢкЪ сЪ человѢкомЪ, раздѢлены между собою несогласіемЪ. Ибо между человѢками недоброхотства раждаются отЪ зависти; а вЪ звѢряхЪ оное отЪ природы бываетЪ.

Паки вопрошаю: чье, кромѢ истиннаго Бога, толикое было могущество, что вЪ одинЪ

и тотъ же день, въ одинъ часъ и минуту, мужей, женъ, и всѣхъ животныхъ умертвилъ, погрузилъ и истребилъ, такъ, что сколько ни было во вселенной, выключая осмь человѣкъ, всѣ потопомъ погибли? Которая пагуба на человѣческой родъ за тяжчайшіе грѣхи правосудіемъ Божіимъ наведена была по достоинству. Понеже Богъ никогда не воздвигаетъ чрезвычайныхъ наказаній дотолѣ, доколѣ многими и величайшими беззаконіями не раздраженъ будетъ.

Естьлижъ сіе ставится за велико, то колми паче за вящшее почесть должно, что Богъ хотя и явилъ въ наказаніи строгость правосудія, но скоро потомъ въ заглажденіи сего недостатка показалъ свое могущество и милосердіе; сирѣчь: когда отъ толь малаго числа оныхъ осьми человѣкъ умножился человѣческой родъ, и многія и пространнѣйшія обитателями населены царства? что весьма достойно удивленія. Ибо, какъ Аристотель въ 7 Топик. говоритъ: великія вещи весьма удобно разрушаются, которыя возставить по прежнему весьма трудно.

Вопрошаю паки: который изъ языческихъ боговъ могъ сдѣлать то, что Богъ Израильскій въ древнѣйшемъ и богатѣйшемъ Египетскомъ сотворилъ царствѣ? то есть: какъ ни восхотѣлъ, и когда ни показалось угодно волѣ его, превращалъ воды въ кровь, заражалъ мяса червьями, сгущалъ воздухъ, оживлялъ песьи мухи, изсушалъ моря, избивалъ первенцовъ, помра-

чалъ солнце, и чудная сотворилъ въ земли Хамовой, страшная въ мори Чермномъ; наконецъ, повелѣлъ морскимъ водамъ устремиться на Фараона и Египтянъ, и покрыть ихъ волнами; а Израилю сухой проходъ оставить. Ежелибъ хотя единое изъ сихъ учинили ложные боги, достойно было бы удивленія; но поелику истинный Богъ творилъ оное, то дивиться мы тому не должны. Ибо, по слабости нашего разума кажется оно намъ великое, но въ разсужденіи Божескаго всемогущества ничто есть: и гдѣ истиннаго Бога рука дѣйствуетъ, тамъ ни силы человѣческія, ни лютость звѣрей, ни высота небесная, ни глубина морская противиться не могутъ; потому что онъ какъ даровалъ имъ бытіе, такъ напротивъ того отнялъ силу, учиня ихъ себѣ подвластными.

Паки вопрошаю: какой языческой богъ, или и всѣ оные совокупясь вмѣстѣ, столько были сильны, чтобъ хотя единаго умертвили человѣка? Но истинный Богъ, во время царствованія Езекіи, единою нощію, когда Израильтяне покоились сномъ, сто осмьдесятъ пять тысячь потребилъ воинства въ обозахъ Ассирійскихъ, которые крайними врагами были Израильтянамъ; сирѣчь: предержащихъ Государей и Князей тѣмъ научая, что мало спасенія во многочисленномъ воинствѣ, мало пользуетъ изобиліе богатства, и мало помогаетъ огромность военныхъ орудій, ежели Богъ за грѣхи ихъ опредѣлитъ противное. Ибо война на-

начало свое заимствуетъ отъ гордости и злобы человѣческой; но побѣда отъ воли Божіей зависитъ.

Паки вопрошаю: который изъ языческихъ боговъ сдѣлалъ то, что сотворилъ истинный Богъ нашъ, покорившій подъ ноги преславному вожду Іисусу Навину тридесять два Царя съ царствами, коихъ онъ не токмо царствъ, но и самой лишилъ жизни, разсѣкая тѣхъ нещастныхъ Царей по удамъ, и раздѣляя тѣ бѣдныя царства по частямъ на двенатцать колѣнъ Израильскихъ. Сіи царства поелику издревле старымъ принадлежали Евреянамъ, и по отнятіи у нихъ болѣе двухъ тысячь лѣтъ насильно владѣемы были: то Богъ подъ предводительствомъ Навиновымъ возвратить оныя соизволилъ. И хотя Богъ долговременное оказывалъ имъ свое терпѣніе, дѣлалъ однакожъ сіе не для того, аки бы чрезъ долготу времени имѣлъ ужѐ ихъ въ забвеніи; но чтобъ сію медленность наградить жесточайшимъ наказаніемъ. Ибо Государи, многія мучительныя дѣла истребляютъ изъ памяти, которыя предъ престоломъ Божескаго правосудія вопіютъ испрашивая отмщеніе.

Паки вопрошаю: чего ради всѣ древніе боги, ежели сильны были, Царей своихъ и царствъ не защищали и не обороняли? Ибо сіе невѣроятно, аки бы не имѣли они въ томъ благоволенія паче, нежели могущества; когда не меньшее сами боги раззореніемъ храмовъ, какъ и человѣки потеряніемъ царствъ паденіе

ніе претерпѣвали, и жесточае казалось древнимъ разореніе единаго храма, нежели цѣлаго знаменитаго народа упадокъ. Вѣдаемъ мы, что не могли Троянскіе боги ни самихъ себя, ни народа оборонить отъ Грековъ; но равно боги съ людьми, и люди съ богами въ Карѳагенъ, оттуда въ Сицилію, изъ оной въ Лацію, изъ Лаціи въ Лаврентъ, а изъ Лаврента ужè въ Римъ переселилися, и какъ изгнанцы и бѣглецы странствовали по свѣту, тѣмъ самимъ очевидно представляя, что не меньше боги Троянскіе отъ Греческихъ боговъ, какъ и Князья Троянскіе отъ Князей Греческихъ побѣждены были: что поистиннѣ весьма срамно и безчестно было тѣмъ, кои за боговъ почитаемыми быть желали. Ибо истинному Богу не прилично бояться и бѣгать, но оказывать себя такимъ, чтобъ его боялися и любили. И такъ что мы о сихъ богахъ говорили, тожъ самое можетъ подтвердить и о прочихъ, сирѣчь: хотя всѣ боги имѣли царства и храмы, въ которыхъ имъ жертвовали и покланялися; но одни отъ другихъ истреблены были, какъ то видимо есть, что Израильтяне покорены отъ Ассирійцовъ, Ассирійцы отъ Персіанъ, Персіане отъ Македонянъ, Македоняне отъ Мидянъ, Греки отъ Пинцовъ, Пинцы отъ Римлянъ, Римляне отъ Готовъ, а Готы истреблены отъ Мавровъ, такъ, что ни одной провинціи, и ни одного народа въ свѣтѣ не имѣлось, кои бы подъ иго другой провинціи, или народу, превращены не были.

Всѣ

Всѣ Историки, которые боговъ своихъ и обряды поклоненія великолѣпно описали, не могли того оспорить, что боги съ почитателями своими, и почитатели купно съ богами напослѣдокъ конецъ возъимѣли; а одно токмо Христіанское благочестіе никакому и никогда концу причастно не будетъ: поелику основаніемъ его есть тотъ, который самъ безначаленъ и безконеченъ. И поистиннѣ изъ числа доказательствъ, крѣпко утверждающихъ мое сердце къ содержанію Христіанскаго православія, есть сія видимость, что церьковь съ начала своего основанія, хотя отъ сильнѣйшихъ Царей и царствъ была разоряема и мучительски гонима; но оборонили ее и защитили подлые, самые послѣдніе и неученые люди.

О преславная воинствующая церьковь! Она то теперь ни что иное есть, какъ золото въ пригари, роза между терніемъ, зерно между плевами, мозгъ въ костяхъ, жемчугъ въ раковинѣ, нетлѣнная душа въ смрадномъ трупѣ, единственный Фениксъ въ клеткѣ, корабль путешествующій въ глубокомъ и бурномъ морѣ, который, чѣмъ жесточаѣ бьютъ волны, тѣмъ выше подымаетъ свои парусы. Ибо крѣпость и постоянство церькви никогда не усматривается такъ, какъ въ то время, когда мучители противъ ея воюютъ. Нѣтъ ни одного толь малаго Христіанскаго царства, и нѣтъ ни одного человѣка находящагося въ толикой у всѣхъ ненависти, которому бъ во время терпимаго имъ отъ одного или двухъ утѣ-

снения, не доброхотствовали и не помогали други, ближніе и покровители; такъ, что кои намѣревали истребить другихъ, сами погибаютъ, и чувствуютъ жесточайшими непріятельми тѣхъ, которыхъ чаяли они быть своими помощниками. Сіе не безъ тайной судьбы Божіей дѣлается: понеже, хотя Богъ терпитъ беззаконному, дабы онъ пребылъ въ злобѣ своей нѣсколько времени; другихъ однакожъ къ равномѣрному злодѣянію обольстить не попускаетъ.

Палестинцы смертельныхъ непріятелей имѣли Халдеянъ, Халдеяне Идумеянъ, Идумеяне Ассирійцовъ, Ассирійцы Персіянъ, Персіяне Аргивцовъ, Аргивцы Аѳинянъ, Аѳиняне Лакедемонцовъ, Лакедемонцы Сидонянъ, Сидоняне Родійцовъ, Родійцы Скиѳовъ, Скиѳы Унновъ, Унны Алановъ, Аланы Шведовъ, Шведы Вандальцовъ, Вандальцы Валеарцовъ, Валеарцы Сардіанъ, Сардіане Пинцовъ, Пинцы Римлянъ, Римляне Датчанъ, Датчане Готовъ, Готы Галловъ, Галлы Испанцовъ, Испанцы Иверцовъ; и сіи царства одно отъ другаго, а не всѣ отъ единаго утѣсняемы и раззоряемы были. Но Святая Матерь Церьковь отъ всѣхъ сихъ царствъ претерпѣла гоненія, не имѣя инаго благодѣтеля, кромѣ Христа, который какъ благодѣтелемъ, такъ и покровителемъ былъ для нее самымъ лучшимъ и сильнѣйшимъ. Ибо тѣ, коихъ Богъ пріемлетъ въ свое сохраненіе, не можно статься, чтобъ погибли, хотя бы и цѣлой свѣтъ на нихъ брань воздвигнулъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Богъ истинный токмо одинъ есть, и блаженно царство, коимъ обладаетъ Государь прямый и неложный Христіанинъ; такожъ о мнѣніи язычниковъ, которые добродѣтельныхъ Государей по смерти въ число боговъ, а злонравныхъ въ число демоновъ относили; что утверждаетъ авторъ нѣсколькими примѣрами изъ древности.

Хотя общее простаго и неученаго народа было мнѣніе, что боги суть многіе; но нѣкоторыя Философскія школы, не многихъ, но единаго Бога быть признали, называя его иные подъ именемъ Юпитера богомъ боговъ; другіе перьвымъ смысломъ или умомъ, понеже всѣ миры создалъ; иные перьвою виною или причиною, для того, что была началомъ всѣхъ вещей. Таковажъ мнѣнія кажется былъ и Аристотель, когда второй надесять книги Метафизическихъ разсужденій въ послѣдней главѣ сказалъ: „Вся вышняя и нижняя требуютъ „порядочнаго управленія, и лучше управляются „ся повелѣніемъ единаго, нежели разумомъ „и волею многихъ; слѣдовательно одинъ то„кмо есть обладающій, отъ котораго онѣ „управляются„.

М. Варронъ въ Митической или баснословной богословіи, и М. Туллій въ книгахъ о природѣ боговъ, хотя и сами идоламъ покланялись, и не безъ усердія боговъ почитали; однакожъ язычникамъ, кои признавали и вѣровали быть мно-

многимъ богамъ, насмѣхаются, утверждая, что Марсъ, Меркурій, Юпитеръ, и вся толпа полагаемыхъ язычниками боговъ были такіежъ, какъ и мы, смертные человѣки. И поелику они ни добрыхъ, ни злыхъ Ангеловъ не познавали, ниже вѣрили быть или раю для награжденія добродѣтельныхъ, или ада наказанія ради беззаконныхъ; то приняли сію ложную выдумку, яко бы всѣ человѣки по смерти добрые въ боговъ, а злые въ бѣсовъ превращаются. И аки бы не довольно было сего обмана, то довелъ ихъ сатана до толикаго безумія, что думали, будто бы во власти у Римскаго Сената состояло, кого нибудь или богомъ, или демономъ сдѣлать; такъ, что когда отходилъ отъ жизни Римскій Императоръ, который Сенату былъ любезенъ, немедленно въ числѣ боговъ: когда же умиралъ такой, которой ему былъ ненавистенъ, въ числѣ демоновъ поставляли.

А дабы не показалось сіе баснею, засвидѣтельствуемъ примѣрами изъ писателей. Иродіанъ повѣствуетъ о Фафстинѣ, дочери набожнаго Антонина, что она была супругою Марка Аврелія, который по немъ возшелъ на Императорской престолъ; и поистиннѣ изъ всѣхъ какъ прежде, такъ и послѣ ихъ бывшихъ Императоровъ, очень не много толь добродѣтельныхъ, а по моему разсужденію и ни одного сихъ двухъ лучшаго не имѣлось. Ибо какъ отъ Императора, для пріобрѣтенія безсмертной памяти, требуются въ жизни сей

пять

пять качествъ, сирѣчь: чтобъ былъ непороченъ житіемъ, крайній хранитель правды, счастливъ въ войнахъ, изученъ въ знаніяхъ, и любезенъ своимъ подданнымъ; то всѣ оныя свойства, дарованія и добродѣтели въ сихъ обоихъ Государяхъ были превосходны.

Впрочемъ Фавстина Императрица одарена была превосходнѣйшею красотою, которую писатели крайне великолѣпно похваляя, говорятъ, аки бы не возможно было сдѣлаться, чтобъ она толь плѣняющую красоту имѣла, естьли бы боги частицы божества своего ей не сообщили. Сіе хотя и такъ есть; я однакожъ будучи сомнителенъ, вопрошаю, и оставляю на разсужденіе: вящшеель было въ ней превосходство красоты, или мерзость и нечистота жизни? Ибо первая зрителей въ несказанное приводила удивленіе, а другая въ свѣдущихъ объ оной возбуждала негодованіе.

Когда же М. Аврелій Императоръ, по отправленіи торжества надъ побѣжденными Парѳами, поѣхалъ въ Азію для осмотрѣнія тамошнихъ провинцій, и Фавстина отъ горячки въ четвертой день скончалась при самой подошвѣ горы Тавра, а тѣло ея напоивши ароматами отвезли въ Римъ; то поелику она была толь добродѣтельнаго отца дщерь, и толь любезнаго Императора супруга, Сенатъ нарекъ ее богинею, и въ числѣ боговъ поставилъ. И какъ по причинѣ безстыднаго и невоздержнаго ея житія, которымъ она себя весьма опорочила, никто не надѣялся, чтобъ Римляне

не толикую ей честь выразили; то Императору оная толь была пріятна, что никогда не преставалъ благодарить Сенату. Ибо поистиннѣ наивящшую благодарность заслуживаетъ то благодѣяніе, которое случается паче надежды. Противное сему послѣдовало въ смерти Тиверія третьяго Римскаго Императора, котораго не токмо умертвили, и трупъ повѣсивъ на крюкъ палачи разорвали, но еще спекшись изъ всѣхъ капищъ Жрецы, всенародно просили боговъ не принимать къ себѣ умершаго, и умоляли адскихъ фурій жесточайшими терзать его мученіями; признавая за существеннѣйшую справедливость, чтобъ тираннъ, который въ жизни своей отъ сообщенія добродѣтельныхъ людей удалялся, по смерти инаго, кромѣ съ адскими фуріями, не имѣлъ пребыванія.

Но оставя безпутнаго народа общее мнѣніе, который въ древніе вѣки не достигъ познанія истиннаго Бога; и пріемля за справедливое разсужденіе Аристотеля, полагающаго перьвую вину; такожъ мнѣніе Стоиковъ, которые утверждаютъ перьвой умъ или смыслъ, и наконецъ Цицероново, который подъ видомъ Юпитера признаваетъ не инаго, какъ онаго бога; говорю и исповѣдую по правилу Христіянскія благочестивыя вѣры, что одинъ только Богъ есть, создавшій небо и землю, котораго благость, сила, величество и слава суть толикія, что ни самомалѣйшей его частицы языкъ человѣческій изобразить не можетъ.

жетъ. Ибо божественныхъ дѣлъ ни разумъ нашъ проникнуть, ни смыслъ разпознать, ни память вомѣстить, ни языкъ изглаголать не въ силахъ.

Чего ради вѣровать и признавать о Богѣ Государи и всѣ православные Христіяне должны, что Богъ есть благо верховнѣйшее, безсмертное, нетлѣнное, непремѣнное, неизмѣримое и всемогущее; потому что въ разсужденіи божескаго могущества вся сила человѣческая есть одинъ только смѣхъ и игрушка.

ВО ПЕРЬВЫХЪ ГОВОРЮ, что одинъ токмо Богъ есть верьховнѣйшее благо; понеже все благо, какое не имѣетъ тварь, не есть величайшее добро. Ибо ежели владѣемое человѣкомъ добро сравнить съ бѣдствіями и горестьми, въ которыхъ онъ страждетъ, безконечно большее есть имъ терпимое зло, нежели владѣемое благо.

ВО ВТОРЫХЪ говорю, что одинъ только Богъ есть во вѣки безсмертный, который какъ начала не имѣлъ, такъ и конца имѣть не будетъ. Но съ бѣднымъ человѣкомъ дѣлается сему противное, котораго какъ раждающагося иные видѣли, такъ и умирающаго напослѣдокъ другіе увидятъ. Ибо рожденіе младенцевъ ни что иное есть, какъ поспѣшеніе во гробъ престарѣлыхъ.

ТРЕТІЕ, что одинъ Богъ есть нетлѣнный, котораго существо ни какому поврежденію или уменьшенію не подвержено. Напротивъ того смертныхъ человѣковъ всѣхъ души

вредъ

вредъ отъ пороковъ, а тѣла расточеніе отъ червей пріемлютъ. И нѣтъ ни единаго толь свободнаго, коегобъ какъ плоть истлѣнію, такъ душа или спасенію, или вѣчной пагубѣ была непричастна.

ЧЕТВЕРТОЕ, что одинъ Богъ есть непремѣнный; и крѣпко должно вѣрить, что хотя Богъ иногда намѣреніе свое отлагаетъ; но однакожъ по причинѣ той не перемѣняетъ предвѣчнаго своего совѣта. А въ человѣкахъ противное тому бываетъ, которые часто со особливою важностью принимаются за какое нибудь дѣло, но отмѣнивши потóмъ свои мысли, оное въ самомъ кратчайшемъ времени весьма легкомысленно оставляютъ.

ПЯТОЕ, что одинъ Богъ есть неизмѣримый, котораго ни величества познать, ни премудрости постигнуть не можно. Но человѣческой разумъ не таковъ: ибо нѣтъ ни единаго человѣка, коегобъ мудрость толь была совершенна, чтобъ когда нибудь другой не домыслился того, что онъ разумѣетъ.

НАКОНЕЦЪ говорю, что одинъ Богъ есть Всемогущій, коему не токмо живые, но и мертвые, не токмо добрые, но и злые всѣ подвластны. Ибо который человѣкъ не заслужилъ милости его къ полученію небесныя славы, тотъ почувствуетъ гнѣвъ его, осуждающій къ вѣчному наказанію.

И такъ во истинну достойно и праведно есть вамъ, о Князи сего вѣка! признавая себя даропріемниками и рабами Владыки неба и

земли

земли искать у него милости; и колико возведены на вящшую высоту, толико благоговѣйнѣйшее и раболѣпнѣйшее воздавать ему почитаніе. Понеже вы сколько ни имѣете или власти, или богатства, или могущества, сравнивъ однакожъ васъ съ тѣмъ величайшимъ обладателемъ, вы ничего не сильны, ни чѣмъ не владѣете, и ничего не можете. Ибо нѣтъ ни одного на свѣтѣ Государя, который бы не меньшую имѣлъ силу, нежели желаетъ, и не болѣе желалъ, нежели чѣмъ владѣетъ.

Естьлижъ сіе такъ есть, какъ и въ самой есть вещи; то пускай знаютъ Великіе Государи и Князи, что согласно съ справедливостью и достодолжно, дабы всѣ твари, поелику отъ единаго суть созданы, единому токмо создавшему ихъ и покланялися. Ибо какъ Государь въ царствѣ своемъ другому называться и быть Царемъ не допускаетъ; равнымъ образомъ и Богъ не хощетъ, чтобъ, кромѣ его, другаго почитали богомъ.

Великое есть благодѣяніе, что Богъ отецъ, безъ всякаго прошенія, насъ создалъ; сынъ Божій, не требуя ни отъ кого помощи, искупилъ, а Духъ Святый, безъ всякихъ заслугъ, творитъ насъ Христіянами. Ибо какія ни приносимъ мы Богу наши службы и угожденія, ни за малѣйшее благодѣяніе его удовлетворить не могутъ.

Истинно, за велико почитать должны Государи, что Богъ создалъ ихъ человѣками, а не звѣрьми; и тѣмъ за большее, что учинилъ

властителями, а не рабами; безконечно же за вящшее признавать обязаны, что не Маврами и идолопоклонниками, но Христіянами ихъ устроилъ. Ибо тщетно было бы имъ имѣть скиптры и царства во осужденіе; естьли бы не познали святой церькви, внѣ которой никто спастися не можетъ.

О Божественная благость! Сколь бы многіе идолопоклонники, можетъ статься, лучшіе, нежели я, были, естьли бы ты избралъ было ихъ въ твою церьковь! И ежелибъ восхотѣлъ было меня оставить идолопоклонникомъ, колико былъ бы я ихъ хуже! Ты оставилъ тѣхъ, которые тебѣ угождалибъ, и избралъ меня, который тебя раздражаетъ. Ты, Господи! вѣдаешь, что творишь тамо; но я и того, что здѣсь говорю, не знаю. Ибо хвалить Божественныя дѣла мы обязаны; но разполагать и перемѣнять по своему мнѣнію не имѣемъ воли. Императоры и Цари языческіе, которые благонравны и добродѣтельны были, (какихъ поистиннѣ много имѣлось) чѣмъ тщательнѣе должность званія своего наблюдали, тѣмъ легшее во время испытанія о дѣлахъ отвѣта будутъ терпѣть наказаніе; напротивъ того беззаконные Христіянскіе Государи, чѣмъ изобильнѣйшую воспріяли благодѣяній мѣру, тѣмъ жесточайшее въ вѣчномъ пламени истязаніе воспріимутъ. Ибо по мѣрѣ неблагодарности за полученныя въ свѣтѣ семъ благодѣянія положится и жестокость имѣющаго быть наказанія во адѣ.

Ежели

Ежели Государи много дѣлать должны, поелику суть человѣки, одаренные смысломъ; то гораздо больше дѣлать обязаны, понеже суть Христіяне; но еще и того больше, яко имѣющіе власть и поставленные на толь высокомъ степени. Ибо прямое величество не въ томъ, что Государи много имѣютъ, но что много могутъ, заключается. Отъ маленькаго и слабаго деревца, кромѣ плода въ надлежащее время, ничего болѣе не требуется, но отъ высокаго, толстаго и широковѣтвеннаго дерева, озябающіе стужею взыскиваютъ дровъ, утружденные и упрѣвшіе отъ зноя требуютъ прохладной тѣни, алчущіе домогаются подаванія плодовъ; а сверьхъ того и самому себя надлежитъ защищать противъ стремленія вѣтровъ. Равнымъ образомъ и добродѣтельные Государи не инымъ чѣмъ либо, какъ тѣнью для прохлажденія всѣхъ добрыхъ, быть должны.

Ко многимъ дѣламъ увѣщеваетъ насъ церьковь, и отъ многихъ остерегаться возбуждаетъ совѣсть наша; но естьли бы мнѣ два только дѣла обязались исполнять Государи, сирѣчь: соблюсти законъ почитаемаго ими Бога, и мучительски не повелѣвать ближними, надъ которыми они царствуютъ; теперь же вожделѣнную славу и вѣчное блажество имъ обѣщаю. Ибо тотъ токмо Государь умираетъ безопасно и съ надеждою, который умираетъ въ Христовой вѣрѣ, и жилъ въ любви ближняго. Когда же Великимъ Государямъ и Князьямъ, кои же-

желяютъ считаться истинными Христіянинами, недремлющимъ окомъ взирать должно, чтобъ всѣ дѣла къ Божіей относилися славѣ, съ Божіимъ начиналися благословеніемъ, съ Божіимъ производилися поспѣшествованіемъ, и съ Божіею окончевалися помощію; въ семъ, говорю, когда надлежитъ имъ быть неусыпными, то пусть повѣрятъ мнѣ, что въ дѣлахъ, касающихся до распространенія и сохраненія вѣры, обязаны толико бодрствовать духомъ, дабы всѣ познали, что они за оборону благочестія охотны и готовы не пощадить своея жизни. Ибо, естьли Государь вѣруетъ, что въ будущей жизни положены добрымъ воздаянія, и злымъ уготованы казни: статься не возможно, чтобъ не старался онъ житіе провождать безпорочно, и государствомъ управлять благочинно.

Напротивъ того безъ сомнѣнія извѣстно, что ежели Государи не боятся Бога; ни сами, ни подданные ихъ счастливыми быть не могутъ. Понеже благоденствіе, или злоключеніе царствъ не отъ трудовъ и попеченій Царя и подданныхъ, но отъ заслугъ дѣлъ ихъ зависитъ. И такъ царство находится въ самой ближайшей опасности, владѣтель коего есть злонравный Христіянинъ; вопреки же счастливое и благополучное то государство, котораго Государь есть мужъ доброй совѣсти. Ибо человѣкъ, имѣющій чистую совѣсть, никакого зла въ обществѣ учинить не можетъ.

ГЛАВА

ГЛАВА ПЕРЬВАЯНАДЕСЯТЬ.

О многихъ языческихъ богахъ, и ихъ званіяхъ; о мщеніи богамъ, которые полѣ ихъ не почиталися; также что двадесять боговъ избранныхъ, и безчисленное множество простыхъ имѣлось.

Хотя дѣла Божія имѣющимъ прозорливой разумъ, сами по себѣ и кромѣ сравненія съ другими, кажутся велики; но поелику противоположенные два цвѣта, бѣлой и черной, яснѣе разпознаются; то во удовольствіе любопытнымъ представлю я здѣсь реестръ боговъ ложныхъ, изъ которыхъ слабости откроется, колико истиннаго Бога почитать, и колико сихъ презирать должны Государи.

Хотя же древніе идолопоклонники имѣли различные роды боговъ, перьвѣйшіе однакожъ у нихъ были, которыхъ, аки свыше избранныхъ, верьховными называли, означая чрезъ то небесныхъ, кои, по ихъ суевѣрію, будто бы нѣкогда низходили на землю. Было же ихъ числомъ двадцать, какъ то: *Янъ*, *Сатурнъ*, *Юпитеръ*, *Геній*, *Меркурій*, *Аполлонъ*, *Марсъ*, *Вулканъ*, *Нептунъ*, *Солнце*, *Оркусъ* (т. е. адъ), *Либеръ Патеръ*, *Теллюсъ*. (т. е. земля), *Церера*, *Юнона*, *Минерва*, *Луна*, *Діана*, *Венера* и *Веста*; изъ которыхъ последніе восемь были женщины, а перьвые двенадцать мущины. Сихъ двадцати никому не вольно было присвоить, или котораго нибудь изъ нихъ сдѣлать своимъ домашнимъ;

но всѣ вообще, то есть или цѣлое царство, или знатная провинція, или славный городъ, пользовались оными.

Въ началѣ былъ богъ КАВЦІЙ именемъ, котораго жертвоприношеніями и дарами умоляли, чтобы давалъ остроумныхъ и понятныхъ дѣтей. Не ошиблись бы они, ежелибъ о томъ просили истиннаго Бога. Ибо когда толико повредилася человѣческая природа: наивящшимъ злоключеніямъ подверженъ бываетъ тотъ, кого промыслъ Божій остротою ума не украсилъ.

Во вторыхъ имѣли богиню именемъ ЛУЦИНУ, которую раждающія жены о благополучныхъ родахъ просили. Капище ея за городомъ было весьма богатое, на пути Саларійскомъ, гдѣ всѣ Римскія госпожи беременныя Луцинѣ жертвовали, и девятидневное отправляли празднованіе. Оное капище, по повѣствованію Фронтона въ книгѣ о почитаніи боговъ, создано Нумою Помпиліемъ, а разорено отъ Консула Рутилія. Ибо когда беременная его дщерь, по обыкновенію, девятидневнаго ради празднованія и разрѣшенія отъ бремени, вошла въ капище Луцины, то по несчастію не токмо младенца выкинула мертваго, но и сама скончалась; чрезъ что Рутилій Консулъ будучи пораженъ жесточайшею и нестерпимою печалію, потщился зажечь оное тайнымъ образомъ. Ибо во многихъ книгахъ находимъ, что идолопоклонники ежечасно, когда во время нуждъ своихъ просили у бо-

боговъ помощи, и оную не вдругъ въ злоключенiяхъ получали; тотчасъ или истребляли жертвенники, или разоряли капища, или самихъ боговъ перемѣняли.

Другая богиня у язычниковъ имѣлась, называемая ОПСЪ, которая раждающемуся младенцу помогала, равно, какъ Луцина была божествомъ мучащейся родами матери. Обычай же былъ, что чрезъ цѣлые девять мѣсяцовъ беременности, портретикъ богини Опсы повѣшенной на поясѣ, или пристегнутой къ юпкѣ, надъ брюхомъ мать носила; и когда наступало время родовъ, то повивальная бабка взявши тотъ портретикъ, къ выходящему уже изъ утробы младенцу, прежде онымъ, нежели руками своими прикасалась. И ежели младенецъ раждался благополучно, въ тотъ день отецъ и родственники особливую оному идолу честь выражали; естьли же въ родахъ задавлялся, то портретъ богини Опсы родственники въ рѣкѣ утопляли.

Имѣли язычники и инаго бога, котораго называли ВАГИТАНОМЪ. Сему съ благоговѣнiемъ приносили жертвы, чтобъ младенцы не много плакали; и для того младенецъ портретикъ или печать Вагитанову носилъ на шеѣ. Ибо частое плаканiе младенцево язычники содержали за нещастливое; сказывая, что частой въ младенчествѣ плачь, есть предзнаменованiе будущаго злополучiя младенцу.

Кромѣ того имѣли богиню КУНИНУ, которой покланялися и жертвы приносили,

 чтобъ

чтобъ вмѣсто покровительницы защищая младенцевъ въ колыбели, отгоняла чародѣйства; и убогіе люди вѣшали надъ люлькою портретъ Кунины, а богатые дѣлали многоцѣнныя колыбели съ вырѣзанными на нихъ многими изображеніями Кунины. Иролїанъ и Поллїонъ въ житїи Севера повѣствуютъ, что, когда Северъ Императоръ воевалъ противо Галловъ, и супруга его Іулїя родила первородную дщерь; сестра оной Іулїи именемъ Меза Финикїянна, изъ Финикїйскаго города Емезы прислала въ Римъ колыбель, сдѣланную изъ рога единорожцева и чистѣйшаго золота, въ окружности которой рѣзною работою вырѣзаны были премногіе портреты Кунины. Сія колыбель, драгоцѣнности ради, чрезъ долгое потомъ время соблюдалась въ казенной палатѣ между удивительными рѣдкостьми; хотя Римляне такія вещи больше для памяти и славы, нежели жадности ради къ богатствамъ, хранили.

Почитали язычники также и РУМИНУ, которая была хранительница сосущихъ младенцевъ. Римскія госпожи приносили ей многія жертвы, чтобъ сосцы ихъ сберегала, и добраго млека изобиліе подавала на кормъ младенцамъ. Во все же то время, въ которое питали младенцевъ грудью, портретикъ сей богини изъ шеи даже до грудей висящій носили; и каждаго дня поутру прежде, нежели давали сосать младенцу, матери выдаивалючи собственнаго молока по маленькому блюдичку, въ жертву Руминѣ посылали; которой капища

естьли

естьли не было тамъ, гдѣ жила мать, то сама мать молокомъ своимъ имѣющуюся у нее Риминину печать обмывала.

Преемникомъ ея былъ другой богъ, именемъ СТЕЛЛИНЪ или СТАТИЛИНЪ, который имѣлъ власть надъ младенцами, сперьва стоять начинающими. Сему госпожи многія дары приносили, чтобъ дѣти ихъ ходили прямо, и не сдѣлались карлами, хромыми или кривоногими. Ибо у Римлянъ хромоногіе и карлики въ такомъ презрѣніи находилися, что ни въ Сенаторскія достоинства, ни въ Жреческіе чины ихъ не производили. Ираклитъ въ третьей книгѣ о республикѣ повѣствуетъ, что Корнелія знатная госпожа, мать Гракховъ, родивши перьвыхъ двухъ сыновей, одного карлика, а другаго хромоногаго: и по той причинѣ думая, аки бы Статилинъ на нее разгнѣвался, выстроила ему капище во второйнадесятъ части, близъ Ватиканскаго поля, промежъ Деѳинскихъ рощъ. Оное стояло даже до временъ Радагайза, который, держа во осадѣ Римъ, испровергъ всѣ капища, и посѣкъ бывшія въ окружности города рощи.

Кромѣ того имѣли другую богиню, именемъ АДОНЕЮ, которой званіе было дѣлать, чтобъ робенокъ, умѣющій уже ходить, приходилъ къ матери, и ее любилъ. И хотя Цицеронъ, во второй книгѣ о природѣ боговъ, между другими упоминаетъ и о сей богинѣ; однако не помню, читалъ ли я гдѣ, чтобъ сія богиня имѣла въ Римѣ свое капище, даже

до времен Маммеи, матери Антонина Императора. Сія знаменитая жена, поелику находилась во вдовствѣ, и имѣла двух весьма малолѣтных сыновей; то желая воспитать их в благонравіи, и всѣять в них ту добродѣтель, чтоб они возмужав, ее любили, соорудила Адонеѣ великолѣпное капище во второйнадесять части, на Ватиканском полѣ, близ Домитіевых рощ, а подлѣ онаго устроила другое зданіе, называемое предѣл Маммеи, гдѣ она чрез долгое время жила во уединеніи. Ибо по тогдашнему обыкновенію вдовы, желающія воспитать дѣтей своих благочинно, тотчас уединялися, и от городских роскошей и шалостей убѣгали.

Почитаема была от древних и богиня МЕНС, к такому званію опредѣленная, аки бы она доброй или худой смысл отрокам давала. Оной древніе Греки с вящшим усердіем и великолѣпнѣйшія, нежели Римляне, приносили жертвы. Почему Сенека говорит: „Мнѣ не то дивно, чего достигли „знаніем Греки; но то удивительно, чего не „знали. Ибо они в училищах имѣли храм „сея богини„. Законом же у Аѳинян было уставлено, чтоб отроки прежде вступленія в Философскія науки, три года во оном капищѣ служили. Но оставя Сенекины слова, гласящія о Греках, я многим нынѣ обрѣтающимся в жизни осмѣливаюсь сказать, дабы они, ежели правда, что тамо обитает

Менс

Менсъ или разумъ, лучше въ настоящемъ, нежели будущемъ году ѣхали туда торжествовать во ономъ храмѣ девятидневнее празднованіе. Ибо нѣтъ ничего несчастнѣе въ свѣтѣ, какъ человѣкъ здраваго ума лишенный.

Обожали древніе такожъ ВОЛУМНА и ВОЛУМНУ. Подъ опекою ихъ состояли обрученныя лица; чего ради и было ихъ двое, перьвой сирѣчь вмѣсто мущины, а другая вмѣсто женщины. Обычай же имѣлся такой, что послѣ сговору обрученныя лица, каждое божества своего образы, которымъ надлежало быть или серебренымъ или золотымъ, повѣсивъ на шеѣ, носили; и въ день бракосочетанія женихъ невѣстѣ Волумна, а невѣста жениху Волумну отдавали. Въ то время, когда Республикой управляли Консулы, по отмѣненіи Королей, прежде царствованія Императоровъ, и не за долго передъ учиненнымъ отъ Корнеліевъ бунтомъ, былъ между прочими Консулъ Балбъ. Онъ перьвой устроилъ Волумну и Волумнѣ капище, стоявшее въ девятой части подлѣ Коринѳскихъ воротъ, которыя назывались Балбовы переходы, и смежное съ другимъ строеніемъ, именуемымъ тогда Театръ Балбовъ. Въ сіе капище, состроенное Балбомъ, Консулы, Сенаторы, и другія знатныя персоны входили торжествовать обрученіе. (Можетъ быть въ сходственность сего обычая и обряда, какъ въ нѣкоторыхъ городахъ во Франціи, такъ въ Лютеціи и Авреліи по церькамъ обрученія отправляютъ.) И нѣкто въ самую ту

 ночь,

ночь, когда дщерь Іулія Цесаря обручена была за Великаго Помпея, сіи произнесъ слова въ Римѣ: „ понеже Помпей не восхотѣлъ пра„ зновать обрученія во храмѣ боговъ Волумна „ и Волумны, то нынѣ же пророчествую, „ что супружество сіе недолговременно бу„ детъ „ ; такъ о томъ повѣствуетъ Публій Викторъ въ третьей книгѣ о бракахъ древнихъ.

Почитали древніе и бога АГРЕСТА, сирѣчь, начальника пахатныхъ нивъ и плодовъ, которому не всегда, но дважды токмо на всякой годъ жертвовали, то есть, во время сѣва и жатвы, когда плоды созрѣвали. Сему божеству со особливымъ благоговѣніемъ покланялися Фригійцы (сирѣчь Трояне) и Сициліане, для того, понеже обѣ сіи страны толико изобиловали хлѣбомъ, что Фригія для Азіи, а Тринакрія, называемая нынѣ Сицилія, для Европы житницею и хлѣбнымъ анбаромъ были.

Кромѣ того почитали и другую богиню, именемъ БЕЛЛОНУ, въ покровительствѣ которой состояли ополчающіеся противо непріятеля на брани. Ибо какъ Христіяне, намѣревая вступить въ жестокое сраженіе, просятъ у Бога своего помощи; такъ и древніе въ подобной опасности живота своего будучи, къ Беллонѣ съ усердными молитвами прибѣгали. По повѣствованію Ливія, между прочими винами, какія причтены кавалерамъ, которые при Каннахъ сразилися съ Аннибаломъ, поставлена была и сія, что ни Беллонѣ передъ

сра-

сраженіемъ въ защиту себя не поручили; ни Марсу, пока дѣло не дошло до бою, не принесли жертвъ; а Пинцы одержали побѣду за тѣмъ, что въ тотъ день обыкновенное богамъ своимъ жертвоприношеніе учинили. Когда Пирръ, Царь Епирскій, то есть Албанскій, перешелъ въ Италію, то Римляне увѣдомясь, что онъ везетъ съ собою разныхъ родовъ военныя орудія и машины, опредѣлили устроить Беллонѣ капище внутри города, въ девятой части подлѣ Карментальскихъ воротъ, называемое храмъ Беллоны прежде, пока не поставленъ на томъ мѣстѣ преудивительной работы столбъ, на которомъ вырѣзанъ былъ образецъ, показывающій, какъ на войнѣ распоряжать и управлять войскомъ.

Была у Язычниковъ и другая богиня, называемая ВИКТОРІЯ. Сію съ вящшимъ благоговѣніемъ Римляне, нежели другіе народы, почитали, въ томъ намѣреніи, чтобъ Богъ даровалъ имъ надъ врагами побѣду. Многія и знаменитыя въ Римѣ ей посвящены были капища; но огромнѣйшее и великолѣпнѣйшее подлѣ Невійскихъ воротъ, во вторыйнадесять части, на площади именуемой Викторіи. Оной храмъ и площадь устроены отъ созданія города въ четыре ста семдесятъ седьмомъ году, побѣды ради полученной Анніемъ, Клавдіемъ и К. Фабіемъ, на первомъ Сицилійскомъ сраженіи, которое Римскій народъ имѣлъ съ Карѳагенцами во время царствованія въ Сициліи Гіерона. Отъ сей войны и по-

побѣды возъимили начало между Римлянами и Пинцами жестокія, долговременныя и тягчайшія брани.

Между прочими покланялися древніе и богу ГОНОРИНУ. Сей долженствовалъ дѣлать то, чтобъ странствующимъ въ чужихъ земляхъ обитатели выражали честь, и ласково въ другихъ царствахъ и областяхъ, чрезъ которыя они проѣжжать будутъ, принимали. И для того имѣлось обыкновеніе въ Римѣ, что, ежели кто изъ Римлянъ въ далекой путь отправлялся, жена его тотчасъ шла жертвовать *Гонорину*. На пятомъ надесятъ году прихода Аннибалова въ Италію, Римляне нашелъ слѣдующіе стихи въ Сивиллинскихъ книгахъ: „когда иноземный непріятель нападетъ войною на Италію, то можно его изъ оной „прогнать и побѣдить, ежели матери Идеи „божество изъ Пезинуита въ Римъ привезено „будетъ„; отправили Пословъ въ Фригію, которая есть часть Азіи, славная въ древнія времена по причинѣ бывшаго въ ней Троянскаго царства, для привезенія въ Римъ богини *Верекинѳіи*. И дабы Посланники ихъ благополучно окончавши путь свой, здравый и нерушимы возвратилися, и въ проѣздѣ туда и обратно принимаемы были съ честію, соорудили *Гонорину* капище внутри города, въ четвертой части на площади, которая называлася Транзиторія или проѣздная.

ГЛАВА ВТОРАЯНАДЕСЯТЬ.

О другихъ знаменитѣйшихъ и особлитѣйшихъ богахъ, коихъ имѣли древніе. Авторъ пишетъ сіе съ тѣмъ намѣреніемъ, дабы усмотрѣлъ Христіянскій Государь, коликое есть благодѣяніе, что онъ не болѣе, какъ единаго токмо позналь истиннаго Бога.

Но понеже было бы продолжительно всѣхъ Языческихъ боговъ описывать, и притомъ изъяснять, въ которыя времена, и въ какихъ царствахъ усерднѣе, нежели въ другомъ мѣстѣ ихъ почитали, и по какимъ напослѣдокъ случаямъ поставлены имъ капища; то я заключу сіе повѣствованіе нѣкоторыхъ токмо показывая имена и званія, ради которыхъ отъ Язычниковъ обожаемы были, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ прочетшіе сію книгу усмотрѣли, колико они Богу, обратившему ихъ въ Христіянскую вѣру, должны.

ЕСКУЛАНЪ былъ богъ рудокопныхъ мѣстъ, которому молилися, чтобъ открывалъ золотыя и серебреныя жилы. *Пекунія* была богиня металловъ; оную просили о дарованіи богатства и достатка. ПЕССОНІЯ была божествомъ путешествующихъ, которую просили, дабы ноги на пути не утомлялися. Богини ПЕЛЛОНИИ должность была, во владѣніе не допускать, и выгонять непріятелей. ЕСКУЛАПІЙ былъ богъ страждущихъ въ болѣзни, которые находясь въ великой опасности призывали и *Аполлона* отца Ескулапіева.

СПИНІЕНСЪ былЪ богЪ, которому покланялися древніе, чтобЪ отЪ бодягЪ и волчца очищалЪ растущій хлѣбЪ. Богиня РУБИГО имѣла званіе, защищать виноградную лозу отЪ гусеницы, и оборонять хлѣбЪ отЪ сараны.

ФОРТУНА была богиня счастія, которой, во времена Силлы и Марія, госпожи вЪ Римѣ великолѣпное поставили капище. Богиню МУТУ молили древніе, дабы не попускала непріятелямЪ ихЪ говорить, но учинила нѣмыми, коликократно они злословить ихЪ хотѣли. АГЕНОРЫ богини званіе было, не допускать кЪ лѣности и нерадѣнію тѣхЪ, которые ей себя препоручали. Сію особливо Греки, а наипаче Философы, почитали при входѣ или вступленіи вЪ училище. Богиня СТИМУЛЯ разбужала и поощряла обязанныхЪ всякими дѣлами, дабы оные вЪ своихЪ исправленіяхЪ не были медлительны, которой статуя поставлена была у дверей СенатскихЪ: сіяжЪ богиня была покровительницею ссору или тяжбу имѣющихЪ. МУРЦІЮ какЪ мужескЪ, такЪ и женскЪ полЪ призывали, кои не желали быть сухощавыми и тонкими; и оной Римскія госпожи многія дары приносили, чтобЪ быть дороднѣе. Ибо сЪ вящшею трудностію вЪ Римѣ сыскивали себѣ супруговЪ сухощавыя, нежели безобразныя.

РУНЦИНА была богиня луговЪ и степей; оной древніе приносили жертвы, чтобЪ растущую вЪ поляхЪ траву охраняла. Скиѳы весьма свято ее почитали; которые, поелику

ни

ни городовъ, ни домовъ не имѣютъ, но кочуютъ въ степяхъ, погиблибъ за недостаткомъ скотинѣ своей корму. ЮГАТИНУ препоручаемы были верьхи горъ, и древніе вырывали ему на высокихъ горахъ подземныя пещеры, куда во множествѣ собиралися приносить жертвы, а наипаче во время грома или молніи. ВАЛЛОНІЯ учреждалася надъ долинами; ея званіе было удерживать источники и ручьи, дабы воды изъ высокихъ горъ проливаясь, стремленіемъ своимъ тамъ, гдѣ проходятъ, нивъ и мѣльницъ не повреждали.

Богиню СЕЮ всѣ народы свято почитали; понеже была богинею сѣва, и оной обыкновенно приносили въ жертву хлѣбъ изъ всякихъ сѣменъ, которыя сѣяли. Ее землянки или маленькіе жертвенники имѣлися въ поляхъ; но кромѣ оныхъ и въ Римѣ было небольшое капище въ девятой части, на полѣ Марсовомъ, подлѣ Лукулловыхъ рощъ; и сказываютъ, что изъ сего капища выступилъ ключь Сципіоновъ. Богини СЕГЕЦІИ званіе было проращать посѣянной хлѣбъ. Не помню, читалъ ли я гдѣ, чтобъ богиня сія имѣла капище въ Римѣ. ТУТИЛИНЫ должность была, препятствовать Юпитеру, чтобъ при наступленіи жатвы, хлѣба не побивалъ градомъ. Древніе изображали ее такъ, аки бы Юпитеръ дождилъ камнями, а она тѣ камни подхватывала. Капище ея въ Римѣ было въ десятой части, при кругу Аполлоновомъ, подлѣ капища Ромулова; и коликократно гремѣлъ громъ, Римляне

не во ономЪ капищѢ тотчасЪ зажигали многіе свѢтильники для умилостивленія ее, чтобы градЪ не потолокЪ хлѢба. ФЛОРА Богиня была хранительница виноградныхЪ садовЪ, чтобЪ оные отЪ стужи не позябли. Сея благоговѢйнѢйшіе почитатели были Кампанцы, которые, какЪ сказываютЪ, первые вЪ Италіи завели виноградныя рощи. МАТУРЫ богини должность была, приводить виноградныя ягоды вЪ зрѢлость; и древніе имѢли обычай тѢ ягоды, которыя прежде всѢхЪ созрѢвали, богинѢ сей тамЪ, гдѢ она была поставлена, приносить вЪ жертву; и во многихЪ виноградныхЪ садахЪ были небольшіе предѢлы, вЪ которыхЪ они ей жертвовали. РУАНА была надзирательницею собирающихЪ пожатой хлѢбЪ, дабы они такЪ его поднимали, чтобЪ не сломались стебла и не высыпались сѢмена изЪ класовЪ. Оную изображали древніе, вЪ правой рукѢ держащую снопЪ пшеницы, которой имѢлЪ цѢлые и неповрежденные класы.

ФОРКУЛЪ почитаемЪ былЪ богомЪ замковЪ и запоровЪ, которому жертвовали, чтобЪ крѢпко запиралЪ двери, и не допускалЪ разломать замки, или тайно отомкнуть, или ключи испортить. Сего бога древніе, замокЪ сЪ цѢпочкой вЪ рукѢ держащаго, изображали. ИстуканЪ его ставился на ТригеминскихЪ воротахЪ, и на дверяхЪ тѢхЪ людей, кои имѢли вражду или ссору.

ЛИМЕНТИНЪ надЪ порогами у воротЪ былЪ начальникомЪ; но ни гдѢ не могЪ я найти,

ти, какая бы выдумать сїе божество была причина: чего хотя я въ книгахъ и не нашелъ, однакожъ, какъ думаю, просили они сего бога о томъ, дабы приходящїе недоброжелатели на порогѣ поткнувшись падали, ежели бы паче чаянія за оплошностью двери не заперты были. ПОРТУЛЪ былъ богъ воротъ, коего въ рукахъ двѣ половинки створчетыхъ воротъ держащаго изображали. Сему богу древнїе приносили жертвы, дабы непрїятелямъ и злодѣямъ, въ то время, какъ они спали, ворота не отворялися. Римляне жертвовали ему при всѣхъ городскихъ воротахъ; и тѣ, кои имѣли у себя враговъ, изображали его на дверяхъ своего дому.

КАРДА была богиня дверьныхъ крюковъ, на томъ конецъ, чтобъ дверей не могли сорвать съ крюковъ злодѣи, и естьли бы къ тому покусилися, хозяинъ онаго дому отъ треску и скрыпѣнія крюковъ услышалъ, что за дверьми недоброхоты.

СИЛЬВАНЪ былъ одинъ изъ любимѣйшихъ и почтеннѣйшихъ боговъ у древнихъ, а наипаче Римлянъ. Онъ должενствовалъ остерегать отъ несчастливаго приключенія тѣхъ, кои ходили для увеселенія и прогулки въ рощи, какъ о томъ Плиній въ нѣкоторомъ къ Рутилу письмѣ упоминаетъ. Первой *Сильпану* поставилъ капище Меценатъ, жившій во время Августа Императора, который паче прочихъ Римлянъ крайній былъ охотникъ учреждать пиршества и столы въ рощахъ. Оное капище

имѣлось въ первойнадесять части на площади *Венериной*, подлѣ жертвенника *Мурціи*; и при Антонинѣ набожномъ отъ великаго землетрясенія, коимъ премногія строенія испровержены въ Римѣ, пало и разрушилось.

ЮГАТИНЪ былъ богъ супружныхъ лицъ; званіе его въ томъ состояло, чтобъ любовь, которую въ младыхъ лѣтахъ супружныя лица взаимно другъ къ другу имѣли, даже до старости была непоколебима. Удивительно было зрѣть, коль ревностно сего бога почитали новобрачныя жены, и какія во храмѣ его дары приносили: что имѣлъ сей богъ капище, о томъ явствуетъ изъ Светонія Транквилла; но кто оное создалъ, ни гдѣ я не нахожу, кромѣ того, что Еліогабалъ Императоръ, по повѣствованію Елія Спарціана, во храмѣ *Югатиновомъ* великое нашелъ сокровище, которое все безъ остатка употребилъ на военныя надобности.

БАХУСЪ былъ божествомъ пьяницъ. Праздникъ его обыкновенно совершался въ Римѣ отъ людей крайнѣ безчувственныхъ: которые, ежели примѣтили между собою кого хотя мало скромнѣйшаго, и не вовсе съума сшедшаго, тотчасъ выгоняли изъ капища, и опредѣляли на его мѣсто другаго винопійцу. Капище *Бахусово* было въ десятой части на лугахъ, называемыхъ Бакханальскими, за городомъ на пути Саларійскомъ, подлѣ жертвенниковъ богини *Февры*. Сіе капище отъ Галловъ, при Камиллѣ державшихъ во осадѣ Римъ, устроено.

Боги-

Богиня ФЕБРА попеченіе имѣла о горячкахъ и лихорадкахъ; и въ Римѣ обыкновенно тѣ, коимъ болѣзнь сія приключалась, тотчасъ богинѣ *Фебрѣ* приносили жертву. Она не имѣла капища, но истуканъ ея былъ во храмѣ, называемомъ ПАНТЕОНЪ, сирѣчь общій соборъ всѣхъ боговъ; тамъ ей жертвы совершали.

ПАВОРЪ былъ богъ страха, и его званіе, истреблять изъ сердецъ у Римлянъ страхъ, и придавать имъ противо непріятелей великое мужество и смѣлость. Капище его въ Римѣ было въ шестой части на площади Мамуріи, подлѣ старой Капитоліи; и во всякое время, когда ни случалось имъ имѣть враговъ и непріятелей, немедленно въ томъ мѣстѣ жертвоприношеніе творили. Тамъ стояла статуя Сципіона Африканскаго литая изъ чистаго серебра, которую посвятилъ онъ послѣ торжествованія о побѣдѣ и взятіи Карѳагена.

МЕРЕТРИКСЪ была богиня блудницъ; и какъ П. Викторъ повѣствуетъ, въ Римѣ сорокъ четыре любодѣйничьи слободы имѣлись, и посреди оныхъ стояло капище сея богини. Во время царствованія Анка Марція, четвертаго изъ семи прежнихъ Римскихъ Королей, была въ Римѣ блудница, природою Ларентинка, которая превосходной ради красоты лица, блудодѣйнымъ промысломъ скопивши многія богатства, при смерти своей въ завѣщаніи все безъ изъятія отписала въ наслѣдство Римскому народу; и такъ Римляне въ

память толикаго благодѣянія создали храмъ, и богинею всѣхъ блудницъ ее учинили.

КЛОАЦИНА была богиня нужниковъ, и опредѣленныхъ ко испражненію мѣстъ. Помощи у нее просили тѣ, которые страдали коликою, чтобъ пособляла очищенію желудка. КВІЕСЪ была богиня утѣхъ и веселія, которой Римляне великолѣпно жертвовали, чтобъ покой и прохладу, а наипаче, во время торжественнаго празднованія въ Римѣ, сердцамъ ихъ даровала; и многіе дары въ капищѣ ея приносили, умоляя, дабы оную радость и славу вѣчными учинила. Сей богинѣ Нума Помпилій, второй Король Римскій, поставилъ капище за городомъ, намѣревая тѣмъ показать, что человѣкъ, доколѣ въ настоящей пребываетъ жизни, спокойствіемъ наслаждаться не можетъ.

ТЕАТРИКА богиня пеклась о позорищныхъ театрахъ въ то время, когда Римляне публичными забавлялися играми. Къ изобрѣтенію сея богини подало причину слѣдующее: Римляне для представленія комедій, или травли звѣрей, толь великіе и пространные устроивали театры, что по двадцати тысячь человѣкъ въ верьхнихъ, и по толикомужъ числу въ нижнихъ ложахъ смотрящаго игръ народа вмѣщалось; почему нѣсколько разъ треснувъ отъ чрезвычайной тяжести перекладныя бревна, нижнихъ зрителей задавляли; и такъ увеселительныя игры перемѣнялися въ плачь, и тѣ, кои пришли на умерщвленіе звѣрей, сами

сами на театрахъ бездушны лежали. Чего ради Римляне, будучи во всемъ осторожны, определили жертвовать богинѣ *Театрикѣ*, дабы она отъ опаснаго на позорищахъ приключенія ихъ спасала; и въ девятой части въ слободѣ Корнеліевѣ подлѣ Фабіанскаго блудодѣйнаго дому создали ей капище, которое Домитіанъ вторыйнадесять Императоръ Римскій разорилъ для того, что въ присутствіи его на играхъ упадши театръ, много подавилъ народа; и понеже богиня *Театрика* не берегла театра, то Императоръ повелѣлъ испровергнуть храмъ ея.

Можетъ быть сіе тѣмъ, кои мало читывали, покажется баснями и выдумкой: но пусть лишъ только прочтутъ Цицероновы книги о природѣ боговъ, Іоанна Вокатія о родословіи боговъ, Поллїона о древнихъ богахъ, и Святаго Августина перьвуюнадесять и девятуюнадесять о градѣ Божіемъ, то еще и сихъ больше найдутъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯНАДЕСЯТЬ.

Тиверій знаменитый мужъ, позведенъ на Императорской престолъ по той единственно причинѣ, что былъ истинный Христіянинъ.

Тиверій Константинъ, пятидесятый Императоръ Римскій, возшелъ на престолъ послѣ Іустина меньшаго. Сей Іустинъ былъ Государь весьма злонравной, и какъ Павелъ діа-

конЪ вЪ книгѢ осьмойнадесять упоминаетЪ, презритель убогихЪ, грабитель богатыхЪ, крайнѢ старателенЪ вЪ собиранiи сокровищЪ, и чрезвычайно скупЪ вЪ употребленiи оныхЪ. Ибо, по словамЪ Ювенала вЪ четвертойнадесять СатирѢ, сребролюбецЪ не разсуждаетЪ, „ коликая глупость и развратЪ, жить для то„ го бѢдно, чтобЪ умереть богатымЪ. „

СимЪ ИмператоромЪ толь неистовая обладала жадность, что повелѢлЪ желѢзные сковать сундуки, и вЪ чертогахЪ своихЪ поставить, вЪ которыхЪ похищаемые таланты собиралЪ и пряталЪ; чему ни кто дивиться не долженЪ. Ибо, какЪ Сенека говоритЪ, сребролюбивые Государи, не токмо подданныхЪ своихЪ, но и самихЪ себя подозрѢваютЪ и опасаются.

ВЪ то время церьковь весьма заразилась Пелагiанскою ересью, коея бесчастный сей ИмператорЪ IустинЪ былЪ начальникЪ и покровитель, такЪ, что себѢ собиралЪ богатства, а сатанѢ прiобрѢталЪ души человѢческiя. Ибо тѢ, кои вовсе лишились благодати Божiей, не токмо себя сатанѢ порабощаютЪ, но и о прiумноженiи корысти аду усердно пекутся.

А какЪ многiе и тяжкiе бываютЪ человѢческiе грѢхи, и судьбы Божiя суть скрыты и непостижимы; и поелику ежечасно гдѢ милосердiе его души спасти восхощетЪ, тамЪ правосудiе наказать тѢла опредѣляетЪ, то по усмотрѢнiю Всевышняго, что чѢмЪ далѢе онЪ

про-

продолжался, тѣмъ жесточайшій умножается ему судъ; нечаянно безъ всякаго предварительнаго знака болѣзни Іустинъ, потерявъ смыслъ, сдѣлался безумнымъ. Сей толь незапной случай навелъ великой на Римлянъ страхъ. Ибо, по той причинѣ, что Государь впалъ въ повреждение ума, Римская Имперія онѣмѣвъ въ молчаніи пребывала. Впрочемъ, толикое Императора восхитило неистовство, что одинъ и тотъ же день, и жизнь и безуміе его окончилъ. Понеже болѣзней, насылаемыхъ на Государей отъ Бога, и происходящихъ не отъ замѣшательства и порчи тѣлесныхъ влагъ, но отъ развращенныхъ нравовъ, никакой врачь исцѣлить, и никакое лѣкарство уврачевать не можетъ.

Римляне видя, что Императоръ ихъ за грѣхи, праведнымъ судомъ Божіимъ, впалъ въ неисцѣльное ума лишеніе, вознамѣрились избрать достойнаго и искуснаго мужа, коемубъ вручить правленіе государства. Ибо вящшаго труда и мудрости надобно, смотрѣть за чужимъ добромъ, нежели собственное наблюдать домостроительство. И такъ опредѣлилъ жребій знаменитаго мужа, Тиверія именемъ, человѣка поистиннѣ цѣломудреннаго, справедливаго, искуснаго, мудраго, тщаливаго, милосердаго, щедролюбиваго, правосуднаго, побѣдоноснаго, и что все сіе превосходитъ, существеннѣйшаго Христіянина. И поистиннѣ не за малое счастіе почесть должно, ежели Государь истинный Христіянинъ бываетъ.

 Ибо

Ибо нѣтъ благополучнѣе государства, какъ то, коимъ Государь, или намѣстный Вельможа, имѣющіе непорочную совѣсть, правительствуютъ. И дабы не явилось въ немъ недостатка каковой либо изъ требуемыхъ отъ благонравнаго Государя добродѣтелей, былъ страшенъ многимъ, а любезенъ всѣмъ: что не малой цѣны стоитъ. Ибо величайшее есть украшеніе Государямъ, быть любимымъ за пріятное обхожденіе, и страшнымъ за равновѣсное правосудіе.

Была же супруга Императора Іустина Софія Императрица, Героиня красная и мудрая, и что до собственнаго ея лица касалось, добрую имѣла о себѣ славу: которая вещь всего лучше. Ибо женскому полу во всю жизнь ничего прилѣжнѣе остерегаться не должно, какъ чтобъ не подали причины говорить о себѣ худо. Не избѣгла однакожъ она порока сребролюбія, поелику чрезвычайно трудилася собирая богатства, и безмѣрно тѣшилась зря и храня сокровища; въ употребленіи же оныхъ сугубою (какъ обыкновенно дѣлаютъ скупые) терзалася досадой. Понеже сребролюбцы утрату жизни ни во что вмѣняютъ, только бы расло богатство.

Впрочемъ, Тиверій Константинъ, по воспріятіи правленія Имперіи, видя неисчетное богатство Софіи Императрицы, отнялъ у нее, и лучше желая употребить оное въ общую пользу, нежели самому себѣ пріобрѣтать сокровища, въ томъ единственно упражнял-

жнялся, что строилъ обители, учреждалъ страннопріемные домы, надѣлялъ сиротъ, и выкупалъ плѣнныхъ. Ибо, ежели сказать по Христіянству, остающійся отъ употребленія нашего избытокъ на благочестное щедролюбіе расточать должно. Наконецъ, сей благочестивѣйшій Государь, все то, что Христіянскому Государю, а не тиранну прилично, дѣлалъ. Ибо тиранну свойственно есть, чужія похищать сокровища, и оныя потомъ расточать на свои прихоти. Когда же сіи богатства, единому собранныя, Тиверій раздѣлялъ многимъ, то Императрица Софія, видя, что Іустинъ пораженъ безуміемъ, и ей не льзя ужѐ грабить подданныхъ и обнажать богатыхъ, а Тиверій безъ пощадѣнія расточаетъ ея сокровища; отъ части удовольствованія ради скорбящаго сердца, а отъ части для испытанія, не возможноль со временемъ какой учинить помощи, нѣкоторымъ днемъ призвавъ къ себѣ Тиверія, говорила ему наединѣ слѣдующимъ образомъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯНАДЕСЯТЬ.

Рѣчь Софіи Императрицы, говоренная къ Тиверію Константину, соучастнику Императорскаго правленія, которая заключаетъ въ себѣ единственной выговоръ и порицаніе, яко бы за безмѣрную его въ расточеніи государственной казны торопатость.

„Я чаю, Тиверій, приходитъ тебѣ на „память, что во время пребыванія твоего

 „въ

„ въ Александріи, ты никогда не думалъ,
„ чтобъ Іустиновымъ намѣстникомъ и Импе-
„ріи правителемъ быть удостоился: а хо-
„тя бы о томъ и наипаче помышлялъ, до-
„стигать однакожъ онаго никогда не мыслилъ,
„ ибо ты человѣкъ разумной; а мудрый мужъ,
„ поколику счастіе его больше или меньше воз-
„носитъ, потолику и себя и замыслы свои
„ или обуздываетъ, или ослабляетъ. Напро-
„тивъ того тѣ, кои имѣя вѣтреной разумъ,
„ и полагаясь токмо на крѣпость тѣлесныхъ
„силъ, хотятъ достигнуть счастія, въ не-
„прерывной тоскѣ и горести жизнь провожда-
„ютъ. Ибо ни что такъ не сокращаетъ жи-
„зни, какъ льщеніе суетной надежды. И
„ понеже былъ ты таковъ, каковъ былъ въ
„тогдашнее время, и въ великой находился у
„супруга моего Іустина милости; то требо-
„валъ тебя народъ, избралъ Сенатъ,
„приговорило воинство, и вся Имперія
„о избраніи твоемъ веселилася: что не за
„малое счастіе почитать должно. Ибо воли
„всѣхъ въ избраніи единаго рѣдко согласны
„бываютъ „.

„ Да и мнѣ, Тиверій, что за болѣзнію
„ Императорскою препоручили тебѣ правленіе
„государства, вѣрь, не было противно: а
„ хотя бы я и другаго, нежели въ какомъ бы-
„ла, мнѣнія держалася, то заподлинно вѣдай,
„ что ни пособлялабъ и не препятствовалабъ
„твоему избранію. Ибо мы женщины толь
„мало важности и силы имѣемъ, что полез-

„нѣе

„нѣе бываетъ намъ соглашаться на чужое „какое нибудь мнѣніе, нежели собственный, „хотя бы и самый справедливѣйшій, защи„щать голосъ. Когда же на толь высокой „степень возвело тебя счастіе; то прилѣжно „прошу, совѣтую и увѣщаваю, поступки свои „на ономъ учреждать со умѣренностію. Ибо „къ достиженію чести довольно и тѣлеснаго „поту; но къ сохраненію ея потребно крово„выхъ сердечныхъ капель„.

„Не безъизвѣстно тебѣ, что при Цар„скихъ дворахъ не рѣдко большую власть пре„имущество, честь и богатство, происками „паче и ласкательствомъ, нежели чрезъ до„стоинство заслугъ получаютъ; сіе ежечасно „попускаетъ Богъ, дабы глазамъ нашимъ „представилось гнусное низпаденіе тѣхъ, ко„ихъ до того времени пышное возвышало „счастіе. Ты мущина, а я женщина; я те„бѣ приписую мудрость; а съ моей стороны „полагаю долговременное искуство. Не спо„рю, что ты много видалъ приключеній; „но и я превеликое множество оныхъ видала „въ жизни. Въ достовѣрность чего сказываю, „что подобные тебѣ мужи при Царскихъ „дворахъ двоякимъ образомъ теряютъ свое „счастіе: во первыхъ, когда мечтая о вели„комъ своемъ достоинствѣ и заслугахъ, ду„маютъ, что они въ малой силѣ и почтеніи „находятся; ибо гордыя мысли влекутъ за „собою непрерывное смущеніе духа. Во вто„рыхъ, когда одинъ нѣкто желаетъ имѣть

„въ

„ въ своемъ повелѣніи Императора и Имперію: „ что получить всего труднѣе. А хотя бы „ кому и наипаче удалось, однако достиженіе „ сего будетъ ему стоить многихъ трудовъ, „ а храненіе великихъ бѣдствій; и при всемъ „ томъ оное въ краткомъ времени исчезнетъ. „ Ибо въ чрезвычайной дружбѣ и обхожденіи „ Государей, статься не возможно, чтобъ сча-„ стіе на долго осталось постоянно.

„ Хотя ты мудръ и разуменъ, однакожъ „ я тебѣ предписываю, всегда употреблять „ чужіе совѣты; а наипаче въ дѣлахъ касаю-„ щихся до правленія. Ибо великая разность, „ умѣть благочинно повелѣвать, и умѣть по-„ виноваться; для того что послѣднее изъ „ сихъ отъ здраваго разсудка и добронравія „ происходитъ; а первому не инако, точію „ долговременнымъ опытомъ научиться можно.

„ И такъ, непрестанно храни сіе прави-„ ло, сирѣчь: не дерзай производить въ дѣй-„ ство властію, чего достигнуть можешь про-„ шеніемъ. Ибо повелѣніе страшнымъ, а ла-„ сковость любезнымъ тебя сдѣлаетъ.

„ Обрѣтающимся при Царскихъ дворахъ „ весьма прискорбно бываетъ, что они мало „ силы, мало достатка, мало почтенія и мало „ успѣховъ имѣютъ. Ибо видящій себя въ „ презрѣніи, ослабѣвъ, унываетъ. Напротивъ „ чего великихъ Царскихъ друговъ погубляетъ „ то, что они будучи многосильны и много-„ властны, гораздо болѣе на могуществѣ, не-„ жели на мудрости; и на власти, нежели на

„ спра-

„справедливости утверждаются. Ибо тотъ,
„который все въ государствѣ располагаетъ по
„собственному прихотѣнію, не можетъ дол-
„го пользоваться Царскою дружбою.

„Говорю я сіе на тотъ конецъ, дабы
„ты зналъ, что поколику я весьма удивляюсь
„твоей премудрости, потолику терпѣніе мое
„ослабѣваетъ, зря, что ты сокровища, отъ
„Іустина съ премногимъ трудомъ собранныя,
„и съ великимъ попеченіемъ до днесь храни-
„мыя, нынѣ толь неосторожно расточаешь:
„чему дивиться ты не долженъ. Ибо нико-
„му, сколькобъ онъ терпѣливъ ни былъ, безъ
„огорченія видѣть не можно, естьли пожит-
„ки, крайнимъ трудомъ отъ него пріобрѣ-
„тенные, чужая рука нещадно разсыпаетъ.

„Вѣдай, Тиверій, что въ скоромъ време-
„ни, ни на сбереженіе, ни на вспомоществo-
„ваніе другимъ, казны не станетъ; а сего
„то самаго случая при Царскихъ дворахъ не
„бываетъ ни чего опаснѣе. Ибо слухъ изо-
„бильнаго богатства устрашаетъ и поко-
„ряетъ непріятелей Государю; чего ради не-
„обходимо надобно ему отмѣнною добродѣ-
„телію, и купно богатствомъ быть одарен-
„ну. Ибо они первою управляютъ поддан-
„ныхъ, а другимъ укрощаютъ иноземныхъ.
„И какъ самому Государю надлежитъ быть
„не убогу, такъ и Государству его въ богат-
„ствѣ изобильну. Понеже отъ безмѣрной ску-
„дости подданныхъ многія происходятъ въ
„гражданахъ неустройства. Напротивъ то-

„го

,, то ежели государство снабдѣно сокровищами
,, и изобильно богатствомъ, Государю убоже-
,, ства не весьма опасаться должно. Подлин-
,, но я не спорю, что надѣлять убогихъ и по-
,, могать нищимъ, есть доброе дѣло; но куп-
,, но говорю, что никто не обязанъ принужден-
,, но раздавать приватнымъ людямъ деньги,
,, которыя для общей хранятся пользы. Ибо
,, Государь, черезъ чуръ тароватно раздавая
,, собственное, часто доходитъ до того, что
,, самъ напослѣдокъ принужденъ бываетъ въ
,, похищеніи чужаго сдѣлаться тиранномъ.

,, Повѣрь мнѣ, Тиверій, что мало сыщешь
,, Государей, не зараженныхъ или гордостью,
,, или тщеславіемъ, или сластолюбіемъ. Ибо
,, юность, безженство, вольность и богатство,
,, суть жесточайшіе непріятели честной жиз-
,, ни. Я не говорю, будто бы всѣ Государи
,, были худые, однако утверждаю, что не
,, много добрыхъ имѣлось; чего ради тѣхъ,
,, кои или прежде были, или нынѣ есть до-
,, бродѣтельные, потолику съ вящшимъ подобо-
,, страстіемъ почитать должно. Ибо не
,, могутъ иныя времена счастливыми назвать-
,, ся, кромѣ тѣхъ, въ которыхъ добродѣ-
,, тельные царствовали Государи.

,, Вѣдай, Тиверій, что многіе Государи,
,, добронравные и одаренные здравымъ разу-
,, момъ превратилися въ тиранновъ, по той
,, токмо причинѣ, что пришли въ убожество.
,, Ибо высокомысленный духъ, побѣжденный
,, недостатками и нищетою, безъ уваженія

,, все

„ все дѣлаетъ на удачу. Впрочемъ утверж-
„ даю я и то, что когда Государи отъ чрез-
„ вычайнаго недостатка дѣлаются тиранна-
„ ми, не меньше и отъ излишняго богатства
„ впадаютъ въ пороки; и въ семъ случаѣ изъ
„ самыхъ сластолюбій почерпаютъ себѣ нака-
„ заніе. Ибо роскоши толь безполезны, что
„ никакого плода изъ своея пріятности полу-
„ чить не дозволяютъ.

„ Сего ради нынѣ тебя вопрошаю: что
„ лучше, или справедливѣе сказать, что изъ
„ двухъ вредностей легче, Государь убогой
„ купно и тираннъ, или вмѣстѣ богатой и
„ злонравной? Истинно, по моему мнѣнію,
„ лучше быть ему злонравну и богату, неже-
„ ли убогу и тиранну. Ибо вредъ отъ поро-
„ ковъ ни къ кому болѣе, кромѣ самаго его,
„ но польза отъ богатствъ ко всему народу
„ простираться будетъ. Естьли же онъ убогъ
„ и тираннъ, подлинно тиранствомъ своимъ
„ повредитъ многихъ, но убожествомъ нико-
„ го не воспользуетъ, для того, что убогой
„ Государь, ни богатыхъ награждать, ни бѣд-
„ нымъ пособлять не можетъ. Конечно, го-
„ раздо и обществу полезнѣе, и подданнымъ
„ сноснѣе, имѣть злонравнаго человѣка, но
„ добраго Государя; нежели худаго Государя,
„ и добраго человѣка. Ибо по мнѣнію Плато-
„ нову, (говорю я сіе для вящшей твердости
„ словъ моихъ) Аѳиняне справедливо дѣлали,
„ лучше полезныхъ обществу, нежели добро-
„ дѣтельныхъ избирая Государей; напротивъ

„ того Лакедемоняне ошиблись, кои добродѣ„тельныхъ Государей полезнымъ предпочи„тали.

„И такъ можешь усмотрѣть, Тиверій, „что къ безопасности и пользѣ государствен„ной лучше служитъ, естьли Государи бо„гатствами и казной изобилуютъ, которыми „могутъ они довольствовать служителей; не„жели когда по причинѣ убожества къ грабле„нію и отягощенію подданныхъ поборами бу„дутъ имѣть поводъ: ибо скудость Госуда„рей, есть корень и гнѣздо тягостныхъ „налоговъ и даней.

ГЛАВА ПЯТАЯНАДЕСЯТЬ.

Отвѣтъ Тиверіевъ къ Софіи Императрицѣ, которымъ доказываетъ онъ, что Государи, для прославленія своего, не должны собирать богатства; послѣ чего приложена исторія, какимъ образомъ Богъ Тиверію, истиннаго ради Христіанства его, открылъ закопанное въ чертогахъ великое сокровище.

Сію увѣщательную Императрицы Софіи рѣчь Тиверій принялъ съ крайнимъ великодушіемъ, и съ должнымъ почтеніемъ пріятно и учтиво отвѣтствовалъ ей слѣдующими словами: „Говоренное вами, Пресвѣтлѣйшая Им„ператрица, я слышалъ, и увѣщанія Ваши „пріемля, за сообщенной мнѣ совѣтъ прино„шу особливое мое благодареніе, и тѣмъ

„вящ-

„вящшее, чѣмъ Ваше Величество въ подава-
„нiи онаго пространнѣйшiй и отборнѣйшiй
„употребили родъ слова. Понеже часто боль-
„ные брезгуютъ кушаньемъ не для того, яко
„бы оное было не хорошо, но что неиску-
„сно состряпано.

„Я желаю, чтобъ даровалъ мнѣ безсмер-
„тный Богъ толикое въ исполненiи всего того
„постоянство, коликимъ Вы одарены изобилi-
„емъ и красотою слова! что же я въ томъ
„сомнѣваюсь, ни мало Вы дивиться не дол-
„жны, потому, что мы обыкновенно добро-
„дѣтели съ крайнею горячностiю похваляемъ,
„но самымъ дѣломъ оныя творимъ съ вели-
„кою холодностiю. Однакожъ наблюдая въ
„словахъ скромность и почтенiе, каковымъ я
„такой и толикой Героинѣ долженъ, на вся-
„кой пунктъ рѣчи Вашей порознь отвѣчать
„буду. Ибо, ежели Вы о дѣлахъ моихъ изъ-
„яснили свои мысли; самая справедливость
„требуетъ, чтобъ и я равномѣрно о вашихъ
„словахъ открылъ мое понятiе.

„Вы сказали, что во время пребыванiя
„моего въ Александрiи, въ Іустиновы намѣ-
„стники и государственные правители удосто-
„еннымъ быть я никогда не думалъ, и не то-
„кмо заслужить, но и достигать онаго ни-
„когда не мыслилъ. На сiе отвѣтствую: что
„ежели я тогда власти разума повиновался;
„то и о заслуживанiи онаго достоинства, а не
„токмо о достиженiи толь высокаго степени,
„вчинать замысловъ мнѣ не слѣдовало. Ибо

„рѣдкіе высочайшій достоинства и чести сте-
„пень заслуживаютъ чрезъ добродѣтель; а
„еще гораздо рѣже сыскивается такихъ, ко-
„торые и по достоинству своихъ заслугъ она-
„го достигаютъ. Естьли же въ семъ случаѣ
„позволено утверждаться на однихъ чувствен-
„ныхъ воображеніяхъ, то увѣряю васъ, Ав-
„густѣйшая Императрица, что я не токмо
„о заслуживаніи мыслилъ, но и получить оное
„имѣлъ надежду; чему ни мало удивляться
„вы не должны. Понеже обыкновенно, чѣмъ
„меньше кто имѣетъ заслугъ и достоинства,
„тѣмъ больше о себѣ думаетъ и уповаетъ.

„Что показался я Вамъ человѣкъ мудро-
„стію одаренный, понеже уздою разума не-
„стройныя укрощалъ похоти, отвѣтствую:
„Вы мудрость мою или въ собственныхъ, или
„въ постороннихъ дѣлахъ примѣтили; естьли
„въ чужихъ, то поелику оно мнѣ не стоило
„никакихъ иждивеній, я всегда любилъ пра-
„вду. Ибо нѣтъ ни одного толь злонравнаго
„человѣка, который бы чужимъ кошелькомъ
„не желалъ пріобрѣсть себѣ имя щедролюби-
„ваго. Буде же изъ собственныхъ дѣлъ ме-
„ня такимъ признали; то опасайтесь, чтобъ
„Вы, Государыня, легкомысленно не обману-
„лися. Ибо вѣдайте, что нѣтъ никого,
„столь или мудраго, или справедливаго, или
„правосуднаго, котораго́бъ не превращало
„стремленіе собственныя пользы и корысти.

„Вы говорите, что мужи, кои высокоум-
„ствуя, подлое имѣютъ счастіе, въ безпере-

„ рывной бѣдности жизнь свою провождаютъ.
„ Подлинно, сіе такъ есть, какъ Вы сказали;
„ но понеже члены тѣлесные суть орудія ду-
„ ха, то, по моему мнѣнію, необходимо на-
„ добно имѣть проницательныя и высокопар-
„ ныя мысли, дабы человѣческой ролѣ не осла-
„ бѣвалъ въ своей щедрливости. Ибо Александръ,
„ Пирръ, Іулій Цесарь, Сципіонъ и Аннибалъ,
„ никогда бы толь сильными Государями и зна-
„ менитыми Полководцами не сдѣлались, еже-
„ либъ не простирали въ высоту своихъ мы-
„ слей. Повѣрь мнѣ, Государыня, не замы-
„ словъ высокость, ниже благородство духа, ни
„ бодрость и отважность сердца, но глупое
„ предпріятіе, упрямое продолженіе, и не-
„ осторожное совершеніе дѣлъ, сопряженныя
„ съ смятеніями и несогласіемъ, людей погу-
„ бляютъ. Слѣдовательно превосходныхъ ка-
„ чествъ мужи, въ начинаніи трудныхъ дѣлъ
„ не къ тому, что имъ благородная мысль
„ представляетъ, но чего разумъ и справедли-
„ вость требуетъ, силы свои напрягать дол-
„ жны.

„ Вы удивляетесь, зря, что съ толикимъ
„ попеченіемъ Вами и Іустиномъ собранныя
„ сокровища я толь небережливо расточаю.
„ На сіе отвѣтствую: что чрезъ многіе годы
„ накопленныхъ денегъ единодневному расто-
„ ченію ни мало дивиться не должно. Ибо за-
„ копанныя въ землѣ сокровища достойны суть
„ того древняго проклятія, которое Епиме-
„ нидъ слѣдующими изобразилъ словами:

Тщанїемъ сребролюбца накопленные таланты сластолюбиваго наслѣдника тароватая разсыплетъ десница.

„Вы говорите, что отъ чинимаго мною „иждивенїя вскорѣ ничего не останется, и не „чѣмъ другихъ надѣлять, нечего употреблять, „и не чѣмъ жить будетъ. На сїе отвѣтствую: ежели бы Вы, Государыня, съ толикимъ попеченїемъ старалися помогать бѣ„днымъ, съ коликою ревностїю сами Вы и Iу„стинъ тщились ограблять богатыхъ; то ко„нечно Вы жаловаться, а я дѣло мое охуждать, „справедливую имѣли бы причину. Но досе„лѣ ничего мы болѣе не видали, кромѣ что „старанїемъ вашимъ многїе изъ богатыхъ въ „нищету приведены, и тѣмъ еще хуже и „жалостнѣе, что вамъ и на мысль не всхо„дило выстроить симъ бѣднымъ для убѣжи„ща хотя прокормительную богадѣльню.

„Потребны, сказываете вы, Государямъ „многїя сокровища для вооруженїя себя про„тиво непрїятелей. Въ томъ я не спорю, „что Государямъ, ежели они гордые, вѣтре„ные, неспокойные, и жадные на чужїя цар„ства, подлинно многочисленная казна, удо„вольствованїя ради несытыхъ желанїй, на„добна. Ибо тираннъ единственно къ тому „только предмету, чтобъ законнымъ ли или „несправедливымъ образомъ набогатить себя, „стремится. Естьли же напротивъ того лю„битъ онъ спокойствїе и добродѣтель; еже„ли воздерженъ, скроменъ, и на чужое добро

„не

„ не алченъ, или въ самомъ дѣлѣ есть, или „ быть желаетъ; то на что такому Государю „ много сокровищъ? Ибо самую сущую говорю „ истинну, что при Царскихъ дворахъ чаще „ изобиліе, нежели недостатокъ богатствъ къ „ порокамъ дѣлаетъ поводъ.

„ Я не стану углубляться въ даль, и сы- „ скивать во отвѣтъ доказательства, любя „ паче исполнять дѣломъ, нежели говорить „ языкомъ. И такъ въ заключеніе говорю: „ нѣтъ ни одного Государя, который бы столь- „ ко иждилъ на добродѣтели, чтобъ не могъ „ иждивать больше. Нѣтъ, говорю, ни одного „ Государя, который бы обнищалъ дѣлая по- „ требное токмо иждивеніе; но расточая и „ употребляя сокровища на дѣла ненужныя. „ И ежели Государь на подаяніе милостыни „ нищимъ, и на искупленіе плѣнныхъ щедро- „ ты свои изливаетъ; то можетъ онъ безъ „ малѣйшаго сомнѣнія быть благонадеженъ, „ что отъ того не токмо убоже не будетъ, „ но еще усугубится его богатство. Ибо Хри- „ стіянская вѣра предписываетъ слѣдующее „ правило: что Богъ единымъ днемъ воздастъ „ рабамъ своимъ вящше, нежели они чрезъ „ двацать лѣтъ во славу его употребить „ могутъ.

Впрочемъ, да возвратится слово на прежнее мѣсто; Императоръ Іустинъ царствовавъ одиннатцать лѣтъ въ безуміи и заблужденіи Пелагіанской ереси, къ радостному всея Римскія Имперіи желанію скончался; коего

 смерть

смерть не меньше вожделѣнна, какъ и жизнь всѣмъ была ненавистна. Ибо мучительный Государь, который за живота своего многихъ принудилъ плакать, умирая тѣмъ же самимъ людямъ радоваться и смѣяться подаетъ причину.

По смерти Іустина Тиверій Константинъ воспріялъ Императорской престолъ, коимъ правительствовалъ толь премудро и правосудно, что ежели Исторіи тѣхъ вѣковъ насъ не обольщаютъ, ни одного кажется предпочесть ему не должно. Ибо въ одномъ Государѣ весьма рѣдко случаются вдругъ такія добродѣтели, какія въ немъ, сирѣчь: равномѣрное ко всѣмъ правосудіе, святость житія, и непорочная совѣсть видимы были. Понеже мало такихъ Государей, коибъ не присмотрѣны были въ каковыхъ либо порокахъ.

Павелъ Діаконъ въ двадцать второй книгѣ о дѣлахъ Римскихъ, случившуюся сему Императору, какъ въ то время удивляющую зрѣніе, такъ и нынѣ достойную памяти вещь повѣствуетъ: въ городѣ Константинополѣ имѣлся пребогатой и великолѣпнѣйшій Римскихъ Императоровъ домъ, знаменитости и пространству Имперіи приличный, который еще при великомъ Константинѣ строить начали; а потомъ какъ одинъ послѣ другаго, то добродѣтельные, то злонравные наступали Императоры, такъ и во ономъ зданіи или умалялось, или прибавлялось чертоговъ. Ибо похвальныхъ Государей званіе, искореняя и истре-

бляя изъ государства многіе пороки, преславными отечество украшать зданіями.

Впрочемъ Тиверій, какъ выше объявлено, на искупленіе плѣнныхъ, построеніе публичныхъ страннопріимницъ, созиданіе монастырей, и снабдѣніе бѣдныхъ сиротъ, издержавъ многочисленную казну, отъ чрезвычайнаго въ сихъ обстоятельствахъ расточенія дошелъ даже до того, что не осталось ужѐ почти и на столъ царской: которое убожество было блаженно. Ибо православные Государи то только за благоупотребленное считать должны, что во славу Христа они расточили. Однакожъ Императоръ нищеты сея не стыдился, но еще вмѣсто того за честь себѣ поставлялъ оную, досадуя токмо на одно Императрицыно посмѣяніе, которая скудостію его безмѣрно веселилась. Ибо утѣсненному бѣдствіемъ человѣку собственная своя печаль не столь огорчительна бываетъ, какъ радость смертельнаго врага, который несчастіемъ его утѣшается.

Но промысломъ Божіимъ, который не оставляетъ никогда обнищавшихъ его ради, Тиверій прохаживаясь въ нѣкоторой день по чертогамъ, увидѣлъ на полу мраморную плиту, на которой вырѣзанъ былъ крестъ Христа искупителя нашего; чего ради призвавъ одного изъ придворныхъ, повелѣвалъ ему: „*пынь отсюда сей камень, имѣющій на себѣ изображеніе креста искупителя міра: ибо недостойно попирать ногами крестъ, которымъ мы отъ непріятелей лице и грудь*

 нашу

нашу ограждаемъ,,. По снятіи плиты художники, не чая ничего быть подъ нею, нашли и другую хитрымъ мастерствомъ вырытой крестъ на себѣ имѣющую, которую вскрывъ, узрѣли и третій камень со изображеніемъ же креста, равно какъ и перьвыя; а какъ и ту доску вынули изъ ямы, то подъ оною обрѣли ужè закопанное великое сокровище, которое простиралось болѣе, нежели тысяща кентинаріевъ злата. И такъ Тиверій Константинъ добродѣтельнѣйшій Императоръ, принося величайшее благодареніе Богу, паче прежняго оказывалъ свое щедролюбіе. Ибо все оное сокровище раздѣлилъ нищимъ и обителямъ.

Въ сей примѣръ какъ въ зерцало Великіе Государи и Князи смотрѣть должны, вѣруя несомнѣнно, что не надлежитъ имъ опасаться, дабы отъ подаянія милостыни бѣднымъ въ нищету не впали. Понеже какъ богатой беззаконнымъ, такъ и убогой добродѣтельнымъ никто назваться не можетъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯНАДЕСЯТЪ.

Знаменитѣйшій Полководецъ Нарсисъ преславныя на сраженіяхъ одержалъ побѣды, единственно потому, что былъ истинный Христіянинъ. Показывается притомъ, сколь худо поступила съ нимъ Императрица Софія; напротивъ чего открывается предъ, какой влечетъ за собою неблагодарность Государей ко своимъ Министрамъ.

Историки повѣствуютъ, и наипаче Павелъ Діаконъ въ 18 книгѣ о дѣлахъ Римскихъ, что

по воплощеніи Господнемъ пять сотъ двадесять осьмаго года, въ то время, какъ царствовалъ Іустиніанъ, племянникъ Императору Іустину, предварившему его въ Имперіи, жилъ въ Римѣ знаменитый мужъ, именемъ Нарсисъ, природою Грекъ, хотя изъ отрочества воспитанъ въ Италіи, сановитъ ростомъ, весноватъ лицемъ, и весьма твердъ въ Христіянскомъ благочестіи; что по состоянію тѣхъ времянъ немаловажнымъ почиталось: поелику въ томъ вѣкѣ знатная часть дворянства, и почти всѣ Епископы Аріанской ереси въ Италіи держались. И понеже Нарсисъ былъ въ военныхъ дѣлахъ весьма искусенъ и мужественъ; то поставили его надъ всѣми войсками Римскія Имперіи Генераломъ. Ибо Римляне за особливой предметъ полагали, что ежели возможно было доставить себѣ храбраго и мужественнаго Полководца, не жалѣли никакихъ иждивеній, хотя бы надлежало за него отвѣсить столько золота, сколько въ немъ самомъ было вѣсу.

Послѣ сего онъ толь знатныя дѣла учинилъ, такіе походы отправилъ, столько покорилъ Царей, и толикія надъ непріятелями одержалъ побѣды, что Римляне въ одномъ Нарсисѣ крѣпость Геркулесову, храбрость Гекторову, великодушіе Александрово, разумъ Пирровъ, и счастіе Сципіоново совокупившимися вмѣстѣ быть признавали. Ибо многіе язычники думали, что какъ тѣла въ жизни сей раздаютъ качества, такъ и души по

 смер-

смерти дарованія свои раздѣляютъ. Впрочемъ Нарсисъ былъ Полководецъ весьма милосердой, въ Христіянской вѣрѣ непоколебимѣйшій, къ нищимъ щедролюбивъ, къ построенію новыхъ обителей и къ возобновленію обетшавшихъ церьквей усерднѣйшій рачитель; чего не можнобъ надѣяться отъ Полководца, кои обыкновенно во время войны и безъ важныхъ причинъ испровергаютъ и разоряютъ божественные храмы.

Но всѣ тѣ добродѣтели превышало всегдашнее хожденіе его въ церьковь, вседневное посѣщеніе странныхъ и болящихъ, и съ пролитіемъ изобильнѣйшихъ слезъ горячее моленіе, ради котораго иногда одинъ ночнымъ временемъ въ церьквахъ оставался; что перьвымъ его дѣламъ ни мало не уступаетъ, да и считать за меньшее никакъ не должно. І въ военное время Полководцы больше упражняются на поляхъ убивая соперниковъ, нежели оплакивая грѣхи свои въ церьквѣ. Словомъ: Нарсисъ былъ толь искренній Христіяниnъ и прилѣженъ въ молитвахъ, что думали, акибы онъ не силою оружія, но усерднымъ моленіемъ къ Богу получалъ побѣды. Ибо никогда примѣчено не было, чтобъ онъ проливалъ непріятельскую кровь прежде, пока гдѣ либо во храмѣ самъ изобильныхъ слезъ не пролилъ.

А дабы усмотрѣли Христіянскіе Государи, и великихъ войскъ Предводители, что лучше могутъ они успѣть, умилостивляя Бо-

га пролитіемъ изобильныхъ и нелицемѣрныхъ слезъ, нежели имѣя тьмочисленныя Арміи и богатства; то изъ многихъ храбрыхъ дѣлъ сего Героя здѣсь нѣсколько предложить за благо разсуждаю.

Во время пребыванія Іустиніана Императора въ Александріи, Тотиль Готской Король, учиня нападеніе со всѣхъ сторонъ на Италію, разорялъ оную всячески безъ пощады; и Римляне не токмо въ поле выѣжжать не дерзали; но и посреди стѣнъ не могли жить безопасно; потому что Готы днемъ рыскали по полямъ, а ночнымъ временемъ упражнялися въ губительствѣ и грабленіи жителей сельскихъ. О чемъ увѣдомясь Іустиніанъ, послалъ противо ихъ съ высочайшею властію и полномочіемъ Нарсиса, который пришелъ въ Италію, немедленно заключилъ союзъ съ Лонгобардами, имѣвшими тогда жилища свои въ Панноніи, и чрезъ Посланниковъ требовалъ отъ Короля ихъ Альбоина вспомогательнаго на Готовъ войска; обѣщая и увѣряя притомъ, что усмотритъ онъ самъ, сколь наблюдаетъ Нарсисъ къ доброхотамъ своимъ вѣрность дружбы, и съ коликимъ свирѣпствомъ мститъ непріятелямъ. Лонгобардской Король Альбоинъ выслушавъ требованія Посланниковъ, безмѣрно радовался, и не мѣдля ни мало, тотчасъ отборными солдатами вооружилъ сильной флотъ, который чрезъ Адріатической заливъ прошелъ въ Италію, такъ скоропостижно, что въ одинъ день вдругъ и отвѣтъ и обѣщанную помощь прислалъ

слалъ къ Нарсису. И такъ оба войска Лонгобардское и Римское подъ однимъ флагомъ и повелѣніемъ Генерала Нарсиса находилось.

Извѣстившись о семъ Король Готской Тотиль, который ни счастія храбраго Генерала Нарсиса, ни мужественнаго сердца Лонгобардовъ еще не отвѣдалъ, вызвалъ ихъ самъ дать баталію; сраженіе произведено было на поляхъ Аквилейскихъ, и много съ обѣихъ сторонъ послѣдовало урону; но наконецъ побѣжденъ Тотиль, и самъ со всѣмъ войскомъ своимъ наголову побиты. Добродѣтельный Генералъ Нарсисъ получа побѣду, и исполняя заключенной договоръ, пребогато наградилъ Лонгобардское войско, которое съ знатною добычею и побѣдою возвратилося въ Паннонію къ Королю своему Альбоину. И въ семъ случаѣ Нарсисъ хорошо отправилъ свою должность, зная, что нѣтъ такой удовлетворительной цѣны, которуюбъ можно было достойно заплатить другу, жизнь свою за друга опасностямъ подвергающему.

По отшествіи Лонгобардовъ, Нарсисъ всю непріятельскую добычу приказалъ раздѣлить своему воинству; а доставшееся на его долю роздалъ нищимъ и обителямъ. Такимъ преславнымъ дѣйствіемъ пріобрѣлъ себѣ Нарсисъ три имена, сирѣчь: великодушнаго, за награжденіе Лонгобардовъ; щедролюбиваго, за подаяніе во обители и нищимъ; и наконецъ храбрѣйшаго Генерала, побѣжденія ради толь сильнаго и свирѣпаго непріятеля.

Не

Не много спустя потомЪ ѲеодобертЪ Король ФранковЪ, обрѣтающихся вЪ Галліи Трансальпинской, Государь младолѣтной, отважной, и чрезмѣрно славолюбивой, хотя обладать Италіею и не имѣвЪ никакого права, рѣшился однакожЪ напасть на оную, вЪ томЪ единственно намѣреніи, чтобЪ прославить свое имя. Ибо сердецЪ, гордостью надменныхЪ, совѣсть не тревожитЪ, хотя они и безЪ справедливой причины войну начинаютЪ. ВпрочемЪ предпріятія его столь неудачливы были, что вЪ тотЪ же самой день, вЪ которой переправился онЪ чрезЪ рѣку Рубикону, поля Галлскія отЪ АвзонскихЪ обывателей разграничивающую, о отложеніи всего царства получилЪ извѣстіе. Сіе учинилося не безЪ особливаго попущенія Божескаго: ибо правосудіе Божіе отмщая Государю лишаетЪ собственной его державы по достойнству, когда изЪ единаго токмо человѣческаго тщеславія нападаетЪ онЪ на чужія царства. ѲеодобертЪ увѣдомясь о томЪ, разсуждалЪ сЪ Князьями и Вельможами, находившимися вЪ его свитѣ, и по согласному всѣхЪ совѣту опредѣлилЪ возвратиться вЪ Галлію; а дабы чрезЪ то честь его не понесла ущербу, оставить все войско вЪ Италіи подЪ предводительствомЪ двухЪ ГенераловЪ Буцеллина и Амнига, намѣреніе принялЪ. Ибо лучше Государю правдою оборонять собственное свое государство, нежели насиліемЪ отнимать чужое.

И такъ Буцеллинъ, во перьвыхъ имѣя многочисленную Армію, а притомъ будучи человѣкъ гордой и высокомысленной, со всѣхъ сторонъ Италію, и наипаче Кампанію, грабилъ и разорялъ, тѣмъ съ вящшею жестокостію, что какъ похищаемыхъ пожитковъ, такъ и взятыхъ въ полонъ людей ни подъ какимъ видомъ не возвращалъ ни безденежно, ни отдавалъ на выкупъ; но какъ что ни захватилъ, такъ къ Королю отсылалъ немедленно; обличая чрезъ то себя, что онъ больше, разбойничать, нежели воевать былъ охотникъ. Когда же оной Буцеллинъ намѣревалъ расположиться въ Кампаніи со всѣмъ войскомъ своимъ на зимнихъ квартирахъ; то нечаяннымъ Нарсисовымъ приходомъ притѣсненъ, и по жесточайшемъ сраженіи побѣжденъ и убитъ. Другой же Полководецъ Галлской Амингъ, по умерщвленіи товарища его Буцеллина, заключилъ съ Готскимъ Генераломъ Авиндиномъ союзъ; и оба войска соединенными на Римлянъ стремилися силами: однакожъ Нарсисъ, получа о томъ вѣдомость, произвелъ сраженіе съ ними подлѣ Каеты и одержавъ побѣду, взялъ обоихъ сихъ Генераловъ живыхъ въ полонъ, изъ которыхъ Аминга казнилъ смертію, а Авиндина отослалъ къ Императору Іустиніану въ Константинополь.

Имѣлъ кромѣ того Нарсисъ и другое сраженіе съ Синдуальдомъ Королемъ Брентскимъ, который вошелъ въ Италію съ великимъ войскомъ, подъ претекстомъ отобранія Неаполитан-

литанскаго Королевства, утверждая, якобы оное по причинѣ той, что онъ происходилъ отъ колѣна Геруловъ, древнихъ Королей того царства, ему принадлежало. Онъ забывъ многія благодѣянія, оказанныя ему отъ Нарсиса, во время пребыванія его въ непоколебимой къ нему вѣрности, захотѣлъ быть самодержавнымъ Королемъ въ Италіи; чего ради и отложился не задолго предъ тѣмъ отъ Римлянъ, желая свергнуть съ себя иго повиновенія: чрезъ что въ Италіи загорѣлась между имъ и Нарсисомъ жестокая и долговременная война; и иногда той, а иногда другой сторонѣ побѣждать удавалося. Ибо нѣтъ ни одного толь счастливаго Полководца, которомубъ въ долговременной войнѣ неподвижно счастіе служило.

Напослѣдокъ Синдуальдъ и Нарсисъ условились въ одинъ день доставить конецъ своимъ намѣреніямъ, и предаться судьбинѣ счастія. Итакъ сошлись обоихъ Арміи между Вероною и Тридентомъ, гдѣ Нарсисъ побѣдивъ Синдуальда, взялъ въ полонъ, и въ туже ночь приказалъ его на высокомъ бревнѣ повѣсить. Но понеже не привыкъ онъ поступать толь жестоко съ побѣжденными, а наипаче съ Королями и знатными людьми, то поверьхъ бруса, къ которому оной былъ прицѣпленъ, велѣлъ выставить надъ нимъ слѣдующаго содержанія надпись: „Сего Короля „приказалъ Нарсисъ повѣсить, не яко ополчающагося врага на брани; но яко нару-

„ши-

„ шителя и измѣнника въ мирѣ„. Сіи и другія многія на войнахъ счастливый Полководецъ Нарсисъ одержалъ побѣды, не токмо на границахъ Италіи, но равно и въ Азіи, которою онъ много лѣтъ правилъ. И поелику былъ онъ военачальникъ истиннаго Христіянства, то во всѣхъ трудахъ его Хрістова сила и помощь неотступно съ нимъ пребывала.

По окончаніи всѣхъ сихъ походовъ, Іустинъ младшій пожаловалъ Нарсиса главнымъ въ Константинопольской Имперіи надъ всѣми провинціями Губернаторомъ; который сколь благоразумно поступалъ въ дѣлахъ военныхъ, столь гораздо еще похвальнѣе велъ себя въ правленіи государственномъ. Ибо мужи, понесшіе много трудовъ въ военной службѣ, разумнѣе и порядочнѣе управляютъ подчиненными, нежели другіе неискусившіеся во оной. Чего ради Нарсисъ всѣхъ современныхъ ему въ томъ вѣкѣ превосходилъ славою, какъ за храбрость, съ которою на толь многихъ сраженіяхъ одержалъ побѣды; такъ за полученныя имъ въ добычу великія богатства; и наконецъ, власти ради и достоинства, каковы имѣлъ онъ въ правленіи государства.

Но сколько слава и богатства его возрастали, столько противъ него, яко природнаго Грека, многихъ Римлянъ распространялася зависть. Ибо храбрость, достоинство и богатство, суть ни что иное, какъ токмо зажигательная матерія, распаляющая во многихъ огнь зависти противо одареннаго ими чело-

человѣка. И такъ дошло до того, что многіе изъ знатныхъ Римскихъ персонъ, нѣкоторымъ днемъ пришедъ къ Іустину второму Императору и Императрицѣ Софіи, яко бы для донесенія о нестройномъ Нарсисовомъ правленіи, жаловались на него слѣдующимъ образомъ:

„Во извѣстіе предлагаемъ Вашимъ Величествамъ, Пресвѣтлѣйшіе Государи, что „легче намъ кажется быть рабами Готамъ, „нежели Грекамъ. Сіе доносимъ мы для того, понеже Нарсисъ, будучи Евнухъ и „природою Грекъ, распространяетъ властъ „свою надъ нами, и больше своимъ, нежели „Вашимъ, Державнѣйшій Императоръ, служеніемъ насъ порабощаетъ; и всего хуже, „что дѣлаетъ онъ сіе или безъ Вашего свѣдѣнія, или что Ваше Величество, хотя о „томъ и извѣстны, воспрепятствовать не „стараетесь. И такъ изъ двухъ одно избрать благоволите; или избавьте насъ отъ „Греческія власти, или позвольте городу и „намъ самимъ отдаться въ подданство Готамъ. Ибо для Римлянъ не столько безчестно приносить повиновеніе знаменитому Государю, нежели раболѣпствовать Евнуху, „Греку, да еще и Тиранну.„

Нарсисъ, услыша на себя чинимыя жалобы, извинялся во отвѣтъ такимъ образомъ: „Милостивѣйшій Государь, говорилъ онъ, „ежели я сдѣлалъ что худо, то статься не „возможно, чтобъ кто либо и мнѣ добро

„сдѣлалъ: а буде поступалъ я хорошо, то „конечно никто и самому мнѣ зла и вреда „причинить не возможетъ.„

Императрица Софія, какъ нѣкоторые говорятъ, давно ужѐ его ненавидѣла, за то, что онъ былъ Евнухъ; другіе сказываютъ, яко бы за то, что былъ богатъ; а иные утверждаютъ, будто бы за то, что большую, нежели она, имѣлъ власть повелѣвать въ государствѣ. И такъ услыша производимыя жалобы, и получа чрезъ то случай и время къ изъявленію кроющейся въ сердцѣ своемъ на него злобы, съ крайнимъ безчестіемъ упрекала ему слѣдующими словами: „Нарсисъ, понеку ты Евнухъ, а не мущина, и для того „неспособенъ отправлять и имѣть на себѣ „должность и честь приличную мужеску по„лу; то я приказываю тебѣ итти въ ткаль„ную избу, гдѣ ткутъ мои дѣвки, и тамъ „приготовлять волну, подавать пакли, и „раздѣлять уроки, работая съ ними вмѣ„стѣ.„ Сіи слова хотя безмѣрно оскорбили Нарсиса, да и въ самой вещи чрезвычайно язвительны были; однакожъ онъ укрощая стремленіе раздраженнаго сердца, со смиреніемъ отвѣчалъ ей слѣдующее: „Лучшебъ „Вамъ, Пресвѣтлѣйшая Императрица, ру„гать меня такъ, какъ Великой Государынѣ „и царской супругѣ прилично; нежели укоряя „безчестными словами, изъявлять женскую „слабость. Но понеже, съ коликою властію „Вы повелѣваете, съ толикоюжъ ревностію

„и

„ и я повиноваться долженЪ; то иду нынѣ на-
„ чинать такой урокЪ, котораго можетЪ
„ быть Вы, пока жизнь продолжится, разо-
„ ткать будете не вЪ состоянiи. „

ПотомЪ не медля отъѣхалЪ вЪ Италiю, и прибывЪ вЪ Неаполь, древнiй Кампанской городЪ, тотчасЪ отправилЪ ПосланниковЪ вЪ Паннонiю кЪ ЛонгобардамЪ, имѣвшимЪ тамо свое пребыванiе, совѣтуя и увѣщевая оставить неплодную, гористую, студеную и тѣсную землю, и переселиться вЪ гладкую, плодоносную, благорастворенную, пространную и пребогатую Италiю, которою завладѣть такого, какЪ нынѣ, выгоднаго не было никогда случая. Не удовольствуясь тѣмЪ НарсисЪ, дабы вЪ сердцахЪ союзниковЪ своихЪ большую кЪ тому возбудить охоту и воспламенить желанiе, разныхЪ родовЪ вещи, коими Италiя изобилуетЪ, какЪ то: изрядныхЪ и быстрыхЪ лошадей, хорошаго мастерства збрую, весьма прiятнаго вкуса плоды, крайнѣ чистые металлы, всякаго рода благовонныя мази и ароматы, такожЪ шелковыя и различныхЪ образцовЪ шитыя платья, послалЪ кЪ нимЪ вЪ подарокЪ.

Посланники, по прибытiи ихЪ вЪ Паннонiю, называемую нынѣ *Унгарiя*, приняты были радостнымЪ образомЪ; и Лонгобарды выслушавЪ ихЪ предложенiе, а притомЪ усмотря привезенныя изЪ Кампанiи во многомЪ числѣ толь богатыя вещи, вознамѣрились, покинувЪ Паннонiю, ѣхать для завладѣнiя

и обитанія въ толь благополучной землѣ Италіи; хотя оная принадлежала Римской Имперіи, и сами они съ Римлянами въ дружбѣ и союзѣ находилися. Что же все оное нарушили Лонгобарды, ни мало недивно. Ибо дружба тамъ совершенною никогда не бываетъ, гдѣ прозьба заключаетъ въ себѣ силу повелѣнія.

Какъ Лонгобарды опредѣлили переселиться въ Италію; то всѣ жители оной явно увидѣли на воздухѣ жестоко сражающіяся между собою огненныя воинства. Сіе необыкновенное знаменіе навело на всѣхъ страхъ и трепетъ; понеже они изъ того предвозвѣщали въ скоромъ времени имѣющее быть великое пролитіе ихъ и непріятельской крови. Ибо издревле примѣчено, что наступленіе жестокаго упадка царствамъ всегда предзнаменуютъ планеты, или стихіи.

И такъ неблагодарность Іустина втораго къ Полководцу своему Нарсису, и укорительныя слова Софіи, Лонгобардскаго нападенія на Италію, и всецѣлаго разоренія оной были причиною. Почему въ разсужденіи сего примѣра должны остерегаться державные Государи, чтобъ не оскорблять неблагодарностью своихъ Министровъ, оказавшихъ имъ знатныя услуги. Понеже всеобщее есть сіе правило, что неблагодарность за великую услугу подданнаго изъ отчаянія въ неистовство ввергаетъ, и изъ вѣрнаго Министра смертельнымъ врагомъ дѣлаетъ. Тѣмъ пускай не льстятъ

себя

себя Государи, что Министры, поелику суть природные их подданные, давно служат при дворѣ, и притом всегда наблюдали вѣрность, по той причинѣ не могут уже отложиться и быть непріятельми; ибо помышленія сіи тщетны, и Государь неблагодарный ко своим служителям не долго может пользоваться вѣрностію и службою добродѣтельнаго человѣка.

Впрочем Іустин вторый Император погрѣшил противо Нарсиса тѣм, чего всякому разумному Государю всѣми мѣрами убѣгать должно; как то: клевет врагов его не токмо слушал, но и повѣрил оным; не токмо же сіе учинил, но еще перед ними посрамив привел его в крайнее отчаяніе. Понеже ни один благородный и знатный муж безчестія, а наипаче естьли учинено ему будет оное в присутствіи врагов его, терпѣливно и без огорченія снесть не может.

Не меньшаго порицанія достойна и Императрица Софія, которая преславному Генералу Нарсису такими язвительными словами повелѣвала раздѣлять уроки, или подаваніем паклей прислуживать ткущим: потому что благоразумным Государыням не точію непристойно произносить таких негодных слов, но еще раздраженных супругов своих смягчать гнѣв, и на милость преклонять должно.

Послѣ того Нарсис, опасаясь Софіи Императрицы, в Константинополь, гдѣ она

жила, возвратиться болѣе уже не осмѣлился; но поѣхавъ изъ Неаполя въ Римъ, съ подобающимъ всякому Христіянину пріобщеніемъ церьковныхъ таинствъ, скончался тамо въ лѣто предварившее приходъ Лонгобардовъ въ Италію; тѣло же его положено было въ серебреной ракѣ, осыпанной многими драгоцѣнными камнями, и для погребенія отвезено въ Александрію. Но не возможно изобразить, вящшаяль была печаль, въ которой погружалась вся Азія, видя отшедшаго отъ сея жизни Нарсиса; или радость Императрицы Софіи, которую чувствовала она, взирая на привезенное мертвое его тѣло. Ибо пылающее яростію сердце не успокоится прежде, доколѣ не увидитъ противника своего бездушна.

ГЛАВА СЕДЬМАЯНАДЕСЯТЬ.

Письмо М. Апрелія къ Сицилійскому Королю, въ которомъ приводя ему на память претерпѣнныя имъ по младыхъ лѣтахъ бѣдствія, укоряетъ его за непочитаніе храмовъ, и тѣмъ наипаче, что онъ для распространенія своихъ чертоговъ нѣкоторое разрушилъ капище.

Маркъ Апрелій, Императоръ Римскій, горы Целійской уроженецъ и избранный Трибунъ, Тринакрійскому Королю Корвину здравія и приращенія славы желаетъ.

„Въ первое государствованія моего лѣто, „по характеру и обыкновенію Императорско-
„му,

„ му, ко всему обладаемаго тобою острова
„ народу, потомъ на другой годъ ко двору и
„ къ фамилiи Твоей посланы отъ меня гра-
„ моты; а нынѣ пишу и къ Тебѣ самому
„ приватно, вѣдая что Государи, хотя надъ
„ многими и пространными господствуютъ
„ царствами, старыхъ однакожъ друговъ сво-
„ ихъ сообщенiя вовсе оставлять не должны.

„ Когда взялъ я въ руку перо, намѣре-
„ вая къ Тебѣ писать; то весьма долго ме-
„ длилъ, и ничего писать къ Тебѣ не думалъ.
„ Отъ сего отвлекала меня не лѣность, но
„ великой стыдъ, который крайнѣ былъ мнѣ
„ огорчителенъ, когда примѣтилъ я, что
„ Ты цѣлому Риму подалъ причину себя не-
„ навидѣть. И такъ, великоименитый Го-
„ сударь, крайнее мое соболѣзнованiе о твоемъ
„ несчастiи за знакъ неизмѣрной къ Тебѣ
„ моей любви прiемли. Ибо не можно сказалъ
„ Еврипидъ, что душевно любимую вещь по-
„ терявъ, сердечно оплакиваемъ.

„ Но прежде, нежели изъясню, что меня
„ писать понудило, приведу Тебѣ на память
„ нѣкоторыя въ младыхъ лѣтахъ нашихъ
„ похожденiя; чрезъ что и тогдашнее и ны-
„ нѣшнее познаемъ состоянiе наше. Ибо ни-
„ кто прямо не наслаждается настоящимъ
„ благополучiемъ, кромѣ того, который пре-
„ шедшiя воспоминаетъ злоключенiя.

„ Я думаю, весьма явственно помнишь
„ ты, великоименитый Государь, что мы
„ начали ученiе наше въ Капуѣ; потомъ про-

 „ дол-

„ должали оное нѣсколько времени въ Таренте; оттуда поѣхали на островъ Родусъ, „ въ которомъ я Риторику, а ты между тѣмъ „ Философію слушалъ; по прошествіи же десяти лѣтъ уѣхали мы отсюда въ Паннонію „ для вступленія тамъ въ военную службу, „ гдѣ принялся я за музыку. Ибо юноши въ „ намѣреніяхъ своихъ толь непостоянны, что „ на каждой день разныя посѣщать государства и перемѣнять состояніе жизни готовы. „ Во всѣхъ же тѣхъ странствованіяхъ, то крѣпость младыхъ лѣтъ, то пріятнымъ товарищесmвомъ, то учеными разговорами, то ласкательною надеждою, тягостную нищету побѣждали, которая толь была велика, что ежечастно не того, въ чемъ многіе достатокъ имѣли, „ но самаго малаго избытка, которой у рѣдкихъ „ оставался, мы по бѣдности нашей жадничали.

„ Безъ сомнѣнія памятно тебѣ, что „ когда мы на корабляхъ Адріатическимъ „ заливомъ плыли въ Еллеспонтъ; то будучи „ долговременною бурею носимы, попались въ „ руки разбойническому начальнику, который, „ дабы мы скоряе заслужили себѣ свободу, „ чрезъ девять мѣсяцовъ держалъ насъ въ каторжныхъ гребцахъ на галерѣ; гдѣ не „ знаю, больше ли претерпѣли мы голоду, „ или переломали на хребтахъ своихъ палокъ.

„ Памятно думаю тебѣ, что когда „ Прузида, сильный Епирскій Король, годъ „ и два мѣсяца держалъ во осадѣ Родусъ; оба „ мы чрезъ десять мѣсяцовъ никакого болѣе

„ не

„не кушали мяса, кромѣ двухъ кошекъ, изъ „которыхъ одну достали за деньги, а другую украсть принуждены были.

„Не вышло чаю у тебя изъ памяти, „что во время пребыванія нашего въ Тарентѣ, когда звали насъ хозяева къ торжественному празднованію Діаны, въ который „день никому во храмъ ея входить не дозволялось, кромѣ тѣхъ, кои новое на себѣ „имѣли одѣяніе; мы днемъ туда итти отреклись по той причинѣ, что у тебя ветхое платье, а у меня распоротые сапоги „были.

„Помнишь также, что во время болѣзни нашей, которая дважды приключилася „намъ въ Капуѣ, мы никогда не пользовались „діетой; поелику недугъ оный не отъ сырости, но отъ слабости желудка заимствовалъ „свое начало; въ чемъ ни мало не солгалъ и „Ретронъ медикъ, который въ Академіи издѣваясь надъ нами, въ шутку: *я не надѣюсь дѣтки*, говорилъ, *чтобъ вы могли* „*умереть отъ запору*. Ибо тамъ, кромѣ „великой дороговизны съѣстныхъ припасовъ, „толикій имѣлся у насъ недостатокъ въ деньгахъ, что мы не по той причинѣ досыта „никогда не наѣдалися, яко бы не могли ѣсть, „но понеже больше не имѣли.

„Припомни сюе лѣто, когда былъ въ „Капуѣ великой голодъ, и по причинѣ коего „мы оба въ Александрійской походъ уѣхали; „тамъ то коликихъ мы въ заливѣ рѣки Те-

„ ребинты отвѣдали бѣдствій; по какимъ бро-
„ дили снѣгамъ въ пристаняхъ Гесперидскихъ;
„ въ какихъ утопали болотахъ по темнымъ
„ долинамъ; коликія понесли жестокости въ
„ лѣсахъ Лотофорскихъ; коликія превозмогали
„ быстроты рѣкъ; коль лютая въ зимнее вре-
„ мя стужа, и коль сильные лѣтомъ жары
„ насъ удручали; коль великимъ въ обозахъ
„ голодомъ, и коль пагубнымъ въ Арміи моро-
„ вымъ повѣтріемъ стѣснены были, наконецъ
„ всего тягостнѣе, коликія гоненія отъ чу-
„ жихъ, и коликую непріязнь отъ своихъ пре-
„ терпѣли: по истиннѣ, когда вспомню, и ны-
„ нѣ трепещетъ мое сердце.

„ Приведи себѣ на память отвѣтъ гада-
„ тельницы Флавіи, которая на вопросъ: въ
„ какомъ мы состояніи будемъ по окончаніи
„ наукъ? сказала намъ въ Неаполѣ, что нѣ-
„ когда я Императоромъ, а ты Королемъ бу-
„ дешь. Сей отвѣтъ мы такъ приняли, что
„ не токмо за насмѣшку, но и за прямое по-
„ чли безчестіе; и не дивно, что онъ обоихъ
„ насъ привелъ тогда въ изумленіе. Ибо пре-
„ вратная фортуна больше къ низверженію бо-
„ гатыхъ, нежели къ возвышенію бѣдныхъ
„ силы свои напрягаетъ.

„ Пріимижъ теперь знаменитый Государь,
„ въ разсужденіе величество боговъ, коловра-
„ тность фортуны и перемѣнчивость временъ!
„ Когда я имѣлъ руки облупленныя веслами у
„ морскаго разбойника на галерѣ, то кто могъ
„ помыслить, чтобъ Римскія Имперіи скипетръ
до-

„достался въ мою десницу? Когда страдалъ „я въ Капуѣ болѣзнію отъ недостатка пищи, „то кто могъ подумать, что въ нѣкоторое „время отъ изобилія ѣствъ немощь мнѣ при„ключаться будетъ? Ежели не имѣлъ я до„вольно и кошечьяго мяса къ насыщенію алч„бы, то кто бы повѣрилъ, что нѣкогда то„ликаго достигну изобилія, по причинѣ коего „и наилучшими кушаньями брезговать стану? „И уваживъ то время, въ которое я и во „храмъ войти не осмѣлился, распоротые са„поги имѣя, кто думалъ, что нѣкогда быть „мнѣ въ городъ на торжественной колесницѣ „везену, и на чужихъ раменахъ носиму.

„Наконецъ, кто могъ помыслить, чтобъ „удалось мнѣ въ Римѣ самою вещію видѣть „то глазами, что слышали уши мои отъ про„рицательной женщины въ Кампаніи? Сколь „многіе въ то время, когда мы оба находи„лися въ Азіи, съ упованіемъ на Римское Им„ператорство и Сицилійское Королевство по„сягали! однакожъ не токмо не достигли же„ланнаго ими достоинства, но еще и смерть „нечаянно ихъ предварила. Ибо гордымъ и „славолюбивымъ не рѣдко случается, что въ „самое то время, когда они наипаче процвѣ„таютъ, и счастливо начали сплетать вѣ„нецъ чести, не токмо оная связь, но и са„мой жизни ихъ нить прерываются мгно„венно.

„Ежелибъ въ тѣ поры спросилъ кто Лао„дикійскаго тиранна, старавшагося о полу-

„чени

„ченіи Сицилійской короны; и полюбопыт-
„ствовалъ отъ Консула Руфа Калва, который
„льстился на Скипетръ Имперіи Римской: ка-
„кова была ихъ надежда? То смѣло божусь,
„отвѣчали бы они съ клятвою, что оная бы-
„ла имъ столько извѣстна, сколько наша со-
„мнительна. Ибо суеумные и вѣтреные лю-
„ди тщетными помышленіями обыкновенно
„питаются. Удивительно по истиннѣ и достo-
„памятно, что хотя они честь ужè пе-
„редъ глазами и почти въ рукахъ имѣли, а
„намъ напротивъ того удостоиться ея и на
„мысль не всходило; счастіе однакожъ въ семъ
„случаѣ столько власти и силы своей употре-
„било, что дѣйствіемъ и повелѣніемъ его,
„нечаявшіе къ упованію ободрилися; а тѣ,
„кои въ твердой и несомнѣнной полагались
„надеждѣ, отчаяться принуждены были; не
„безъ крайняго ихъ въ томъ огорченія. Ибо
„никто не имѣетъ столь крѣпкаго въ тер-
„пѣніи постоянства, которомубъ сносно каза-
„лось видѣть другихъ, безъ труда получаю-
„щихъ то, чего онъ и неусыпнымъ попече-
„ніемъ своимъ не могъ достигнуть.

„Я не знаю, на которую преклониться
„сторону, съ простолюдинамиль Римскими
„приписывать все сіе произволенію счастливой
„судьбины; или согласно съ здравымъ разсу-
„жденіемъ Философовъ утверждать, что все
„отъ власти и управленія боговъ зависитъ.
„Понеже, вкратцѣ сказать, тамъ ничего
„судьба не сильна, гдѣ рука боговъ дѣйствуетъ.

„Пу-

„ Пускай гордые, сколько хотятЪ, трудятся;
„ пускай, сколько могутЪ, затѣваютЪ честолюбцы; я утверждаю, что напряженіе человѣческихЪ силЪ кЪ полученію господствованія вовсе безполезно, ежели немилостивы кЪ нимЪ боги. Но какЪ бы то ни было, противная ль судьба, или попущеніе милосердныхЪ боговЪ такЪ опредѣляетЪ; я вижу, что ежечасто смиренномудрствующіе восходятЪ на высоту счастія; и вопреки, высокомысленные почти всегда вЪ бѣдномЪ и подломЪ остаются жребіи. Ибо многимЪ весьма часто не вѣдомо какія грезятся государства, но послѣ, что они всякому рабы и невольники, пробудясь узнаваютЪ.

„ Не читывалЪ я, кажется, чтобЪ вЪ которой вещи такія обстоятельства происходили, какія честь вЪ себѣ заключаетЪ; чего ради имѣющимЪ сЪ нею дѣло крайняя потребна осторожность. Ибо честь такого свойства: она ищетЪ того, кто ее не знаетЪ; бесѣдуетЪ сЪ тѣмЪ, кто ее не слушаетЪ; обращается сЪ тѣмЪ, кто ее не видитЪ; гоняется за тѣмЪ, кто прочь отЪ нее убѣгаетЪ; прославляетЪ того, кто ее презираетЪ; нехотящаго желаетЪ; нетребующему идетЪ встрѣчу; и незнакомому себя ввѣряетЪ „. НаконецЪ главное дѣло чести, оставлять того, кто дорого ее цѣнитЪ, и обитать сЪ тѣмЪ, кто дешево ее ставитЪ.

„ Осторожные путешественники не о качествѣ того мѣста, куда идутЪ, но о пред-

„ ле-

„ лежащемъ до онаго пути испытуютъ; равнымъ образомъ и превосходныхъ дарованій „ мужи не должны вдругъ углублять взоръ „ свой на честь и славу, но токмо вперять „ оной къ добродѣтельному пути, во храмъ „ ея ведущему. Въ противномъ же случаѣ видимъ мы повседневно, что многіе впадаютъ „ въ безславіе чрезъ одно только то, что „ ищутъ славы; и вопреки, многіе чѣмъ больше оной убѣгаютъ, тѣмъ наипаче прославляются.

„ О свѣтъ тьмою помраченный! Ты вѣдаешь, что свойство твое мнѣ извѣстно! Но „ какимъ же я оное признаваю? Ты гробъ „ мертвыхъ, темница живыхъ, хранилище „ беззаконныхъ, мучитель добродѣтельныхъ, „ забвеніе прешедшихъ, гонитель настоящихъ, „ низверженіе славныхъ, возвышеніе подлыхъ, „ убѣжище странныхъ, и торжище скитающихся; словомъ: о свѣтъ! Ты утѣсненіе добрыхъ, осквернительная лужа нечестивыхъ, „ и общая всѣхъ кораблекрушительная пагуба. „ И такъ, дабы не солгать, о свѣтъ! не возможно статься, чтобъ и съ достоинствомъ „ и честію жилъ кто въ тебѣ спокойно и „ безпечально. Ибо ежели ты добродѣтельнымъ даешь славу, то ставятъ они себѣ „ ее за безчестіе, и честь твою вмѣняя въ „ смѣхъ, уничтожаютъ: когда же одаряешь „ ею беззаконныхъ и легкомысленныхъ, то „ допущеніемъ твоимъ получаютъ они чести

„ какъ чрезъ шутку и игрушку, дабы потомъ
„ прямое постигло ихъ безславіе.

„По сей причинѣ я самъ съ собою внутренно размышляю: Кто изъ двухъ вящшаго сожалѣнія достоинъ; человѣкъ злонравный, безъ всякихъ заслугъ на степень чести возведенный; или добродѣтельный, безъ малѣйшей винности низверженный и изгнанный? Во истинну, милосердой человѣкъ почтетъ обоихъ достойными соболѣзнованія. Ибо въ томъ сомнѣнія нѣтъ, что злонравному, доколѣ живъ, паденія миновать не можно; но то не извѣстно, прійдетъ ли добродѣтельный въ первое состояніе свое прежде смерти. Ежелибъ всѣ паденія одинаковы были, то возможнобъ ихъ и уврачевать однимъ и тѣмъ же средствомъ; но какъ одни упадаютъ на колѣни, другіе опрокидываются на локти, прочіе хотя и потыкаются, но не падаютъ; а иныхъ колеблющихся и къ паденію ужѐ наклонившихся помоществующая чья либо рука вскорѣ подъемлетъ, то есть, иные низпадая съ достоинствъ, кромѣ имѣнія, ничего болѣе не теряютъ; другіе такъ упадаютъ, что съ крайнею печалію пожитковъ и живота лишаются вмѣстѣ; иныхъ толь великое паденіе, что съ богатствомъ и жизнію погубляютъ купно и добрую славу, будучи гонимы толикою жестокостію и свирѣпствомъ фортуны, что естьли бы нашла у нихъ и больше, пожитилабъ и оное все непремѣнно.

„Уди-

„Удивительно мнѣ, что о поправленій
„нѣкоторой вещи боги ни мало не пекутся,
„сирѣчь: лишь только противная фортуна
„гоненіемъ своимъ начала крушить и испро-
„вергать какого нибудь бесчастнаго человѣ-
„ка; то не токмо лишаетъ всѣхъ вещей, ка-
„кія у него обрящетъ, но отнимаетъ и са-
„михъ тѣхъ пріятелей, которые ему помочь
„и могли и хотѣли, такъ что сему бѣдному
„чужое несчастіе паче собственнаго своего
„оплакивать должно. Однако между злоклю-
„ченіемъ добродѣтельныхъ, и слѣдствіемъ
„злочинныхъ людей есть великая разность:
„ибо о послѣднемъ изъ сихъ разумѣть дол-
„жно, что онъ не низходитъ только, но и
„низпадаетъ вмѣстѣ; а перьвый не низпа-
„даетъ, но токмо низходитъ. Ибо истин-
„ная слава не въ достоинствѣ, какое кто
„имѣетъ, но въ честной жизни, какую про-
„вождаетъ, заключается.

„Естьлижъ сіе такъ есть, по истиннѣ
„удивительно зрѣнію, какимъ образомъ сует-
„ные сего свѣта человѣки, ласкательную на-
„дежду къ пріобрѣтенію и полученію нѣко-
„торой вещи мысленно себѣ воображая, вста-
„ютъ на самой первой утренней зарѣ, и съ
„коликимъ терпѣніемъ не спятъ до глубокой
„ночи, чтобъ другихъ подстерегать, чтобъ
„многихъ утруждать, чтобъ всѣмъ кучить:
„но напослѣдокъ противо чаянія ихъ одинъ
„кто нибудь, который о томъ ни мало и не
„думалъ, спокойно и безпечально честь по-
„лу-

„лучаетъ; а они за великой трудъ, премно-
„гой потъ, и не малыя иждивенія въ безче-
„стіи и стыдѣ остаются. Ибо видывалъ я,
„что многія дѣла чрезъ лѣность, но гораздо
„множайшія чрезъ непомѣрное прилѣжаніе
„портятся и теряютъ свое дѣйство.

ГЛАВА ОСЬМАЯНАДЕСЯТЬ.

Императоръ продолжая письмо, совѣтуетъ Государямъ боговъ своихъ почитать со страхомъ; и между тѣмъ пересказываетъ учиненной Сенатомъ приговоръ на Короля, храмъ разорившаго.

„Все, что ни говорилъ я доселѣ, един-
„ственно ко обличенію Тебя, Пресвѣтлый Го-
„сударь, и ко уваженію гнусности Твоего по-
„грѣшенія относится. Ибо искусный врачь,
„для притупленія имѣющейся въ слабительномъ
„номъ лѣкарствѣ горести и противнаго вку-
„са, даетъ болящему отвѣдывать сладкое
„яблоко. Подана здѣсь въ Сенатѣ Февраля
„13 дня гораздо пространная о Твоемъ жи-
„тіи вѣдомость, которую прислалъ отпра-
„вленный для осмотру Сициліи Консулъ; какъ
„и Тебѣ не безъизвѣстно о древнѣйшемъ
„обыкновеніи, по которому на всякое третье
„лѣто подъ владѣніемъ Римской Имперіи на-
„ходящіяся провинціи пересматриваются. По-
„неже крайнѣ несправедливо поступилибъ Го-
„судари, естьли бы къ собиранію податей и
„доходовъ тщаливы, а въ изслѣдованіи, на-

„ блюдаетсяль къ подданнымъ правосудіе, не
„ радѣтельны были. Вся же сила, буде по-
„ мню, гласящаго о Тебѣ и житіи твоемъ Кон-
„ сульскаго доношенія въ томъ заключается,
„ что Ты въ пищѣ и питіи наблюдаешь тре-
„ звость и въ расходахъ умѣренность, являешь
„ ко вдовицамъ милосердіе, оказываешь себя
„ отцомъ сиротъ, съ Министрами поступаешь
„ пріятно и снисходительно, погрѣшающихъ
„ наказуешь съ кротостію, стараешся о со-
„ храненіи тишины и покоя, и ненарушимо
„ содержа договоры пребываешь въ вѣрности;
„ но при всемъ томъ одно въ Тебѣ порицанія
„ достойно, сирѣчь: крайнее въ почитаніи бо-
„ говъ небреженіе и слабость.

„ Какъ чрезъ одни маленькія ворота, еже-
„ ли отворенными непріятелю ихъ оставятъ,
„ воинствомъ и стѣнами укрѣпленный городъ
„ погибаетъ; какъ одно гнилое и зародышное
„ яйцо, смѣшанное съ пятьюдесятьми свѣ-
„ жихъ и неиспорченныхъ, всѣ оныя портитъ;
„ какъ одинъ противный поступокъ всѣ пре-
„ жнія, хотя и безчисленныя, услуги уничто-
„ жаетъ: такъ равнымъ образомъ, Пресвѣ-
„ тлый Государь, мало пользы, ежели кто
„ крайнѣ рачителенъ и неусыпенъ въ наблю-
„ деніи гражданской жизни и благочинія, да
„ забываетъ и оставляетъ притомъ Геройскія
„ и касающіяся до боговъ добродѣтели. По-
„ неже доброму Государю надлежитъ запереть
„ прежде входъ порокамъ, дабы подданные
„ спаслись отъ нападенія оныхъ, нежели об-
„ по-

„новлять и укрѣплять противо непріятелей „городскія стѣны. О семъ кто бы какого „мнѣнія ни былъ, нѣтъ мнѣ въ томъ ну„жды; а что касается до меня, то я всѣ добро„дѣтели того человѣка, который не почи„таетъ боговъ своихъ, за пороки вмѣнять „справедливостью признаваю; по предписанію „главнаго богословской Философіи правила, что „дѣло не въ разсужденіи лица дѣйствующаго, „но въ разсужденіи того, ежели богамъ благо„пріятно, заслуживаетъ имя добродѣтели.

„Развѣ не знаешь, Пресвѣтлый Государь, „что нѣтъ ни единаго толь разумнаго чело„вѣка, внѣ коего не оставалось бы ужѣ боль„шее количество разума, нежели сколько онъ „внутрь себя имѣетъ? Или не вѣдаешь, что „нѣтъ ни одного толь премудраго, который „бы не больше не зналъ, нежели знаетъ? „Или не извѣстно Тебѣ, что нѣтъ ни одно„го толь осторожнаго, который бы не въ боль„шомъ числѣ дѣлъ своихъ по незнанію оши„бался, нежели сколько по прозорливости дѣ„лаетъ безъ погрѣшенія? Или скрыто отъ „Тебя, что нѣтъ ни одного столь праведна„го, въ которомъ бы не имѣлось вящшаго не„достатка къ достиженію прямой справедли„вости? Нѣтъ, говорю, ни одной толь пре„восходной добродѣтели, котораябъ къ пря„мому совершенству своему не вящшаго тре„бовала совершенства, нежели каково имѣетъ. „Чего ради о даровании всякой правдѣ нашей „истиннаго совершенства Божеское правосудіе

 „умо-

„ умолять , и отъ преизбыточествующаго его „ совершенства великой въ добродѣтеляхъ нашъ „ недостатокъ наполнить должно.

„ Мы Римляне содержимъ сіе за правило, „ и всѣ Философы согласнаго о томъ мнѣнія, „ что здѣсь между смертными человѣками ни- „ чего отъ смертныхъ въ совершенство при- „ ведено быть не можетъ, естьли оно чрезъ „ боговъ и въ богахъ совершенства своего не „ получитъ. Ибо человѣки по слабости силъ „ своихъ могутъ ли что иное сдѣлать, кромѣ „ однихъ только погрѣшностей и ошибокъ. „ Когдажъ сіе такъ есть, то разумные Госу- „ дари и могутъ и долженствуютъ на про- „ ступки всѣхъ подданныхъ своихъ смотрѣть „ сквозь пальцы, выключая одни токмо про- „ стирающіяся къ безчестію боговъ, которыя, „ ежели бы возможно, надлежалобъ наказывать „ прежде, пока еще о томъ и думано не было. „ Ибо того не Государемъ, но тиранномъ име- „ новать должно, который только о отмщеніи „ своихъ обидъ печется, а о наказаніи учи- „ ненныхъ богамъ не радитъ ни мало.

„ Нѣтъ мнѣ нужды, какъ бы о томъ ни „ толковали; по моему мнѣнію каждаго Госу- „ даря, который распространенія ради царствъ „ и умноженія областей, причинилъ упадокъ „ и уменьшеніе въ божественномъ служеніи, „ не Государемъ законно и правосудно повелѣ- „ вающимъ, но тиранномъ мучительски сви- „ рѣпствующимъ называть должно. Ежели мы „ называемъ того тиранномъ, который опу-

„ сто-

„стошаетъ города, убиваетъ людей, гонитъ „невинныхъ, растлѣваетъ дѣвицъ, и разо„ряетъ царства; то подумай, Пресвѣтлый „Государь, что мѣшаетъ быть тиранномъ „тому Государю, который разрушаетъ хра„мы, не почитаетъ священныхъ лицъ и все„го хуже, ни во что ставитъ богослуженіе? „По истиннѣ, нѣтъ большаго тиранства, и „никому имя тиранна съ вящшею справедли„востію приписано быть не можетъ, какъ „державному Государю, или Князю боговъ сво„ихъ непочитающему. Ибо нѣтъ ни одного „беззаконія, или толь мерзскаго дѣла, кото„рагобъ не совершилъ тотъ, въ коемъ почи„таніе боговъ исчезло.

„Ликургъ славнѣйшій Лакедемонскій законо„давецъ, котораго привожу я здѣсь въ под„твержденіе словъ моихъ, между прочими за„конами предписалъ и то, что никому изъ „Лакедемонянъ отъ рукъ богамъ своимъ не„покланяющагося Государя подарковъ прини„мать не должно, потому, что все отъ рукъ „человѣческихъ, а не отъ боговъ происходя„щее, не токмо безполезно, но еще и крайнѣ „вредительно. О изрядной Государь! о сла„вной вѣкъ! о счастливое царство! въ кото„ромъ требовалось отъ Государей толь совер„шенной добродѣтели, что необходимо на„добно было имъ имѣть и къ раздаванію бо„гатствъ непорочность. Ибо тамъ все почи„талось зловреднымъ, чтобы ни взято было „отъ рукъ людей нечестивыхъ.

„ Дѣло, учиненное Тобою, Пресвѣтлый Го„сударь, толь собою мерзско и отвратитель„но, что я стыжусь и говорить объ ономъ; „сирѣчь: что ты для разширенія и пристрой„ки чертоговъ разорилъ предревній храмъ; „чего не должно было не токмо дѣлать, но „ниже помыслить. Понеже камни храмовъ „хотя бездушны и ничего не сильны, но боги, „коимъ оные отданы и посвящены, суть „многомощны. Съ позволенія твоего, Пре„свѣтлый Государь, говорю и увѣдомляю, что „ты пронзительною остротою сего поступка „привелъ меня въ крайнее изумленіе, раз„дражилъ весь городъ, и священному Сенату „нанесъ печаль и огорченіе; такъ что всѣ „согласно почитая Тебя крайнѣ продерзскимъ „человѣкомъ, скрыпятъ зубами, дабы нака„зало Небо Тебя жесточайшимъ образомъ; „чему ты удивляться не долженъ. Ибо Рим„ляне за подлинно разсуждаютъ, что тотъ „Государь худаго о богахъ мнѣнія, который „храмы ихъ разорить отважился.

„ А какъ Ты Государь благоразумной, и „притомъ старой мой пріятель, то употре„билъ я всѣ силы въ исходатайствованіи Тебѣ „отъ Сената прежняго благоволенія. Но по„неже ты ко оправданію въ учиненномъ то„бою преступленіи не имѣешь законныхъ „причинъ; то Сенатъ вину сію опредѣлилъ „не прощать до тѣхъ поръ, пока раскаянія „твоего ясныхъ не увидитъ знаковъ. Да и „не безъ справедливости: ибо нижнихъ чи-

„ новъ

„новѣ сердца ни чѣмѣ такѣ не огорчаются,
„какѣ естьли видятѣ они, что ихѣ наказы-
„ваютѣ, а вышніе и безѣ выговора остаются.

„И для того приговорилѣ Сенатѣ, чтобѣ
„Ты вѣ самоскорѣйшемѣ времени устроилѣ
„храмѣ, высотою, огромностью, красотою и
„великолѣпіемѣ перьваго превосходящій, и
„столькожѣ кѣ разширенію его изѣ собствен-
„ной дому твоего земли прибавилѣ, сколь-
„ко предѣ тѣмѣ у онаго на распростра-
„неніе чертоговѣ отнялѣ. По исполненіи сего,
„какѣ нынѣ всѣ тебя осуждаютѣ и злосло-
„вятѣ, такѣ вѣ то время почтенѣ будешь
„отѣ меня счастливымѣ и благополучнымѣ;
„по той причинѣ, что не ты у боговѣ, но
„боги у тебя часть дому твоего воспріяли.

„Разсуждая же, что едваль станетѣ у
„Тебя казны, требуемой на построеніе хра-
„ма, при семѣ вѣ помощь посылаю тебѣ со-
„рокѣ тысячь червонныхѣ; деньгижѣ, дабы
„тѣмѣ лучше содержалось сіе втайнѣ, от-
„правлены сѣ Секретаремѣ моимѣ П. Ани-
„ціемѣ, которому можешь ты во всемѣ по-
„вѣрить. Онѣ везетѣ Тебѣ и золотую цѣпь,
„даже отѣ рѣки Нила мнѣ привезенную,
„которая для меня гораздо тѣсна, а тебѣ,
„я думаю, очень будетѣ впору. На про-
„шедшихѣ дняхѣ приведено ко мнѣ изѣ Ис-
„паніи нѣсколько лошаковѣ, изѣ которыхѣ
„и Тебѣ двухѣ посылаю. Имѣетѣ и господинѣ
„Секретарь П. Аницій преизряднаго лошака,
„котораго онѣ столько любитѣ, что ни про-

„даетъ, ниже даетъ комулибо на ней „ѣздить. Премногобъ Ты меня утѣшилъ, „естьли бы приказалъ у его увесть, или ку- „пить, чтобъ онъ обратно въ Римъ безъ „него прiѣхалъ. Свидѣтельствуетъ Тебѣ по- „чтенiе Фавстина моя супруга. Равномѣрно „же и Пресвѣтлой Королевѣ твоей супругѣ „отдаемъ должное почтенiе наше, которой „Фавстина посылаетъ въ подарокъ попугаевъ. „Прости: Маркъ Императоръ Римской соб- „ственноручно.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯНАДЕСЯТЬ.

Въ какой чести между язычниками усердные почитатели боговъ находилися.

Съ начала въ Римѣ двѣсти сорокъ четыре года царствовали семь Королей, какъ о томъ древнiе Историки Римскiе повѣствуютъ; изъ коихъ вторый Нума Помпилiй за одно токмо ревностнѣйшее почитанiе боговъ паче прочихъ прославился. Ибо Римляне не меньше любили и почитали своихъ Государей за благоговѣнiе къ богамъ, какъ и за побѣдоносное надъ непрiятельми оружiе. Онъ толикую имѣлъ къ богамъ ревность, что посвятилъ имъ весь городъ; а себѣ внѣ онаго домъ устроилъ. Ибо древнiй законъ не позволялъ ни кому жить въ домахъ богамъ посвященныхъ.

Пятый Король Римскiй былъ Тарквинiй Прискъ, столь добродѣтеленъ и народу любезенъ, сколь злонравенъ и ненавистенъ Тарквинiй

вилій Супербъ или *гордой*. Сего хвалятъ, кромѣ прочихъ дѣлъ, за страхъ и почитаніе боговъ, и вседневное хожденіе во храмы. Онъ на площади Капитольской создалъ Юпитеру преславной храмъ, кромѣ множества прочихъ тогда имѣвшихся, которыхъ ему не довольно казалось. Ибо Римскому Государю строить себѣ домъ было невольно до тѣхъ поръ, пока онъ охранительнымъ городскимъ богамъ не поставилъ храма.

Впрочемъ толикое было онаго храма великолѣпіе и огромность, что Римляне подобнымъ образомъ какъ Юпитера признавали богомъ боговъ, такъ и храмъ оный почитали главою всѣхъ храмовъ.

Въ то время какъ Римляне имѣли войну съ Фалисцами и Капенатцами, побѣждены были два Римскіе Полководца; и когда одного изъ нихъ Кн. Генуція убили на сраженіи, то на побѣжденныхъ напалъ толикой страхъ, что многіе, оставя оружіе, въ Римъ возвратилися. Ибо побѣдители такое преимущество имѣютъ, что хотябъ ихъ было и не много, побѣжденнымъ однакожъ всегда кажутся страшны. Но Римляне, будучи мудрые и осторожные люди, для возстановленія сего урону, выбрали новыхъ Полководцовъ, за каковымъ разумнымъ ихъ поступкомъ счастливая послѣдовала удача. Ибо въ войнахъ при перемѣнѣ Полководцовъ, купно и счастіе доброе или противное измѣняется.

И такъ въ предводители къ продолженію той войны назначили М. Фурія Камилла, который хотя былъ храброй и мужественной Полководецъ, однако прежде отправленія своего въ Армію, принесъ великолѣпныя богамъ жертвы, и сверьхъ того обѣщалъ построить пребогатой храмъ, ежели съ побѣдой возвратится. Ибо Римскіе Полководцы по древнему обыкновенію, вступая въ важные походы, тотчасъ полагали обѣты сдѣлать въ Римѣ что нибудь достопамятное. Потомъ Камиллъ возвратясь побѣдителемъ, не токмо обѣщанной храмъ создалъ, но и всѣ полученныя имъ въ добычу на торжественной той побѣдѣ богатства во оной отдалъ; о чемъ когда нѣкоторые спорили и роптали, говоря, что Полководцы сердце свое богамъ посвящать, а деньги воинству раздѣлять должны, отвѣтствовалъ: „Я по человѣчеству просилъ отъ „боговъ единой побѣды, а они, яко боги, „многія мнѣ даровали; чего ради, ежели я „во обѣщаніяхъ былъ скупъ, оказать себя „во исполненіи оныхъ щедрымъ мнится мнѣ „справедливо. Понеже какъ я безпредѣльное „воздалъ имъ благодареніе за полученныя отъ „нихъ паче желанія моего многія щедроты; „такъ и имъ принесенныя мною сверьхъ „обѣщанія дары гораздо пріятнѣйшими будутъ.„

Когда жесточайшая война между Римлянами и Веентцами производилась; то Римляне цѣлые десять лѣтъ неотступно держали во осадѣ

осадѣ городъ Веентъ, и напослѣдокъ взяли оной подкопомъ. Ибо въ войнахъ часто употребляютъ тамъ хитрость, гдѣ по причинѣ крѣпкой обороны силою преодолѣть не можно. По взятьѣ же города отъ М. Фурія Диктатора, подъ предводительствомъ коего та война отправлялась, отданъ былъ чрезъ вѣстовыхъ приказъ не трогать людей безоружныхъ: что услыша всѣ бросили оружіе, и тѣмъ спаслась жизнь побѣжденныхъ. Примѣръ сей весьма достоинъ примѣчанія: ибо Полководцы, чѣмъ жесточае бываютъ въ то время, когда идетъ съ непріятелемъ дѣло о побѣдѣ, тѣмъ вящшее ужѐ побѣжденнымъ милосердіе являть должны.

Похвальнѣе сихъ слѣдующій тожъ Диктатора поступокъ, сирѣчь: что онъ не токмо не допустилъ грабить храмы и безчестить боговъ; но еще собственнолично божескіе дары, и самихъ боговъ, а наипаче Царицу Юнону, взялъ и отвезъ въ Римъ съ крайнимъ благоговѣніемъ. Ибо древніе такой законъ имѣли, что боги побѣжденныхъ, добычею побѣдоносныхъ Полководцовъ не почиталися. По возвращеніи же состроилъ Камиллъ на Авентинской горѣ великолѣпнѣйшій храмъ, и во ономъ тѣхъ боговъ со всѣми священными орудіями, какія съ нимъ привезены были, поставилъ. Понеже Римляне сколь торжественнѣйшую надъ непріятельми получали побѣду, столь лучшую богамъ ихъ выражали почесть.

Впро-

Впрочемъ, Римляне одержавъ многія побѣды, вознамѣрились сдѣлать превеликую и многоцѣнную золотую чашу и отвесть оную въ Дельфы въ даръ Аполлону. А поелику государственная казна имѣла тогда въ золотѣ недостатокъ, то Римскія Госпожи, посовѣтовавъ на единѣ между собою, на дѣланіе того подарка снесли весь свой золотой уборъ. Ибо Римскіе граждане деньгами никогда не оскудѣвали, естьли оныя на украшеніе боговъ, возобновленіе храмовъ, и на выкупъ плѣнныхъ потребны были. Сенату сіе такъ было пріятно, что за оное щедролюбіе выразилъ Госпожамъ Римскимъ трoякую честь, пожаловавъ вольностью, то есть: на головахъ носить вѣнцы, на публичныя игры ѣздить въ каретахъ, и на праздники боговъ ходить откровеннымъ образомъ; а прежде сего позволенія толь скромны были древнія Римлянки, что не носили на головахъ золота, и къ смотрѣнію публичныхъ позорищъ съ завѣшеннымъ лицемъ хаживали. Такому древнихъ Римлянъ съ женщинами поступку удивляться никто не долженъ. Ибо по правамъ Римскимъ за услуги многія и великія награжденія даваны, и преимущества жалованы были.

О другомъ достопамятномъ тогожъ времени приключеніи повѣствуетъ Ливій: когда Римляне отправили трехъ Посланниковъ Л. Валерія, Л. Сергія, и А. Манлія въ Дельфы съ подаркомъ и посѣщенія ради къ Аполлону, которому они на всякой годъ дары посылали,

взаимно получая отъ него совѣты; то оные посланные на пути не далече отъ Сицилійскаго залива, попали въ руки дѣлающимъ по морю разбой Липаританцамъ, кои плѣнивъ ихъ, купно съ сокровищемъ отвезли въ городъ Липару. Напротивъ чего жители той страны, имени Посланниковъ, дара, и бога, которому посвященъ, и самой причины подарка онаго устрашась, и опасаясь худыхъ слѣдствій, не точію съ возвращеніемъ всего освободили, но еще для обороны провожали ихъ своими кораблями въ Дельфы, а оттуда и въ Римъ поставили въ цѣлости. Симъ такъ довольны были Римляне, что жившихъ въ Римѣ знатной крови Липаританцовъ пожаловали Римскимъ Дворянствомъ, а прочимъ всѣмъ другами и союзниками быть опредѣлили, предписавъ притомъ, чтобъ во храмѣ Юпитеровомъ два Липаританскіе Жреца всегда находилися; какого преимущества кромѣ сихъ, никогда и никакимъ иностранцамъ дано не было. Понеже Римляне толикое имѣли къ богамъ своимъ усердіе, что кромѣ сѣдинами украшенныхъ гражданъ, или отмѣнною добродѣтелію сіяющихъ мужей, никому въ смотрѣніе и опеку храмовъ не ввѣряли.

Въ то время, когда К. Фабій и П. Декій противъ Самнитовъ, Етрусковъ и Умбровъ военныя пріуготовленія чинили, многія и страшныя въ Римѣ показались знаменія и чудовища, которыя не токмо зрящихъ, но и слышащихъ приводили въ ужасъ. Чего ради Рим-

Римляне, мужескъ и женскъ полъ, премногимъ и обильнымъ жертвоприношенiемъ денно и нощно боговъ умилостивляли, сказывая, что одиножды преклоня ихъ на милосердiе, ужѐ болѣе никакого паденiя на брани опасаться не должно. И поелику женщины тогда толпами молиться ходили; то по случаю для жертвованiя во храмъ богини Пудицицiи (сирѣчь цѣломудрiя) стеклось множество женъ Дворянскихъ. Ибо во время цвѣтущаго состоянiя Республики Римской женщины во храмахъ боговъ жертвоприношенiя творили. А какъ пришла туда и Виргинiя, дочь Авла, то помянутыя Госпожи вмѣстѣ съ собою жертвовать ее не допустили, по той причинѣ, что хотя и она была Дворянкажъ, но вышедъ въ замужство за Волумнiя Консула, который былъ изъ простолюдиновъ, право Дворянства своего потеряла. Ибо Дворянки такое имѣли преимущество въ Римѣ, что простолюдинки, въ разсужденiи ихъ, какъ невольницы презираемы были.

Преизрядная женщина Виргинiя, видя толикое надъ собою отъ Дворянокъ посмѣянiе, отдѣлила часть изъ собственнаго своего дому, сколько на устроенiе небольшаго жертвенника было довольно, и положивъ тамъ свою жертву, посвятила оную во имя Пудицицiи простолюдинской. Сiю нововымышленную отъ нее богиню равномѣрно, какъ и древнѣйшую Пудицицiю почитали, съ такою притомъ отмѣнностiю, что никакой женщинѣ, кромѣ однобрачныхъ и весьма постоянныхъ, жертвовать не

не дозволялось. Ибо счастіе толь перемѣнчиво что не рѣдко тѣ, кои съ гордостью намъ входъ къ себѣ возбраняли, скоро потомъ сами приходятъ въ домъ нашъ оказывать раболѣпныя услуги. Впрочемъ, Виргинія, основательница того жертвенника, въ толикомъ была почтеніи, что не токмо даже до кончины своей пользовалась достоинствомъ Римскаго Дворянства, но и по смерти въ честь ея поставлена была въ Капитоліи статуя, съ прибавленіемъ ко оной на Греческомъ языкѣ слѣдующей надписи:

Всякъ входящій здѣ воззри на лице Виргиніи, которая нынѣ по смерти обитаетъ въ жилищѣ боговъ за то, что сама въ жизни своей домъ богамъ даровала.

Предложенныя мною Исторіи хотя пространнѣе описаны у Ливія въ четвертой и десятой книгахъ; но для моего намѣренія и сего довольно. Ибо восхотѣлъ я не многіе сіи примѣры язычниковъ представить въ посрамленіе Государей, и во обличеніе Христіянъ, показывая тѣмъ, сколь оные въ почитаніи ложныхъ боговъ горячи и усердны были; и напротивъ того, коликую мы въ почитаніи единаго Величайшаго и истиннаго Бога оказываемъ холодность и нерадѣніе. Срамно сказать, что древніе Римляне тщетнымъ богамъ толь нелицемѣрно и въ правду служили; а Христіяне истинному Богу по большой части притворно и шутя служатъ. Ибо сыны сего вѣка не хотятъ никакого понесть труда, кромѣ

мѣ точїю для однихъ роскошей и забавъ тѣлесныхъ.

Подлинно, многїе дивятся и вопрошаютъ: „по какой причинѣ Богъ толикїя на нихъ изливалъ щедроты, естьли они ниже самомалѣйшаго угожденїя не дѣлали для Бога? Таковымъ во отвѣтъ сказать можно: „ежели бы „они истиннаго познали Бога, то принесли „бы ему одному всѣ тѣ, какїя многимъ приносили, жертвы: и такъ Богъ по своему правосудїю награждалъ ихъ временнымъ благополучїемъ, для того, что хотя они въ надлежащую цѣль и не умѣтили, попасть однакожъ въ нее желали. Ибо извѣстно намъ по Христїянству, что Богъ не настоящему наружному качеству нашему, но нелицемѣрному хотѣнїю, какими быть мы желаемъ, внемлетъ.

Удивляются Христїянскїе Государи, „для „чего Богъ не даетъ имъ такого счастїя, и „не помогаетъ столько, какъ въ древнїя времена язычникамъ? На сїе отвѣтствовать имъ можно: „что они добрые, или худые: „ежели добродѣтельны, то поистиннѣ много „бы ихъ обидилъ Богъ, творя толь худое и „несообразное усердїю ихъ воздаянїе. Ибо десятитысячное число дарованнаго на безконечное блаженство права, стоитъ несравненно вящшей цѣны, нежели сто тысячь преимуществъ къ житїю въ семъ плачевномъ удолїи. „Когда же Великїе Государи и Князи, будучи злонравны и звѣрскимъ заражены свирѣп-

„ствомъ,

„ ствомъ, не радятъ о порядочномъ управленіи
„ областей, не снабдѣваютъ покровитель-
„ ствомъ бѣдныхъ, вдовъ и сиротъ; ежели ни
„ о Богѣ, ни о святой церквѣ его не пекутся,
„ и паче всего, вконецъ забываютъ отдавать
„ должное почитаніе Богу, развѣ тогда толь-
„ ко, какъ постигнетъ ихъ крайняя бѣда и
„ опасность; буде, говорю, они такого сложе-
„ нія, что по достоинству Богъ ни слушать,
„ ни помогать имъ не хощетъ. Понеже изъ доброй воли и не за страхъ приносимое послушаніе безконечно Богу пріятнѣе, нежели то, которое извлекаетъ нужда.

ГЛАВА ДВАДЕСЯТАЯ.

Государи подданныхъ своихъ приличными Христіянину добродѣтельми и благочестіемъ для пяти причинъ превосходить должны.

Слѣдуя моему намѣренію, нахожу главныхъ пять причинъ, которыя къ храненію и соблюденію добродѣтели обязуютъ Государей. Я разумѣю подъ именемъ добродѣтели любовь и страхъ Божій, потому что добродѣтельнымъ тотъ только назваться можетъ, кто отъ церкви преданную вѣру, а притомъ страхъ и любовь Божію цѣло и нерушимо соблюдаетъ. И такъ ВО ПЕРВЫХЪ, должны Государи бояться и почитать единаго токмо, которому покланяются, Бога; вѣдая, что онъ одинъ есть, и кромѣ его на небеси и на земли нѣтъ никого вышшаго. Ибо изъ всего вещества нѣтъ ничего толь сильнаго, которое

бы всемогуществу и власти божеской не было подвержено. И по истиннѣ, ежели бы величайшій властитель, предъ которымъ во всемъ отвѣтъ дать должно, не подкрѣплялъ безперерывно своею благодатію сердецъ правящихъ царствами Государей, то пагуба душамъ ихъ всеминутно готова. „Ибо Государя многія стези ведутъ къ порокамъ, ежели разсуждаетъ „онъ, что за грѣхи наказывать его никто „не станетъ.

Прочетши многихъ и разныхъ авторовъ, не нашелъ я въ книгахъ ни единаго древнихъ временъ Государя, который бы довольствовался однимъ только Богомъ, и не желалъ имѣть многихъ; какъ то: Іулій Цесарь нашивалъ при себѣ маленькую дщицу, на которой намалевано было пять боговъ; великій Сципіонъ хаживалъ при клейнодѣ съ вычеканенными наономъ семью богами. Чтожъ остается сказать? когда оные не взирая на множество боговъ своихъ, каждому особо равное почитаніе и жертвы приносили; а Христіянскіе Государи, кромѣ единаго токмо истиннаго и Всемогущаго Бога, инаго не имѣя, угождать и отдавать ему должное поклоненіе и жертвы напротивъ того не стараются. Буде паче чаянія скажутъ они, что большаго труда стоитъ служить единому истинному Богу, нежели всѣмъ ложнымъ; я отвѣтствую, что язычникамъ тягостно было служить своимъ истуканамъ; но служить нашему Богу облегчительное есть бремя: имъ служить, великихъ стоило иждивеній, а нашему Богу служить,

есть

есть безмѣрной прибытокъ и польза; для того что оные божки требовали многихъ и великолѣпныхъ жертвъ; а нашъ Богъ, кромѣ непорочной совѣсти и святости сердечныхъ желаній, не взыскуетъ отъ насъ ничего больше.

ВО ВТОРЫХЪ, Государи свойственными Христіянину добродѣтельми всѣхъ превышать должны для того, что въ вящшемъ противо всѣхъ количествѣ имѣютъ то, чего лишиться могутъ: слѣдовательно, имѣющій большее число, нежели всѣ, такихъ вещей, кои потерять можетъ, паче всѣхъ прочихъ и Богу служить обязанъ. Понеже какъ одинъ токмо Богъ силенъ даровать благая, такъ кромѣ самаго его отнимать и возвращать оныхъ другой никто не можетъ. По истиннѣ Государи въ разсужденіи Бога суть такъ, какъ подданные въ разсужденіи самихъ Государей. Ежели подданный потеряетъ какую вещь, или насиліемъ у него что отъимутъ; то о возвращеніи и наградѣ того убытка проситъ Государя, которому служитъ. Но самому Государю въ печали и утѣсненіи, отъ другаго Государя или сильнѣйшаго тиранна ему причиняемомъ, нѣкого больше просить о помощи, какъ точію милосерднѣйшаго своего Бога. Ибо сильнаго отъ обидъ никто, кромѣ другой сильный же, защитить не можетъ. Того ради надлежитъ разсуждать Государямъ, что какъ широкое разстояніе перепрыгнуть желающій сперьва собираетъ силы, стремительно разбѣгаясь издали; такъ равнымъ образомъ

и Государю, который хочетъ, чтобъ во время злоключеній его пребылъ Богъ къ нему милосердымъ, напередъ стараться должно смиреннымъ сердцемъ и усерднымъ служеніемъ снискивать себѣ его милость. Ибо неразумно призывать того на помощь, коему никогда мы почтенія и послушанія не оказали сами.

ТРЕТІЕ, Государи пресущественнѣйшими Христіянинами быть должны; что докажутъ они, помогая бѣднымъ, защищая обидимыхъ, посѣщая страннопріимницы, ходя въ церковь, и съ благоговѣніемъ слушая божественное служеніе. Ибо не за то только, что сами они такія творятъ добродѣтели, воспріимутъ награду, но еще сверьхъ сего получатъ славу для того, что примѣромъ ихъ возбудясь и другіе тоже станутъ дѣлать. Естьли же Государи не почитаютъ Бога, и святаго закона его не соблюдаютъ; то отъ того происходитъ, что и подданные въ царствахъ ихъ худыми бываютъ Христіянами. Ибо отъ горькаго ключа проистекающіе ручьи, сладки быть не могутъ. Изъ опыта намъ извѣстно, что лошадь поворачиваютъ уздою, корабль правятъ рулемъ, и жерновой камень отъ веретена кружится; подобнымъ образомъ доброй или худой Государь все царство какъ будто вкругъ обращаетъ, такъ что ежели Государи покланяются Богу, покланяются и всѣ; когда они Богу усердно служатъ, служатъ и всѣ; ежели они хвалятъ Бога, хвалятъ и всѣ; ежели они хулятъ и безчестятъ Бога, тожъ самое и всѣ

дѣла-

дѣлаютъ. Ибо не возможно статься, чтобъ дерево природѣ своей и содержимому въ корени соку плоды и цвѣты несообразные проращало. Государи передъ прочими снабдѣны тѣмъ преимуществомъ, что будучи сами собою добрые Христіяне, не за собственныя токмо свои, но и за многія постороннія дѣла, къ совершенію которыхъ другимъ давали поводъ, возмездіе получатъ; напротивъ же того беззаконные не за свои токмо, но и за всѣ по примѣру худыхъ дѣлъ ихъ учиненныя другими злодѣйства, наказанія не избѣгнутъ.

Сколь мнѣ желательно, о Государи! обрѣтающіеся въ сей жизни, чтобъ вы съ какимъ либо ужѐ умершимъ, и наипаче изъ числа вѣчному пламню осужденныхъ, поговорили Государемъ! увидѣлибъ вы, по истиннѣ, и услышалибъ, что они не за самоличныя дѣла, но наипаче за тѣ беззаконія, къ совершенію которыхъ другимъ давали поводъ, жесточайшую претерпѣваютъ муку. Ибо великіе Государи и Князи покрывая и преходя небреженіемъ чужія злодѣйства, пуще нежели сами то дѣлая, согрѣшаютъ. О коль неусыпно Монархи и Князи въ словахъ остерегаться, и съ коликимъ прилѣжаніемъ каждое дѣло свое уважать и вѣсить должны! понеже они не только сами собою, но и всѣми дѣлами подданныхъ своихъ Богу служатъ; и вопреки: не точію сами собою, но и всѣмъ тѣмъ грѣшатъ и раздражаютъ Бога, чѣмъ подданные ихъ царства грѣшатъ и прогнѣвляютъ. Ибо жесточайшаго на-

наказанія достоинъ пастухъ, за нерадѣніемъ коего стадо волкъ расхищаетъ и снѣдаетъ.

ЧЕТВЕРТОЕ, Христіянскіе Государи должны прочихъ превосходить въ добродѣтели для того, что они самому Богу о своемъ начальствѣ отвѣтствовать будутъ. Того ради, поколику извѣстнѣе намъ, что Богъ есть правосуденъ, который востребуетъ у насъ отвѣта, потолику съ вящшимъ попеченіемъ о предъуготовленіи себѣ милости его стараться должны; дабы, ежели какой порокъ въ житіи нашемъ обрящетъ, (какъ и самимъ дѣломъ найдетъ) милосердіемъ и человѣколюбіемъ своимъ прикрыть и загладить оной соблагоизволилъ. Подлинно въ жизни сей человѣки съ подобнымижъ себѣ человѣками дѣлаютъ расчеты, которые согласныль съ правдою, или нѣтъ, по человѣчеству однакожъ великодушно между человѣками принимать должно. Но что послѣдуетъ съ бесчастными Государями, необходимо имѣющими дать отчетъ предъ Богомъ, котораго ни словами обмануть, ни взятками подкупить, ни угроженіемъ устрашить, ни прозьбою умолить, ни оправданіемъ на милость преклонить тогда будетъ не возможно.

Въ царствахъ своихъ Государи учреждаютъ строгихъ судей, кои присматриваютъ и наказуютъ въ народѣ пороки; имѣютъ въ розыскныхъ приказахъ адвокатовъ, кои изобличаютъ учиненныя противо ихъ преступленія; держатъ при себѣ фискаловъ и шпіоновъ, которые ихъ о чужомъ житіи увѣдомляютъ;

имѣ-

имѣютъ при дворахъ своихъ казначеевъ, которые смотрятъ за всѣми государственными доходами; но при всемъ томъ, чего ради не воспоминаютъ они того ужаснаго дня, въ которой наистрожайше о безчинномъ житіи ихъ испытаютъ?

По моему мнѣнію, Государи, яко все пріемлющіе отъ руки Божіей, не безъ справедливости, кажется, все оное во славу Божію употреблять, и всякое дѣло съ его благословеніемъ начинать должны; вѣдая, что не передъ другимъ кѣмъ либо, но предъ самимъ Богомъ о житіи своемъ отвѣтствовать будутъ. И какъ они устроены въ лицѣ и подобіи боговъ, то неоспоримая справедливость требуетъ, дабы они высокаго ради достоинства и власти, какія въ временномъ семъ мірѣ имѣютъ, паче прочихъ добродѣтельми уподоблялися Богу. Ибо Государь одолѣвшій два токмо порока, несравненно большее въ геройской похвалѣ имѣетъ первенство, нежели тотъ, который десять царствъ покоряетъ. Но пускай они дѣлаютъ по своей волѣ, мы еще просить ихъ станемъ, чтобъ они не богами земными, но добрыми въ обществѣ человѣками были. Ибо вся похвала Государей въ томъ заключается, чтобъ они противъ чужестранныхъ весьма храбры, а къ подданнымъ своимъ ни мало неспесивы были.

ПЯТОЕ, Государи Христіянскими добродѣтельми другихъ предварять должны; поелику они дара сего, чтобъ быть любимыми,

или ненавистными, счастливыми, или бесчастными, не отъ кого либо инаго, но отъ единаго токмо Бога ожидать могутъ. Ибо неоднократно видѣть мнѣ случилось, что Государи, кои всю надежду полагали въ помощи и покровительствѣ иныхъ Государей, тѣмъ наипаче богомъ оставлены были: напротивъ того тѣ, кои на Бога, а не на подобныхъ себѣ человѣковъ уповали, не токмо отъ Бога, но купно и отъ человѣкъ получали заступленіе и помощь. Часто и наипаче въ самое то время, когда на парусы счастія ихъ подуваетъ вѣтерокъ человѣческаго благопріятства, думается имъ, что оное плыветъ благополучно; но по недовѣдомымъ судьбамъ Божіимъ сей ихъ корабль пріостановляетъ нечаемая помѣха, такъ что пріятели и други ихъ помочь имъ хотя бы и могли и хотѣли, воля однакожъ Божія тому противится, сирѣчь: дабы узнали они, что не въ силахъ и попеченіи человѣческомъ, но отъ промысла Божескаго спасеніе зависитъ.

Слова мои почерпаютъ твердость изъ слѣдующаго примѣра: что Государь, будучи обладателемъ единаго токмо царства, ничего воономъ безъ своего вѣдома дѣлать не дозволяетъ. А поелику Богъ царствуетъ на небеси подобнымъ образомъ, какъ Государи на земли; то яко сущій всея твари владыка, и всего вещества конецъ, непремѣнно хощетъ, дабы и воля его во всемъ наблюдалась, и начатки всѣхъ вещей и дѣлъ къ одному ему были относимы.

О когдабъ вы Государи уразумѣли, коль маловажна человѣческая злоба! и ежелибъ познали, коль нужна вамъ милость божія! клянусь именемъ Его, не молвилибъ вы и шутя противо человѣкъ ни единаго празднаго слова, но денно и ночно проливали бы непрестанныя ко Богу молитвы! Понеже Богъ вящшее помогать намъ имѣетъ хотѣніе и скорость, нежели съ каковымъ мы тщаніемъ Его призываемъ. НАПОСЛѢДОКЪ, какую бы человѣки ни дѣлали вамъ оборону и помощь, могутъ однакожъ оную разрушить другіе человѣки; но подаваемому отъ Бога защищенію, ни человѣки, ни иной Богъ воспротивиться не можетъ.

Много получившіе, и многимъ обладающіе, отъ сильнѣйшихъ покровительство снискивать себѣ должны. Когдажъ сіе такъ есть, то пусть вѣдаютъ Государи, что всѣхъ купно человѣковъ силы, одинъ Богъ могуществомъ своимъ превосходитъ безконечно. Понеже и ревъ львиной больше, нежели волчей вой устрашаетъ. Неспорно, въ состояніи иногда великіе Государи и Князи получить многое пріобрѣтеніе; но пусть скажутъ мнѣ, какую они къ сохраненію того имѣютъ оборону? Часто видимъ мы, что въ короткое время знаменитыя и пространныя устрояются государства, коихъ однакожъ ни разумъ управлять, ни силы человѣческія сохранить не могутъ. Ибо Римляне ту вольность, которую пріобрѣли они черезъ шесть сотъ лѣтъ, воюя съ Готами

ми въ три года потеряли. Повседневные научаютъ насъ опыты, что всякой человѣкъ къ управленію своего дому требуетъ совѣта у пріятелей и сосѣдей; и толикія ли царства и области однимъ токмо своимъ тщаніемъ и разумомъ державные Государи и Князи думаютъ возможно управить?

ГЛАВА ДВАТЦАТЬ ПЕРЬВАЯ.

Кто былъ Віантъ; о постоянствѣ его по потеряніи всѣхъ имѣній; такожъ говоренная рѣчь къ тѣмъ, кои въ несчастіи его утѣшали; и наконецъ, достойнѣйшихъ примѣчанія десять правилъ, которыя онъ оставилъ Государямъ.

Изъ всѣхъ народовъ и языковъ, пріятное обхожденіе съ мудрыми людьми имѣвшихъ, были Греки, которые съ отмѣною передъ прочими славнѣйшихъ Философовъ не токмо содержали въ училищахъ ученія ради, но и на царской престолъ для правленія и обороны государствъ возводили.

Ибо въ тѣ времена, по словамъ Платона, во оныхъ царствахъ или Философы Государями, или Государи Философами были, какъ Лаерцій во второй книгѣ о древностяхъ Греческихъ повѣствуетъ. Греки за превеликую честь себѣ вмѣняютъ, что изъ всего рода человѣческаго у нихъ токмо многія знатныя лица и рѣдкости, какъ то: семь премудрѣйшихъ женъ, семь цѣломудреннѣйшихъ Царицъ, семь добродѣтельнѣйшихъ Царей, семь храбрѣйшихъ

шихъ Полководцовъ, семь знатнѣйшихъ городовъ, семь великолѣпнѣйшихъ зданій, и семь ученѣйшихъ Философовъ, имѣлись. Философыжъ у нихъ были слѣдующіе: *Ѳалетъ*, который прежде всѣхъ нашелъ звѣзду, (называемую Урса Миноръ, или меньшая медвѣдица), и оную назначилъ ко употребленію плавающимъ по морю; *Солонъ* Саламинскій, который первой Аѳинянамъ предписалъ законы; *Хилонъ*, который отъ Аѳинянъ ѣздилъ Посломъ въ восточныя государства; *Питтакъ*, который не точію Философомъ, но и Полководцемъ былъ у Митиленянъ; *Клеопулъ*, который отъ древняго Геркулесова происходилъ потомства; *Періандръ*, который долго правительствовалъ въ Коринѳѣ, и *Віантъ* Пріенейскій, который владѣтелемъ былъ у Пріенейцовъ.

О семъ Віантѣ, въ согласіе моего намѣренія, предлагаю къ знанію слѣдующее: во время царствованія въ Римѣ Ромула, и въ Іудеѣ Езекіи, по произшествіи между Мантинейцами и Пріенейцами жестокой войны, былъ Віантъ вдругъ Философомъ, Княземъ и Полководцемъ; онъ по своей учености, въ училищахъ преподавалъ науки; за храбрость и мужество, отправлялъ на войнѣ званіе Полководца; и наконецъ въ разсужденіи премудрости, правительствовалъ городомъ: чему никто удивляться не долженъ. Ибо въ то время Философы крайнѣ рачительны къ добродѣтелямъ были, такъ что всякаго ученаго человѣка, кото-

торый къ одному только дѣлу имѣлъ способность, ни вочто вмѣняли.

Впрочемъ, Пріенейцы и Мантинейцы по многимъ и различнымъ сраженіямъ, жестокую и кровопролитную напослѣдокъ учинили битву, на которой былъ Віантъ и Полководцемъ и побѣдителемъ. Таковымъ побѣдоносным сраженіемъ, которое въ первой разъ подъ предводительствомъ Философскимъ произведено, Греція премного хвалилась, видя, что Философы ея не меньшее счастіе во оружіяхъ, какъ и сладкорѣчіе въ языкахъ имѣютъ. Когда же послѣ сраженія случайно привели къ нему многихъ взятыхъ въ полонъ дѣвицъ, дабы онъ по обыкновенію ихъ продалъ, и полученныя за нихъ деньги употребилъ на свои надобности; то онъ наблюдая скромность и воздержаніе, не точію не продалъ, ниже растлилъ ихъ, но еще наградя одѣяніями, даровалъ имъ свободу, и безъ всякой обиды отпустилъ каждую во свое отечество: которая добродѣтель щедротъ и цѣломудрія, чтобъ свобождать плѣнныхъ и нерастлѣвать дѣвицъ, по истиннѣ драгоцѣнна. Ибо многіе побѣдители, силою своего оружія побѣжденныхъ преодолѣвшіе, сами отъ пороковъ и роскошей побѣжденнаго ими народа погибли.

Поступокъ сей толико прославляемъ былъ отъ Грековъ, и толь благопріятенъ показался Мантинейцамъ, что они въ тужъ минуту отправили посольство просить у Пріенейцовъ мира, которой между ими и заключенъ былъ

вѣчно съ тѣмъ условіемъ, чтобъ для безсмертной о томъ памяти поставить статую Віанту, коего пщаніе, или лучше сказать добродѣтель, междоусобную ихъ войну прекратила; и по истиннѣ сдѣлали они сіе разумно. Ибо тотъ, которой привлекая непріятельскія сердца въ свою любовь и дружбу, миръ пріобрѣтаетъ, вящшей похвалы достоинъ; нежели въ поляхъ мучительскимъ пролитіемъ крови ихъ получающій побѣду. Храбрые мужи имѣютъ и должны имѣть сердца великодушныя; и мы повседневно видимъ, что ласковымъ обхожденіемъ и благосклонностью удобнѣе одинъ многихъ побѣждаетъ, нежели гордостію и свирѣпствомъ многіе одного преодолѣть могутъ. По сей то причинѣ Северъ Императоръ часто говаривалъ: „Ежели я доброй, „то всякой въ Римѣ и маленькой отрокъ во„лоскомъ меня привязавши поведетъ, куда „ни захочетъ; буде же злонравной, то и всѣ „Италіянскіе богатыри собравшись вмѣстѣ „меня не подвигнутъ. Ибо сердце мое лу„чше желаетъ раболѣпствовать добродѣтель„нымъ, нежели господствовать надъ беззакон„ными.

По повѣствованію Валерія Максима, нѣкогда Пріеней городъ взяли и расхитили непріятели, такъ что въ семъ случаѣ убита Віантова жена, въ плѣнъ отведены дѣти, разграблены имѣнія, разорено отечество, напослѣдокъ сожженъ домъ его; и по лишеніи всего того Віантъ спасши токмо животъ свой, убѣ-

убѣжалъ въ Аѳины. Въ такой горестной судьбинѣ будучи сей Философъ, не токмо не показалъ нималѣйшаго знака печали, но еще идучи воспѣвалъ веселыя пѣсни. А какъ тому всѣ безмѣрно удивлялися, то говорилъ онъ имъ слѣдующее:

РѢЧЬ ВІАНТОВА.

„Не вѣдаютъ тѣ свойства фортуны, и „не зная въ Философіи вкуса неправо объ оной „разсуждаютъ, кои говорятъ, что о лише„ніи отечества, жены, дѣтей, дому и всего „именія мнѣ печалиться должно, такъ аки „бы собственное свое нѣчто я утратилъ. Ибо „лишенія дѣтей и богатства урономъ назы„вать не должно, естьли безъ всякаго по„врежденія жизнь въ цѣлости остается. За„глянемъ мы во внутренность сего дѣла, да„бы увидѣть тамъ истинну словъ моихъ. „Ежели правосудные боги въ непріязненныя „безчеловѣчныхъ мучителей руки предали сей „городъ, то попущеніе ихъ весьма справедли„во. Ибо ничто такъ съ правдою несогласно, „какъ сія необходимость, по которой свирѣп„ства немилосердыхъ тирановъ вкушать тѣ „достойны, кои полѣзнѣйшихъ мудрыми людь„ми предписываемыхъ не вкушаютъ наставле„ній. Ежели непріятели умертвили жену „мою; я вѣдаю, что сіе сдѣлалось не безъ „воли боговъ, которые еще въ самую ту ми„нуту, какъ раждается человѣкъ, предѣлъ „жизни каждому назначаютъ. Для чегожъ

„мнѣ

„ мнѣ рыдать о ея смерти, естьли боги такой въ жизни ей конецъ начертали? Истинно, смерть незапною, и животъ безвременно и незрѣло похищающею кажется намъ по той причинѣ, что мы очень дорого жизнь свою ставимъ. Но болтаютъ сіе напрасно легкомысленные человѣки: ибо, что посѣщаетъ насъ смерть, и противъ воли человѣческой жизнь насъ сама оставляетъ, такъ опредѣляютъ боги. Сыновьяжъ мои хотя обрѣтаются нынѣ въ рукахъ мучительскихъ, но поелику они суть добродѣтельные Философы, плѣнниками ихъ для того называть не должно. Ибо не въ кандалы заклепанный, но пороками обремененный, плѣнникомъ почитается.

„ О сгорѣвшемъ отъ огня домѣ также не надобно мнѣ плакать. Ибо онъ былъ ветхой, вѣтеръ ужѐ срывалъ съ кровли доски, брусья въ потолокѣ источены червями, и вода стѣны и основанія его подмывала, такъ что я опасался, дабы иногда упадши развалинами своими не задавилъ меня незапно. Понеже зависть, злоба и ветхой домъ обыкновенно на нечающихъ упадаютъ. И такъ пришедъ огненная стихія доброту свою изъявила трояким образомъ: первое, что избавила отъ заботы починивать оной; второе, спасла отъ требуемаго на разборку его иждивенія; третье и послѣднее, что имѣвшіе быть о наслѣдствѣ его споры предварительно истребила. часто въ тяж-

„ бѣ

„бѣ за наслѣдство маленькаго домика бывают толикіе убытки, что за оные огромной и великолѣпной домъ возможнобъ было выстроить.

„Напослѣдокъ, ежели сказываютъ, что у меня отняты пожитки; поелику я, какъ нынѣ самая вещь свидѣтельствуетъ, не имѣю даровъ фортуны: съ ума сошли тѣ, кои такъ говорятъ и разсуждаютъ. Ибо фортуна временныхъ благихъ не отдаетъ никому во вѣчность, но токмо нѣкоторымъ до толь, пака ей угодно, въ сохраненіе поручаетъ. А какъ только примѣтитъ, что тѣ попечители добръ ея поступаютъ съ ними какъ наслѣдники; то въ самое то время, когда они наипаче ласкаютъ себя неотъемлемымъ владѣніемъ богатства, похитивъ у нихъ къ другому переноситъ. И для того не имѣю я справедливой причины жаловаться, будто бы утратилъ нѣчто собственное. Понеже зловредныя богатства счастіе отдало другому, но терпѣніе и Философія при мнѣ остаются, и я сложивъ чужое бремя, ни о комъ болѣе, кромѣ самого себя, не пекуся.

Лаерцій въ пятой книгѣ о Греческихъ витіеватыхъ словахъ повѣствуетъ, что на Олимпійскія игры, къ коимъ всея вселенныя народы охотно съѣжжались, прибывъ Віантъ, толикими знаками доказалъ тамъ свое остроуміе, что предпочли его всѣмъ бывшимъ тогда въ присутствіи Философамъ, и совершеннаго

наго Философа честь ему приписали. Во время же пребыванія его на тѣхъ играхъ, прочіе Философы къ рѣшенію предложили ему многія о разныхъ матеріяхъ задачи, изъ которыхъ я отобравъ самыя лучшія и важнѣйшія здѣсь сообщить имѣю.

Задачи предложенныя Віанту.

Когда спросили его: „кто бесчастнѣйшій въ семъ бѣдственномъ мірѣ? Отвѣтствовалъ: въ свѣтѣ бесчастнѣйшій есть „тотъ, который несчастія сносить не можетъ. Ибо не злоключенія умерщвляютъ „человѣка, но собственная наша нетерпѣливость, какую мы въ несчастіи имѣемъ.

Вопрошающимъ: что всего досаднѣе разсуждать между человѣками? Нѣтъ ничего, „отвѣчалъ онъ, къ разсужденію досаднѣйшаго, какъ промежъ двухъ друговъ разбирать „ссору.„ Ибо судящему изъ двухъ междоусобствующихъ враговъ будетъ одинъ другомъ; напротивъ же того изъ двухъ пріятелей крайнимъ врагомъ одинъ сдѣлаться можетъ.

На вопросъ: какая вещь труднѣйшая „есть къ размѣренію? Нѣтъ ни одной изъ „всѣхъ вещей, отвѣтствовалъ онъ, котораябъ „къ размѣренію своему требовала толь совершеннаго прилѣжанія, какъ время. Ибо съ „толикою тщаливостію время размѣрять должно, чтобъ какъ разумъ къ творенію добрыхъ дѣлъ не имѣлъ въ немъ недостатка,

„ такъ напротивъ того и развращенной волѣ
„ ни мало онаго для злодѣянія не оставалося.

Когда спрашивали его: „ какая бы то
„ вещь была, въ совершеніи которой нѣтъ
„ мѣста отговоркѣ, чтобъ не исполнить? „
Обѣщаніе, сказалъ онъ. Ибо люди, имѣющіе
стыдъ и благородныя сердца, все, что ни
обѣщаютъ изъ доброй воли, необходимо исполнить
должны; въ противномъ же случаѣ понесъ
бы вящшій вредъ и убытокъ тотъ, который
нарушилъ вѣрность словъ своихъ, нежели
утратившій обѣщанное.

Будучи вопрошенъ: „ о какой вещи равно-
„ мѣрно добрые и злые люди крайнее попече-
„ ніе имѣть должны? Отвѣтствовалъ: ра-
„ внаго всѣмъ смертнымъ тщанія ни о чемъ
„ прилагать не слѣдуетъ, какъ о снисканіи
„ добрыхъ совѣтовъ и совѣтниковъ. „ Понеже
безъ подпоры зрѣлаго ума людей и здравыхъ
совѣтовъ, ни счастія въ цѣлости сохранить,
ни во время злоключенія множеству враговъ
воспротивиться никакъ не можно.

На предложенной запросъ: „ въ которомъ
„ дѣлѣ человѣку медлить похвально бываетъ?
„ Въ одной только вещи, говорилъ онъ, то
„ есть, въ выборѣ друговъ людямъ медли-
„ тельными быть позволено. „ Ибо какъ очень
не скоро надобно выбирать друга, такъ и
никогда во все оставлять его не должно.

Напослѣдокъ любопытствующимъ: „ какая
„ вещь бѣдному паче всего желательнѣе? Пере-
„ мѣна счастія, говорилъ онъ. „ Потомъ
на

на другой вопросъ: „Что больше всего тре-
„вожитъ, и бояться заставляетъ счастливаго
„человѣка? Помышленіе о перемѣнчивости
„счастія, отвѣтствовалъ.„ Понеже бѣдной,
по перемѣнѣ счастія, надѣется получить нѣ-
которую долю онаго; но пребывающій въ благо-
получіи, отъ той же самой перемѣны въ
счастіи, опасается своего упадка.

О всемъ томъ на Олимпійскихъ играхъ
былъ вопрошаемъ, и отвѣтствовалъ Віантъ
въ шесдесятую Олимпіаду. Жилъ девяносто
пять лѣтъ; и когда приближался къ смерти,
то Пріенейцы о лишеніи толикаго мужа являя
крайнюю печаль, просили его неотступно,
дабы доставилъ имъ такіе законы, помощію
которыхъ они въ преемники по немъ могли
выбрать Полководцемъ и Княземъ достойнаго
человѣка; что услыша Віантъ, въ краткости
предписалъ имъ слѣдующія правила, о кото-
рыхъ также и о самомъ издателѣ оныхъ
Віантѣ Платонъ въ книгѣ законовъ, и Ари-
стотель въ своей экономіи упоминаютъ.

Законы Пріенейцамъ отъ Віанта данные.

„Никого въ Князи надъ всѣмъ народомъ
„избирать не должно, ежели онъ по крайней
„мѣрѣ сорока лѣтъ отъ рожденія не имѣетъ.„
Ибо правителямъ народа надлежитъ быть въ
сихъ лѣтахъ непремѣнно; дабы какъ мла-
дшія лѣта и недовольное искуство ошибаться
въ дѣлахъ не подавали имъ причины; такъ
равнымъ образомъ и старѣйшій возрастъ, съ

слабостью сопряженный, въ понесенiи трудовъ не былъ для нихъ препятствомъ.

„Правителемъ народа никто поставляемъ да не будетъ, ежели согласными голосами весь народъ о добродѣтельномъ его житiи не засвидѣтельствуетъ. Ибо никогда надлежащаго повиновенiя отдавать тому не станутъ, котораго всѣ почитаютъ беззаконнымъ.

„Да не избирается никто въ Прiенейскiе Князи, ежели совершенно Греческому языку и знанiямъ обученъ не будетъ.„ Ибо нѣтъ ничего для общества зловреднѣе, какъ правитель мудрости и разума лишенный.

„Княземъ въ Прiенеѣ да не будетъ избранъ никто, ежели по крайней мѣрѣ десять лѣтъ не обращался въ военной службѣ.„ Ибо тотъ только вожделѣнной миръ и тишину хранить умѣетъ, который собственнымъ опытомъ позналъ существо трудовъ военныхъ.

„Правителемъ народнымъ того избирать не должно, который примѣченъ будетъ въ явномъ жестокосердiи и свирѣпствѣ.„ Ибо статься не возможно, чтобъ утѣшающiйся лютостiю, не сдѣлался напослѣдокъ прямымъ тиранномъ.

„Прiенейскiй правитель, который дерзнулъ нарушить три древнiе народные законы, да отрѣшится отъ правленiя, и изъ города изверженъ да будетъ., Ибо нѣтъ ничего пагубнѣе для общества, какъ изобрѣтенiе

теніе новыхъ законовъ, и нарушеніе старыхъ полезныхъ обычаевъ.

„Пріенейскому Князю для содержанія „определенные доходы надлежитъ платить „исправно; ежелижъ въ домѣ его расходы „положенную дань превышать будутъ, та„кой немедлѣнно отъ правленія общества да „отрѣшится.„ Ибо имѣющему не большой достатокъ, но много расточающему Государю, необходимо слѣдуетъ или погубить царство, или перемѣниться въ тиранна.

„Пріенейскій Князь безсмертныхъ боговъ „усерднымъ почитателемъ, и величайшимъ „священныхъ храмовъ ихъ покровителемъ „быть долженъ.„ Въ противномъ же случаѣ отъ такого Государя, который боговъ не почитаетъ, подданные надлежащаго правосудія и добраго правленія ожидать не могутъ.

„Пріенейскій Князь, для завладѣнія чу„жихъ царствъ, войну всчинать не долженъ, „довольствуясь оставленною себѣ отъ пред„ковъ областію; будеже онъ противное сему „затѣетъ, то ни деньгами, ни самъ собою, „вспоможеніе ему чинить и за нимъ слѣдо„вать никто да не дерзаетъ.„ Ибо Аполлонъ въ совѣтахъ своихъ гласитъ, что у похищающаго чужое, боги и собственное его отъемлютъ.

„Пріенейскій правитель всякую седмицу „по дважды на моленіе богамъ ходить, и „храмы посѣщать долженъ; а инако не то„чію отъ правленія да отрѣшится, но и по

„ смерти обыкновеннаго погребенія лишенъ да „ будетъ. „ Ибо умершій Государь, который боговъ не почиталъ въ своей жизни, какъ самъ почтенія и похвалъ, такъ и трупъ его чести погребенія не достоинъ.

ГЛАВА ДВАТЦАТЬ ВТОРАЯ.

Богъ отъ сотворенія міра человѣческой родъ всегда за злодѣянія наказывалъ, а наипаче мстилъ разоряющимъ церковь его Государямъ; и всѣ беззаконные Христіяне ни что иное суть, какъ подвластные рабы ада.

Безначальный и Безконечный Творецъ, который всемогуществомъ и премудростію своею размѣряетъ всяческая, въ то самое время, когда изъ ничего всѣхъ тварей небесныхъ и земныхъ, видимыхъ и невидимыхъ, тѣлесныхъ и безплодныхъ, вещество устроилъ и привелъ въ бытіе, не токмо добрымъ своимъ рабамъ обѣщалъ награду, но и жесточайшія на неповинующихся ему изрекъ наказанія. Ибо правосудіе и милосердіе Божіе въ равномъ степени всегда обращаются; такъ что хотя съ одной стороны милосердіе праведныхъ пріемлетъ, но однакожъ съ другой правосудіе его угрожаетъ беззаконнымъ. Истинна сія всѣмъ извѣстна: ибо какъ одинъ точію былъ Богъ, и создалъ одинъ міръ, и во всемъ мірѣ былъ одинъ рай, и воономъ одинъ источникъ, и при источникѣ одинъ мужъ, и съ мужемъ одна токмо жена, и съ женою одинъ змѣй, и подлѣ змѣя одно за-

заповѣданное древо; то коль ужасно было тогда смотрѣть, и коль нынѣ удивительно сказать, что въ самой тотъ день, когда строеніе міра совершилось, Богъ въ земномъ Едемѣ и висѣлицу и мечь поставилъ. Висѣлица была запрещенное древо, за снѣдь коего прародители наши осуждены были. Мечь же та казнь, отъ которой мы бѣдные потомки ихъ даже до сего времени страждемъ. Ибо они самою вещію вкусили незрѣлой плодъ преступленія, а мы на зубахъ своихъ и до днесь оскомину наказанія чувствуемъ.

Я о томъ говорить не стану, коими судьбами Богъ всемогуществомъ своимъ возводитъ упадшее; премудростію наставляетъ на путь заблуждшее; по воли своей умолчеваетъ множество беззаконій; по неизреченной милости своей прощаетъ согрѣшившимъ; блистаніемъ своимъ просвѣщаетъ потемненное; правотою своею направляетъ сокрушенное; и по многимъ щедротамъ своимъ награждаетъ паче достоинства; но токмо скажу, и нѣсколько изъясню здѣсь пространнѣе, какимъ образомъ правосудіе Всевышняго Бога враждующихъ съ нимъ, и милости его незаслужившихъ наказуетъ. О коль безпечальными надлежитъ быть вѣрнымъ рабамъ твоимъ, Господи, за малое учиненное тебѣ угожденіе, премногую и изобильную имѣющимъ воспріять отъ десницы твоей награду! и напротивъ того, въ коликомъ сѣтованіи баззаконные жизнь свою провождать должны, вѣдая, что за многія зло-

злодѣйства, назначенныя тобою страшныя и лютыя постигнутъ ихъ казни!

Хотя же Богъ равнымъ образомъ, какъ добродѣтелей по благости и милосердію безъ награды, такъ и злыхъ дѣлъ по своему правосудію безъ наказанія не оставляетъ; вѣдать однакожъ должно, что онъ изливаетъ ярость свою, паче всѣхъ, на то беззаконіе, которое къ безчестію и нарушенію святой православной вѣры простирается. Ибо Христосъ отъ гонителей своея церкви равномѣрно, какъ и отъ тѣхъ, кои тѣло его терзали, признаетъ себя обидимымъ.

Исторіи гласятъ, что въ древнія времена славныхъ Государей и знаменитыхъ мужей наказывалъ Богъ многими и достопамятнѣйшими казньми. Но ни въ какомъ дѣлѣ наказывающая рука Божія съ толь тяжкимъ и жестокимъ не поступала размахомъ, какъ въ наказаніи тѣхъ, кои проклятыхъ обожая истукановъ, священные разоряли храмы. Ибо въ жизни отъ православной Христіянской вѣры отложиться и при смерти о Божіемъ милосердіи отчаяваться, два сіи грѣха суть противъ Бога тяжчайшіе. О когдабъ мы, при помощи и благодати Божіей, толь усердно исповѣдывали предъ нимъ грѣхи свои, сколь неоспоримую наказывать насъ за оные имѣетъ Богъ справедливость; то непремѣннобъ жизнь свою напослѣдокъ исправили, и не токмо совершенное за всѣпрешедшія беззаконія проще-

щенiе, но и милость въ будущемъ вѣкѣ получилибъ отъ него несомнѣнно!

Взирая на одну вещь, не могу довольно надивиться нашему во оной постоянству и слабости, то есть, въ случаѣ преступленiй и винъ своихъ почитаемъ мы себя (такъ сказать) гражданами сего свѣта, извиняясь, что къ дѣланiю того природная склонность насъ побуждаетъ; но въ покаянiи и удовлетворенiи за оныя перемѣняемъ ужѐ то имя и называемся странствующими пришельцами; согрѣшая сирѣчь, одобряемъ грѣхи свои, и отъ должнаго за то наказанiя себя оправдаемъ. Неспорно, беззаконные, попущенiемъ недовѣдомыхъ судебъ Божiихъ за собственные ихъ грѣхи, могутъ иногда употреблять жизнь сiю по своей волѣ и прихотѣнiю; но пусть повѣрятъ мнѣ, что въ самое то время, когда ниже думаютъ они, противъ воли своей лишатся жизни. Ибо прелести и утѣхи вѣка сего толь непостоянны, что чуть только еще начинаемъ мы вкушать ихъ, и онѣ ужѐ изъ глазъ нашихъ изчезаютъ.

Не ложное, и опытами добродѣтельныхъ и беззаконныхъ людей засвидѣтельствованное есть правило, что по природному вдохновенiю болѣе ко изобилiю, нежели къ недостатку желанiе наше простирается; а того самаго, что намъ всевождѣлѣнно, съ крайнимъ прилѣжанiемъ ищемъ, прилѣжно же искомаго съ трудомъ достигаемъ; съ трудами прiобрѣтеннымъ прiятно владѣемъ; прiятно вла-

дѣемаго лишаемся съ крайнимъ соболѣзнованіемъ; и утраченное съ крайней печалію оплакиваемъ непрестанно. Ибо очи, въ слезахъ утопающія, суть неоспоримые свидѣтели сердецъ оскорбленныхъ. „ Для высокопарныхъ „ мыслей и трусливыхъ сердецъ всеминутно „ мучащая тоска, непрерывно терзающая до„ сада, и непрестанно грызущій червь, есть „ помышленіе, представляющее человѣку, что „ будетъ нѣкогда время, въ которое надобно „ ему лишиться всеприятнѣйшей жизни, коей „ нѣтъ ничего любезнѣе въ свѣтѣ, и неминуе„ мо должно вкусить страшной смерти, ко„ торой нѣтъ ничего горестнѣе и ненави„ стнѣе.

Но да приступлю ко утвержденію моего предмета; всѣ Государи, ежели неизвѣстно имъ, изъ сего понимать должны, что какъ божественной промыслъ безъ всякихъ заслугъ ихъ возвелъ на высоту достоинства и чести, такъ равно испровергнетъ ихъ паки страшное правосудіе Божіе, ежели они за толикое благодѣяніе его неблагодарны пребудутъ. Понеже неблагодарность за полученное благодѣяніе, къ полученію онаго впредь дѣлаетъ человѣка недостойнымъ. Слѣдовательно, чѣмъ множайшія кто паче прочихъ воспріялъ благодѣянія, тѣмъ жесточае за злоупотребленіе оныхъ будетъ наказанъ.

Всѣ мудрые мужи, ежели только прострутъ мысленной взоръ свой, и углубивъ сердце въ дѣла Божія вникнутъ, примѣтятъ

по истиннѣ, что Богъ часто нить своихъ казней отъ тѣхъ грѣховъ, которыхъ мы ужѐ вовсе забыли, начинаетъ. Ибо тайные и ужѐ забвенію преданные грѣхи наши, по примѣру беззаконій кровію обагренныхъ, всегда вопіютъ предъ престоломъ Божескаго правосудія, и требуютъ намъ явнаго наказанія. Въ семъ то обстоятельствѣ, говорю, и самый Государь, на верьхъ человѣческаго счастія возведенный, не вящшую, какъ и бѣдненькой крестьянинъ, въ малой и безобразной деревушкѣ убого живущій, безопасность и свободу имѣетъ. Да еще и гораздо чаще, какъ изъ опытовъ явствуетъ, нечаянные и страшные громы и молніи, минуя малыя храмины, во мгновеніи ока кичащіяся до небесъ поражаютъ и спрокидываютъ башни. Въ семъ то состоитъ святая воля его и непремѣнное хотѣніе, дабы, чѣмъ выше кто предъ другими возведенъ десницей его, тѣмъ вящше, нежели прочіе, превознесенный человѣкъ познавалъ своего Господа и Владыку. Понеже Богъ не для того устроилъ высокіе скиптры и державы, чтобъ правящіе оными Государи жили другихъ роскошнѣе, и звѣрскія могли совершать беззаконія; но дабы съ горячнѣйшимъ усердіемъ и больше, нежели прочіе, ему служить и воздавать почитаніе, тѣмъ лучшій случай и способъ имѣли.

И такъ, каждый Государь, который не будетъ истиннымъ Христіяниномъ и ревностнымъ любителемъ православныя вѣры, кото-

торый, говорю, святые разоряетъ храмы, и не радитъ отдавать Богу честь и поклоненіе, безъ малѣйшаго сомнѣнія пусть вѣдаетъ, что не токмо въ сей жизни безславія не избѣгнетъ, но и въ грядущей вѣчности спасеніе души своея погубитъ. Ибо всѣ беззаконные Христіяне, что иное суть, какъ токмо подвластные рабы ада.?

ГЛАВА ДВАТЦАТЬ ТРЕТІЯ.

Авторъ въ доказательство приводитъ двенатцать примѣровъ, гласящихъ, коль жестоко наказаны были Государи, разорители священныхъ храмовъ.

1. О КАЗНИ ПОСТИГШЕЙ СЫНОВЪ ААРОНОВЫХЪ.

Хотя продолжаемыя доселѣ разсужденія и слова мои довольно могутъ сами собою подавать наставленіе, однакожъ необходимость требуетъ, оставя оныя, къ твердѣйшему доказательству многія и достопамятныя предложить Исторіи. Ибо человѣческія сердца удобнѣе малымъ числомъ примѣровъ, нежели многими словами преклоняются.

Въ десятой главѣ книги Левитъ, называемой у Евреянъ Ваикро, повѣствуется, что въ одно и то же время, когда Моисей, зять священника Мадіамскаго Іеѳрона, верьховную Княжескую имѣлъ власть надъ всѣмъ Симовымъ потомствомъ, купно съ нимъ родной его и прокаженной Маріи братъ Ааронъ отправлялъ

званіе великаго Архіерея. Ибо во всѣхъ данныхъ отъ Бога законахъ, всегда предостерегаемо было, чтобъ одинъ гражданскими, а другой священными и божественными дѣлами управляли. Имѣлъ же оный первосвященникъ у себя двухъ сыновей, Надава и Авію, юношъ мудростію, мужествомъ и красотою одаренныхъ, кои даже изъ отроческихъ лѣтъ въ обыкновенныхъ жертвоприношеніяхъ отцу помогали. Ибо въ ветхомъ завѣтѣ, какъ самимъ священникамъ имѣть женъ и дѣтей, такъ и сыновьямъ ихъ отцовскую должность заступать, и наслѣдниками священства по нихъ быть дозволялось.

Когда же оба сіи юноши, облекшись свѣтлыми одеждами, и имѣя на чреслахъ своихъ другія препоясанія, и на главахъ вѣнцы, держали въ одной рукѣ кадильницу, а въ другой благовонныя куренія, и облѣнясь на зажженіе оныхъ развесть новой огонь, какъ то дѣлать издревле повелѣно было закономъ, коснулися набрать горящихъ угольевъ отъ огня имъ запрещеннаго; тутъ-то какая сдѣлалась бѣда! ужасно зрѣнію! Предъ лицемъ всего народа, никому же зла чающу, незапно устремился на нихъ пламень, и повергши обоихъ сихъ юношъ на землю бездушныхъ, печальнымъ образомъ окончилъ приношеніе жертвы. По истиннѣ строжайшее, но весьма справедливое осужденіе! Понеже достойны были тѣ лишиться жизни, кои чужаго коснулись дерзновенно. Я не спорю, что оба оные Жрецы тяжко согрѣшили,

есть-

естьли толь строго наказаны; однакожъ смѣло говорю, что тѣ грѣшатъ пуще, кои имѣя душу беззаконіями оскверненную, священнодѣйствуютъ, или пріобщаются тѣлу и крови Христовой, нежели коснувшіеся огню чужому. Истинна сія извѣстна: ибо юноши, наглою смертію отъ Бога потребленные, спасли души свои, однимъ токмо тѣломъ наказаніе воспріяли; но симъ бѣднымъ и несчастнымъ людямъ попускаетъ Богъ пользоваться цѣлостію жизни для того, что душъ ихъ вѣчная ожидаетъ погибель.

2. О КАЗНИ АЗОТЯНЪ.

Во время небытія уже Царя въ Палестинѣ, правилъ онымъ царствомъ нѣкоторый сѣдинами украшенный мужъ, имѣвшій у себя двухъ славныхъ сыновей Гофна и Финея. Ибо правительствовали тогда во Израилѣ не Цари, которые его утѣсняли, но мудрые и храбрые мужи, кои наблюдали правосудіе. Когда же Азотяне, воинственной и весьма храброй народъ Арапской, воздвигли брань на Израиля, то Израильтяне на мѣсто ополченія привезли ковчегъ завѣта; что въ тѣ поры такъ было важно, какъ бы нынѣ кто святыя тайны, одолѣнія ради непріятеля, принесъ съ собою на сраженіе. Однакъ сіе предпріятіе ихъ толь было неудачливо, что Израильтяне не токмо побѣду проиграли, но сверьхъ того и ковчегъ, всѣхъ оставшихъ святынь драгоцѣннѣйшій, утратили. По избіеніи же Израильтянъ три-

тцати тысячь, и разграблении обозовъ ихъ, Азотяне Божественной ковчегъ, наполненной священными останками, взяли въ плѣнъ, и отвезши въ городъ Азотъ, поставили въ капищѣ передъ проклятымъ идоломъ своимъ Дагономъ.

Но силою истиннаго Бога, который не хощетъ, дабы ложное божество самому ему, или вещи его изображающей равнялось, въ ту же самую ночь истуканъ Дагоновъ, хотя онаго никто не трогалъ и не касался, палъ и въ мѣлкія рассыпался части. Ибо всемогущество Божіе есть толь велико, что ко исполненію правосудія своего не требуетъ человѣческой помощи. Не довольствуясь же Богъ однимъ испроверженіемъ и сокрушеніемъ идола, восхотѣлъ еще наказать и почитателей онаго; чего ради Азотяне, Аккалониты, Гетейцы, Аккарониты и Газеи, обитатели предревнихъ и знаменитыхъ пяти городовъ, мужеска пола весь народъ почечуйною болѣзнію такъ уязвлены были, что ни сидя вкушать пищу, ни на коняхъ путешествовать имъ было не возможно. А дабы всякъ могъ узнать важность грѣха изъ строгости претерпѣваемаго ими за оной наказанія; по повелѣнію Божескаго правосудія, всѣ домы, всѣ улицы, всѣ вертограды, всѣ житницы, и посѣянной хлѣбъ, всѣ чертоги, и наконецъ всѣ поля ихъ наполнились множествомъ мышей, которыя все изгрызали.

Сугубо они грѣшили, обожая вымышленныхъ истукановъ, и оставляя истиннаго Бога; на-

напротивъ чего и Богъ восхотѣлъ отмстить имъ сугубымъ злоключеніемъ, сирѣчь, навелъ на нихъ болѣзнь, дабы тѣла ихъ страдали, и послалъ въ жилища мышей, дабы богатства ихъ истощили. Понеже, кто самохотно душу свою діяволу предалъ, у того противъ желанія одни токмо богатства отнять Богу не довольно.

Ежелижъ сіе такъ есть, то вопрошаю: чей грѣхъ тягостнѣе, Азотянъ ли, поставившихъ ковчегъ завѣта въ капищѣ, яко святѣйшемъ и честнѣйшемъ по ихъ разсужденію мѣстѣ; или Христіянъ, кои отложа страхъ Божій, сокровища церковныя похищаютъ, и на мирскія надобности иждиваютъ? По истиннѣ, колико суевѣріе Азотянъ разнствуетъ отъ Христіянскаго благочестія, толико важность грѣха ихъ отъ тягости беззаконія сихъ послѣднихъ отстоитъ далече. Ибо они согрѣшили, не вѣруя, что ковчегъ былъ изображеніемъ истиннаго Бога; а мы и вѣруя и исповѣдуя Бога истиннаго, толь многими беззаконіями прогнѣвлять его не стыдимся. Сей толь необыкновенной родъ наказанія явно доказываетъ, что великіе Государи и Князи не токмо признавать Бога, яко владыку своего, но и все посвященное ему съ благоговѣніемъ почитать должны. Ибо и человѣческіе законы, гласящіе о должномъ почтеніи Государю, какъ того, кто разоряетъ или грабитъ царскіе чертоги, такъ и дерзнувшаго на царскую жизнь поднять свои руки, равномѣрной присуждаютъ казни.

3. О КАЗНИ ЮСИИ.

Повѣствуется въ шестой главѣ книги вторыхъ царствъ, сыномъ Елкановымъ писанныхъ, что когда Израильскій Кіотъ съ священными остатками, сирѣчь, не многимъ числомъ Манны, Аароновомъ жезломъ, и двумя каменными скрыжальми находился въ храминахъ Авинадава Габайскаго гражданина; то вознамѣрился сынъ Исавовъ, единодержавный того времени во всемъ Израили Царь, взявъ оные оттуда, въ столичномъ своемъ городѣ и царскихъ поставить чертогахъ. Ибо крайнѣ казалось ему недостойно, что онъ будучи смертный Государь, даже до избытка домъ имѣетъ; а Богъ безсмертный Царь, и на сохраненіе святынь своихъ лишается храма. Когда же приспѣлъ день пренесенія, въ которой назначено было тѣ остатки изъ Габаи перевесть въ Виѳлеемъ; то приложась къ Царю притцать тысячь Израильскаго народа и всѣ царства того Вельможи, какъ для вящшей славы охранительнаго провожанія священныхъ остатковъ, такъ и для умноженія Царской свиты слѣдовали за онымъ. Кромѣ того сѣхались туда и многіе иностранцы: ибо на толикія позорища обыкновенно большее число самохотныхъ, нежели званныхъ смотрителей стекается.

Когда же всѣ старѣйшины въ провожаніи шли пѣши, воспѣвалъ весь народъ, и самъ Царь скакалъ и плясалъ; то запнулось нѣсколько колесо подъ священными тѣми остатками, за ко-

торое какъ только ухватилъ Іосія, поддерживая плечомъ своимъ колесницу, дабы оная не опрокинулась, нечаянно предъ лицемъ всего народа палъ бездушенъ. На сей, по истиннѣ страшной образецъ казни Божіей со вниманіемъ взирать надлежитъ. Ибо ежели онъ за одно только прикосновеніе къ колесницѣ, да и то поддерживанія ради, дабы не опрокинулась, смертію наказанъ; то ни одному уже Государю, который способствуетъ разорять святые храмы, продолженія жизни отъ Бога уповать не должно. Ежели Іосія употребя толикое усердіе лишился жизни; то скажите мнѣ великіе Государи и Князи, чего вы надѣетесь, толикимъ нерадѣніемъ своимъ попуская разореніе церькви? Паки вопрошаю васъ предержащіе Государи и Князи: ежели Іосія толикаго достоинъ былъ наказанія за непочтительное поддерживаніе падающаго ковчега; то коликая васъ казнь ожидаетъ, что вы болѣе по злоправію, нежели по невѣдѣнію своему попускаете, слѣдственно и помогаете разорять церьковь?

4. О КАЗНИ ЦАРЯ ВАЛТАЗАРА.

Когда Персидскій и Мидскій Царь Дарій держалъ во осадѣ Вавилонъ, древнѣйшій Халдейской городъ, царствовалъ тогда во ономъ Валтазаръ, сынъ Великаго Навуходоносора, толь беззаконной извергъ, что тѣло умершаго отца своего приказалъ изрубить въ триста штукъ, и толикомужъ числу соколамъ повергнуть

гнуть на снѣденіе, опасаясь, дабы отецъ паче чаянія воскресши изъ мертвыхъ, не лишилъ его царской державы. Я не знаю, откуду толикое безуміе у отцовъ, что трудятся о оставленіи дѣтямъ своимъ роскошей и богатства, естьли тѣхъ самихъ птицъ утробы, коими сынъ веселился на охотѣ, пожравъ отца, были для него печальными и безчеловѣчными гробами.

Находясь же Валтазаръ во оной осадѣ, вздумалъ нѣкоторою ночью для всѣхъ царства своего Князей, Вельможъ и славнѣйшихъ Полководцовъ, пришедшихъ къ нему на помощь, знатной учредить пиръ, дѣлая сіе съ особливою хитростію, сирѣчь: дабы окружившіе городъ Персіяне и Мидяне усмотрѣли, сколь онъ много ту стѣснительную ихъ осаду презираетъ: какъ то знаменитые и великодушные мужи посреди многихъ бѣдъ и опасностей обыкновенно стараются вымышлять увеселенія, дабы тѣмъ ободрить сердца своихъ подчиненныхъ; и напротивъ того устраша непріятелей, мужество ихъ уничтожить.

Подобное сему гласятъ Исторіи о Епирскомъ Царѣ Пиррѣ Великомъ, который въ Тарентѣ отъ Римскаго Полководца Курія Дентата будучи въ крѣпчайшей заключенъ осадѣ, говорилъ своимъ Полководцамъ: „Не унывайте, друзья мои, коихъ малодушія я еще „никогда не примѣтилъ; ежели Римляне „окружили тѣла наши, то мы вкругъ сердецъ „ихъ ополчаемся. Повѣрьте, я такого сложе-

„нія, что чѣмъ вящше отъ человѣкъ стѣ-
„сненъ бываю, тѣмъ ширѣ и свободнѣе ра-
„спространяется духъ мой. Не довольно се-
„го, я еще говорю и утверждаю, что хотя
„Римляне испровергли стѣны, но сердца на-
„ши остаются не подвижны. И хотя ужѐ,
„для прикрытія отъ нихъ, нѣтъ у насъ
„стѣнъ болѣе; докажемъ однакожъ мы Римля-
„намъ, что трудняе имъ преодолѣть Грече-
„скія сердца, нежели Тарентскіе сокрушить
„камни.„

Впрочемъ, Валтазаръ по окончаніи вечер-
няго стола, которой продолжался до глубокой
ночи, о пріуготовленномъ по его нраву и вкусу
пированіи веселясь чрезмѣрно, и отъ изобиль-
наго питья не гораздо будучи трезвъ, прика-
залъ изъ сокровищницъ своихъ взять и на столъ
поставить серебреные стаканы и золотыя ча-
ши, для потчиванія ими наложницъ и про-
чихъ гостей, съ тѣмъ единственно намѣре-
ніемъ, дабы Князья и Полководцы усерднѣе
претерпѣвали осаду, и обороняли своего Царя,
обогащеннаго толикими сокровищами, коими
онъ за труды ихъ награждать въ состояніи
будетъ. Ибо, правду сказать, ни что такъ
сильно къ трудамъ не поощряетъ, какъ по-
ложенное предъ очами награжденіе.

Когда же изъ тѣхъ сосудовъ, которые по-
пущеніемъ Божіимъ за грѣхи народа изъ Іеру-
салимскаго храма Навуходоносоръ похитилъ, съ
крайнею пріятностію всѣ гости пили; вдругъ
безъ тѣла и безъ плеча появилась на стѣнѣ че-

ловѣческая рука, перстами слѣдующія слова начертавшая: МЕНЕ, ТЕЦЕЛЬ, ФАРЕСЪ; которыя заключали въ себѣ такой разумъ: „въ книгу жизни твоей, Царю Валтазаре, „вникнулъ Богъ, и узрѣлъ совершенную и пре„восходящую верьхъ главы твою злобу. Онъ „на вѣсахъ тебя и все царство твое прика„залъ вѣсить, и обрѣлъ великой въ васъ къ „справедливому вѣсу недостатокъ. Сего ради „повелѣваетъ, да отъимется у тебя за грѣхи „животъ твой, и царство твое въ руки Ми„дянамъ и Персіянамъ, врагамъ твоимъ да „предано будетъ.„ Да и не тщетно было сіе видѣніе, и не продолжилась изреченная имъ казнь; но въ ту же самую ночь взятъ непріятельми городъ, убитъ Царь Валтазаръ, погибло царство, разграблены сокровища, отсѣчены наложницамъ головы, отведены въ плѣнъ Князи и Вельможи, и всѣ порабощены Халдейцы.

Теперь вопрошаю: ежели Валтазаръ за одно только потчиваніе священными сосудами друзей своихъ и наложницъ толь жестоко наказанъ, то коликаго наказанія достойны Государи и первосвященники, которые ограбивъ церьковныя сокровища, на свѣтскія употребляютъ нужды? Валтазаръ, сколько золъ и развращенъ ни былъ, однакожъ не передѣлалъ, ниже подарилъ кому либо, ни продалъ, ни заложилъ тѣхъ Ветхозаконныя Израильскія церькви священныхъ сосудовъ. Чтожъ намъ сказать должно о Государяхъ и священнодѣйствующихъ

ющихъ лицахъ, которые безъ всякаго стыда и совѣсти церьковныя имѣнія похищаютъ? Гораздо меньшій грѣхъ мнѣ кажется, дать наложницѣ пить изъ священной чаши, нежели чрезъ искупъ (что многіе нынѣ дѣлаютъ) внійти въ церьковь. Ибо оный тираннъ безуміемъ паче, нежели сребролюбіемъ преодолѣнъ былъ; но сихъ, до коихъ слова мои касаются, безуміе, сребролюбіе, и святокупство ослѣпляютъ вмѣстѣ.

Ежелижъ бы полюбопытствовалъ кто: „буде священные сосуды увезъ изъ Іерусалима Навуходоносоръ, то для чего Валтазаръ „сынъ его воспріялъ наказаніе? Понеже съ „разумомъ несогласно, и по законамъ человѣческимъ кажется неправедно, за отцовскую „татьбу налагать платежъ на сына. Такому отвѣтствую: естьли сынъ желаетъ быть „добродѣтельнымъ; то все неправильно для „него отцомъ пріобрѣтенное и оставленное „стяжаніе возвратить обязанъ. Ибо пользующійся украденными вещьми, не меньшее „заслуживаетъ наказаніе, какъ и тотъ, который воровствомъ оныя похитилъ.„ Словомъ: оба они равные тати, и по правосудію Божескому смертной казни и мщенія достойны были.

5. О КАЗНИ АХАВА ЦАРЯ.

Въ первой книгѣ, именуемой Мелахимъ, то есть третьихъ царствъ, въ шестойнадесять главѣ повѣствуется, что во время бытія

вЪ Іерусалимѣ Азаріи пророка, и вЪ Іудеѣ Царя Асы, царствовалЪ во Израили АмбрЪ, по смерти коего возшелЪ на престолЪ сынЪ его АхавЪ, и царствовалЪ вЪ Самаріи, будучи токмо двадцати двухЪ лѣтЪ отЪ рожденія. ОнЪ сколь младЪ лѣтами, столь и развращенЪ былЪ житіемЪ, такЪ что не сЪ беззаконными, но сЪ пребеззаконнѣйшими вмѣняется. Ибо писаніе тѣмЪ, кои вЪ жизни своей крайнѣ беззаконны были, и имена крайнѣ безчестныя обыкновенно приписуетЪ. И поелику многія Ахавовы обрѣтаются беззаконія, то нѣкоторыя токмо изЪ нихЪ здѣсь предложить я намѣренЪ.

ПЕРВОЕ, во всемЪ непремѣнно по стопамЪ Іеровоама, бывшаго первымЪ предводителемЪ Израильскому народу кЪ идолослуженію, слѣдовалЪ онЪ, кЪ крайнему своему безславію. Ибо Государи не подражая добродѣтельнымЪ, заблуждаютЪ токмо; но слѣдуя по стопамЪ беззаконныхЪ, согрѣшаютЪ ужѐ тогда прямымЪ образомЪ.

ВТОРОЕ, АхавЪ не взирая на то, что самЪ былЪ ЦаремЪ ИзраильскимЪ, понялЪ себѣ вЪ жену отЪ крови языческой Езавель, дщерь Царя Сидонскаго; которое супружество, по истиннѣ, было весьма безобразное. Ибо разумные Государи, той же вѣры и состоянія, какова сами, и супругЪ себѣ выбирать должны, дабы не пришли потомЪ вЪ раскаяніе. СВЕРЬХЪ ТОГО, возобновилЪ городЪ ІерихонЪ, по повелѣнію Божію, сЪ извѣщеніемЪ жесточай-

чайшаго наказанія тому, ежели бы кто обновлять его отважился, разоренной. Ибо грѣхи онаго толь велики были, что не токмо обитающіе въ немъ человѣки заслужили лишеніе жизни; но и самыя стѣны и жилища, чтобъ камень на камень остался, не достойны были. НАКОНЕЦЪ, устроилъ Ахавъ въ городѣ Самаріи великолѣпнѣйшій храмъВаалу, посвятилъ ему увеселительную свою рощу, и воономъ капищѣ изъ чистѣйшаго золота литаго поставилъ истукана. Сей тщетный Вааловъ идолъ толико былъ почитаемъ во время проклятаго Царя Ахава, что онъ и подданные его жертвуя ему и покланяясь, явно истиннаго тѣмъ ругали Бога.

Напослѣдокъ же, когда выѣхалъ онъ на сраженіе противо Сирскаго Царя изъ Рамаѳы, намѣревая отнять у него городъ Галаадъ, толь сильно между легкими и желудкомъ пораженъ былъ стрѣлою, что отъ сей язвы не токмо жизни лишился, но и истекшую на землю кровь его псы полизали. И такъ великіе Государи и Князи, буде повинуетесь моему совѣту, ни о чемъ вящше утѣшаться и хвалиться вамъ не должно, какъ о томъ, ежели вы истинные Христіяне; взирая на сего Царя, который поелику сердцемъ своимъ служилъ богамъ ложнымъ, учинился чрезъ то достойнымъ, дабы и кровь его въ песьихъ погребена была утробахъ.

6.

6. О КАЗНИ ЦАРЯ МАНАССИИ.

Манассія былъ сынъ Езекіи, и отецъ Аммоновъ, которые хотя всѣ царствовали, нравами однакожъ такъ одинъ отъ другаго различились, что трудно домыслиться, храбрыя ль дѣла и добродѣтели отцовы, или развратъ и беззаконія сыновни бо́льшія были. Сей Манассія, по истиннѣ былъ пребеззаконный Государь; онъ отъ основанія возобновилъ храмъ Вааловъ, устроилъ по городамъ для идоловъ капища, возставилъ на холмахъ всѣ демонскіе жертвенники, многимъ идоламъ посвятилъ Вертограды и рощи, и божественное звѣздамъ, планетамъ и стихіямъ отдавалъ почитаніе. Ибо нѣтъ такого рода злодѣйствъ, отъ вѣроломства и невѣрности происходящихъ, которыхъ бы оставленный Богомъ человѣкъ не содѣлалъ. Впрочемъ, дотолѣ возрасло его окамененіе, что въ царскомъ домѣ своемъ держалъ прорицателей, гадателей и вражбитовъ, и каждой день идоложертвеннымъ сына своего огнемъ повелѣвалъ окуривать; такъ что и слуги его всѣ были волхвы и чародѣи, и самъ онъ съ крайнимъ усердіемъ и охотою упражнялся въ волшебной наукѣ.

А дабы не пропустить никакого беззаконія, поелику не имѣлъ онъ ни единыя добродѣтели; толико былъ свирѣпъ и лютъ, и толико пролилъ во Іерусалимѣ неповинной крови, что ежели бы столько скопилось вдругъ въ одномъ мѣстѣ воды, сколько пролито имъ крови, конечно оная не точію мертвыхъ всѣхъ по-

покрыть, но и живыхъ потопить могла бы. Всѣмъ предреченнымъ не удовольствуясь онъ, поставилъ во храмѣ Господнемъ древняго идола, въ нѣкоторой рощѣ лежавшаго уже испроверженнымъ. За сіе беззаконіе Богъ его наказуя сперьва попустилъ, что слуги первороднаго сына его согласясь умертвили; а потомъ по правосудію своему нетерпя болѣе толикихъ злобою человѣческою содѣваемыхъ беззаконій, повелѣлъ проповѣдать во Іерусалимѣ тако: „понеже Манассія дерзнулъ меня презирать, „совершая и вмѣщая во единомъ себѣ всѣхъ „беззаконія; того ради и накажу я нынѣ „его самаго всѣми тѣми наказаніями, какія „на всѣхъ налагалъ обыкновенно.„ Изъ сего Государямъ заключать должно, что мщеніе Божіе не далѣе, какъ и самые грѣхи наши, простираетси; и буде преступленіе наше не велико, то и наказаніе Божіе самое легчайшее бываетъ. Но ежели Государь упорно и неуклонно беззаконновать станетъ; то пускай безъ малѣйшаго сомнѣнія будетъ увѣренъ, что и наказаніе понесетъ жесточайшее.

7. О КАЗНИ ІУЛІЯ. 8. ПОМПЕЯ. 9. КСЕРКСА. 10. КАТИЛИНЫ. 11. ГЕРМАНИКА. и 12. БРЕННА.

Когда Великій Помпей съ многочисленнымъ воинствомъ Римскимъ пришелъ въ восточныя государства, и покорилъ уже всю Сирію, Месопотамію, Дамаскъ и Аравію; то обратилъ оружіе свое на Палестину, которая инако назы-

зывалася Іудеія. Онъ надѣлалъ въ царствѣ семъ премного разоренія, и произвелъ жесточайшія и кровопролитныя брани, на которыхъ съ обѣихъ сторонъ многіе Евреяне и Римляне пали, причинивъ не токмо Израилтянамъ, но и самому себѣ великой вредъ и убытокъ; и напослѣдокъ преодолѣвъ силою плѣнилъ крѣпчайшій городъ Іерусалимъ, который по повѣствованію Плинія, былъ знаменитѣйшій во всей Азіи; какъ то и Страбонъ въ книгѣ о положеніи свѣта пишетъ, что въ Италіи Римъ, въ Африкѣ Карѳагенъ, въ Испаніи Нумантія, въ Германіи Аргентинъ, въ Халдеѣ Вавилонъ, въ Египтѣ Ѳивы, въ Греціи Аѳины, въ Финикіи Тиръ, въ Каппадокіи Кесарія, въ Ѳракіи Византія, и наконецъ въ Палестинѣ Іерусалимъ, столичные города были. Недовольно же казалось Помпею, что онъ въ томъ военномъ походѣ убивалъ всѣхъ престарѣлыхъ, отводилъ въ плѣнъ всѣхъ юношъ, рубилъ головы отцамъ, терзалъ матерей, раздиралъ дѣтей, испровергалъ домы, и все похищалъ богатства; но сверьхъ того прилагая беззаконіе къ беззаконію, превратилъ въ лошадиной сарай и храмъ Божій: которымъ поступкомъ толико раздражилъ Бога, что до того времени на всѣхъ сраженіяхъ преодолѣвая, и надъ двацатью двумя Царями торжественныя одержалъ побѣды, напослѣдокъ самъ здѣлался несчастнѣйшимъ и вездѣ побѣжденнымъ.

Сла-

Славнѣйшему тиранну Катилинѣ никогдабъ не попустили боги, какъ повѣствуетъ Саллустiй, быть побѣждену, ежели бы онъ храма ихъ не ограбилъ. М. Маркеллъ, коему въ храбрости и добродѣтеляхъ едвали кто изъ Римлянъ былъ равенъ, тогожъ самаго дня, въ которой сожегъ храмъ богини Февруи, убитъ на сраженiи. Любезнѣйшiй для всѣхъ человѣкъ, Друзъ Германскiй, славнѣйшiй Полководецъ Римскiй, по той причинѣ, что быка, коего Халдейцы обожали, подчиненнымъ своимъ дозволилъ ѣсть, противъ запрещенiя Халдейскихъ законовъ, черезъ мѣсяцъ утратилъ жизнь къ крайней печали Римлянъ, смерть его оплакивающихъ. Iулiя Цесаря, какъ Светонiй въ пятдесятъ четвертой главѣ повѣствуетъ, съ самаго того времени, когда въ Галлiи божескiе храмы и жертвенники, наполненные приносимыми въ даръ сокровищами, разграбилъ, каждую ночь непрестанно устрашали боги. Ксерксъ сынъ Дарiевъ, намѣревая воздвигнуть брань на Грецiю, прежде всего послалъ въ Дельфы четыре тысячи конницы, и толикоежъ число пѣхоты, разоренiя ради бывшаго тамъ Аполлонова храма. Ибо Ксерксъ толикою надменъ былъ гордостiю, что не токмо человѣковъ привлечь въ свое порабощенiе; но и самихъ боговъ подъ власть и державу свою покорить старался. А какъ оные варвары приближаясь къ храму Аполлонову, которой шли разорять, ужѐ въ виду имѣли; то вдругъ нечаяннымъ образомъ восколебалися

лися стихіи, и толь жестокія бури и тучи востали, что отъ молніи, грома и падающаго съ небесъ града на оныхъ поляхъ все погибли.

Одинъ изъ преславныхъ Полководцовъ Галлскихъ Бреннъ, одержавъ надъ Греками победу, все во храмахъ бывшія сокровища вознамерился расхитить, сказывая, что „поелику боги суть богати, то не люди ихъ, но „они людей наделять должны, и эта честь „для боговъ велика, ежели они богатствами „храмовъ своихъ людей набогащаютъ„. А какъ самымъ деломъ принявся за сей промыслъ, некоторой храмъ ограбили; то толикими тучами стрелъ осыпаны были, что вся Армія купно съ Предводителемъ своимъ Бренномъ наголову побита, и изъ многочисленнаго войска ниже вестникъ въ память о толикомъ паденіи не остался.

Секстъ Помпей, близъ Сициліи будучи флотомъ побежденъ отъ Императора Октавія, убежалъ въ Луцинскіе замки, где предревнейшій и множествомъ дражайшихъ даровъ обогащенный храмъ Юноны имелся. Тамъ когда некоторымъ днемъ начали требовать у него жалованья солдаты, и онъ не имелъ чемъ ихъ удовольствовать; то отдалъ имъ такой приказъ, чтобъ они, разоривъ храмъ Юноны, и разделивъ между собою сокровища, сами себе удовлетворили. Но по повествованію Историковъ, Секстъ Помпей не за долгое после того время, какъ учинилъ сіе

сіе святотатство, пойманъ солдатами отъ конницы М. Антонія, и приведенъ къ Генералу войскъ его Тицію, который въ поношеніе ему слѣдующія говорилъ слова: „Повѣрь „мнѣ, Секстъ Помпей! я не за учиненныя „тобою М. Антонію Государю моему обиды; „но за разореніе и расхищеніе храма Юноны, „умертвить тебя повелѣваю. Ибо ты не „безъизвѣстенъ, что добрые Полководцы вражду непріятелей своихъ, яко человѣковъ, „забывать, а обиды раздраженныхъ боговъ „прежде и паче всего отмщать должны„.

ГЛАВА ДВАТЦАТЬЧЕТВЕРТАЯ.

Какимъ образомъ Императоръ Валенцій, за неистинное его Христіянство, въ одинъ и тотъ же день лишился жизни и Имперіи, и въ крестьянскомъ шалашѣ живой сожженъ отъ Готовъ.

Проклятый богоотступникъ Іуліанъ Императоръ во время царствованія своего опредѣлилъ итти войною на Паннонію, называемую нынѣ Унгарія или Венгрія, не для иной причины, токмо чтобъ оное царство покорить и своею провинціею сдѣлать. Ибо лакомые Государи, всѣ силы къ завоеванію многихъ областей напрягаютъ, не разсуждая, имѣютъ ли къ тому справедливость. А какъ онъ былъ гордой, то кромѣ великихъ Римскія Имперіи войскъ, велъ съ собою въ тотъ походъ сильную и многочисленную Армію, съ которою надѣлалъ премного во всѣхъ мѣстахъ разоренія и

и убивства. Ибо слѣдствія и плоды войны суть не иные, какъ точію непріятелей лишать жизни, а невинныхъ имѣнія.

Когда же однимъ днемъ по случаю выѣхавъ пятеро солдатъ на добычу, какъ издревле обыкновенно бываетъ въ походахъ, напали на нѣкотораго юношу, несущаго охотничью веревку, и желая оную отнять для путанія на пажить лошадей своихъ, всѣми силами вырвать изъ рукъ его старались; то юноша обороняясь, такъ крѣпко держался за оную, что всѣхъ ихъ одинъ превозмогъ напослѣдокъ. Римские солдаты безмѣрно удивясь, что юноша и себя и веревку свою отъ насилія ихъ защитилъ, просили его неотступно, дабы необлѣнился поѣхать съ ними въ Римскіе обозы, обѣщая исходатайствовать ему пребогатое награжденіе. Ибо Римляне столько были торовашы, что на пріобрѣтеніе хорошихъ вещей не жалѣли никакого иждивенія.

Сей юноша назывался Граціанъ, родомъ былъ изъ Панноніи Цибальской, состояніемъ ни между простолюдинами послѣдній, ни между гражданами знатный; родители его питались отъ собственныхъ трудовъ своихъ, и въ городѣ, яко честномъ мѣстѣ, пребываніе имѣли. Такая посредственная его природа не малымъ благодѣяніемъ Божіимъ почитаться должна. Ибо произшедшему отъ крайнѣ подлой фамиліи человѣку спутешествуетъ токмо презрѣніе; но съ очень знатною кровію спесь и гордость сопрягаются вмѣстѣ. А какъ привели

вели юношу въ обозы, то немедленно разсѣялся слухъ по всей Арміи Римской о одолѣніи имъ пятерыхъ солдатъ; и Граціанъ толь счастливой имѣлъ успѣхъ храбростію своею, что вскорѣ потомъ произшелъ даже до Преторскаго достоинства и власти. Ибо Римляне не по ходатайствамъ, но по способности и разуму лицъ въ военные чины и должности производили.

Впрочемъ, поелику свѣтъ сей различнымъ поврежденъ перемѣнамъ, когда многіе, какъ обыкновенно бываетъ, на достоинствахъ своихъ, естьли вольно сказать, понесли черное пятно затмѣнія, а Граціанъ будучи возведенъ на Преторское начальство, съ славою и успѣхомъ на сраженіяхъ обращался; счастіе, которое не рѣдко въ малыхъ дняхъ совершаетъ то, чего ни во многіе годы посильные человѣческіе труды сдѣлать не въ состояніи, въ кратчайшемъ времени и на Императорской престолъ его возвысило. Ибо одинъ часъ благопріятствующей судьбины сильняе гораздо, нежели всего свѣта доброхотство и помощь.

Не токмо же отмѣнною крѣпостію тѣлесныхъ силъ Граціанъ прославился, и на сраженіяхъ храбростію и скорымъ полученіемъ достоинствъ преимуществовалъ; но былъ и въ дѣтяхъ счастливъ равномѣрно. Ибо какъ имѣлъ онъ двухъ сыновей, Валенція и Валентиніана, то и сіи оба были по немъ Императорами. И хотя могли сыновья похвалиться, что отецъ ихъ былъ мужъ весьма хра-

брой; для самаго однакожЪ отца гораздо славнѣе, что онЪ имѣлЪ сыновей толь счасливыхЪ и превосходныхЪ. Понеже нѣтЪ большаго счастія вЪ свѣтѣ, какЪ честію и богатствомЪ процвѣтать вЪ жизни, и имѣть разумныхЪ и добродѣтельныхЪ дѣтей, которымЪ бы все то по смерти вЪ наслѣдіе осталось.

Старшій изЪ нихЪ братЪ Валенцій царствовалЪ на ВостокѢ пятнатцать лѣтЪ, и былЪ триста девятымЪ между Императорами Римскими, начавЪ по порядку отЪ Іулія Цесаря: которое однакожЪ начало другіе Историки производятЪ отЪ Октавія, сказывая, что онЪ былЪ добродѣтельной, и изключая Іулія Цесаря, который тиранскимЪ образомЪ владѣлЪ Имперіею. БылЪ же сей Валенцій обогащенЪ многими дарованіями, но крайнѣ убогЪ добродѣтельми; такЪ что красотою паче, нежели добронравіемЪ; храбростію, нежели благочестіемЪ; богатствомЪ, нежели щедротою; и наконецЪ разумомЪ, нежели правдолюбіемЪ преимуществовалЪ. Ибо много сыщется такихЪ Государей, которые вЪ учрежденіи государственныхЪ дѣлЪ и законовЪ тщательны и прилѣжны, но во исполненіи оныхЪ слабы и нерадивы.

А поелику вЪ тѣ времена гораздо умножилась и возрасла проклятаго еретика Аріи Секта; то Валенцій ИмператорЪ заразясь оною крайнѣ, не точію поборялЪ по АріанахЪ, но и жесточайшее на православныхЪ ХристіянЪ

 чи-

чинилЪ гоненіе; такЪ что по сей причинѣ многихЪ убивалЪ мирскихЪ людей, многихЪ церьковнослужителей заключалЪ вЪ темницы, многихЪ ЕпископовЪ посылалЪ вЪ заточеніе, многіе разорялЪ храмы, и многихЪ ХристіянЪ лишалЪ имѣній. Ибо Государь прилѣпляющійся кЪ ереси, и отметающій почитаніе церькви, ни единаго беззаконія и злодѣйства совершать не сомнѣвается.

Тогда пространныя и необитаемыя Египетскія пустыни, Арменскія горы, и городЪ Александрія, наполнились премножествомЪ черноризцовЪ и прочихЪ духовныхЪ особЪ, между коими были мужи знаменитые вЪ ученіи, сіяющіе святостію житія, и непоколебимые вЪ защищеніи церькви. Ибо тотЪ истиннымЪ благочестія рачителемЪ назваться можетЪ, кто вЪ мирѣ любовь, наставляя невѣлущихЪ, и во время гоненія твердое постоянство, ополчаясь противо еретиковЪ, изЪявляетЪ. А какЪ Валенцій не точію покровитель АріанамЪ, и врагЪ Христіянству, но сверьхЪ того былЪ гонитель монашества и духовенства; то обнародовалЪ во всей Имперіи указЪ, дабы младолѣтные монахи, имѣющіе крѣпость силЪ и храбрыя сердца, немедленно бросивЪ священной санЪ принялись за оружіе, и каждой оставя свои монастыри, записывались вЪ военную службу; сумозбродствуя притомЪ, что обители не иныхЪ ради винЪ изобрѣтены, токмо для убѣжища и прокормленія уродовЪ, слѣпыхЪ, хромыхЪ и обсѣченныхЪ. Посредствомъ

ствомъ сего указа многія учинены насилія, опустошены монастыри, разорены знаменитѣйшія церькви, многіе замучены пустынники, многіе монахи претерпѣли побои, и многія знатныя лица сосланы въ заточеніе. Понеже благочестивые мужи, тѣсноту и жестокость обители, вольности и утѣхамъ свѣтскимъ предпочитаютъ.

Тѣмъ еще не доволенъ былъ оный Императоръ. Но когда жена его Севера однимъ днемъ случайно промолвившись, нѣкоторую Римлянку, именемъ Іустину, за красоту лица похвалила; то по сей только причинѣ на ней женился, не разведясь съ первою женою; и тотчасъ предписалъ законъ, дабы всякому желающему Христіянину безъ малѣйшаго наказанія и опасенія, вольно было имѣть двухъ законныхъ женъ, и на обѣихъ во вѣрность супружества вѣнчаться, сирѣчь: чтобъ всеобщимъ употребленіемъ порокъ устава его въ меньшемъ и легчайшемъ казался видѣ. Ибо развратные и жестокосердые Государи, для прикрытія своихъ пороковъ, и законы о порокахъ установляютъ. Въ такомъ пристяжаніи двуженства великое было противо узаконенія церьковнаго Валенціево безстыдство; но гораздо вящшій грѣхъ за введеніе въ законъ во всей Имперіи того, что самъ учинилъ дѣломъ. Ибо единственный порокъ одного токмо оскверняетъ, но всеобщій законъ всѣхъ дѣлаетъ порочными.

Находился тогда въ восточныхъ странахъ весьма сильной народъ Готской; и что касалось до военныхъ дѣлъ, храброй и искусной; но въ принадлежащихъ до Христіянской вѣры правилахъ несовершенно наставленный, хотя всѣ, или по крайней мѣрѣ большая изъ нихъ часть крещены были. Ибо въ томъ вѣкѣ великой недостатокъ пастырей имѣла церьковь, хотя и обрѣтались нѣкоторые добродѣтельнѣйшіе и святаго житія мужи. Когда же оные, святымъ крещеніемъ новопросвѣщенные Готы, нѣсколько отъ военныхъ беспокойствъ и смятеній утишились; то отправили Посланниковъ къ Валенцію съ прилѣжнымъ прошеніемъ, чтобы немедленно далъ имъ православныхъ и непорочнаго житія Епископовъ, отъ которыхъ бы они могли совершеннѣе научиться правиламъ Христіянскія вѣры; надѣясь, что Римскіе Императоры держали при дворахъ своихъ Епископовъ и Архипастырей не инаго состоянія, токмо крайнѣ добродѣтельныхъ. Но какъ Императоръ Аріанскою ересью былъ зараженъ, и отъ сей погибельной слѣпоты своей истребилъ ужѐ древнее обыкновеніе, чтобъ имѣть при себѣ святаго житія Епископовъ (понеже были тогда при немъ Архіереи еще и самаго его гораздо хуже), то во удовлетвореніе требованіямъ Готскимъ, послалъ къ нимъ, ученія ради, крайнѣ зараженнаго Аріанствомъ Епископа, именемъ Евдоксія, который и другихъ Епископовъ, подобныхъ же себѣ еретиковъ при-

везъ

везъ туда съ собою: отъ чего Готскіе Короли и Князи болѣе двухъ сотъ лѣтъ Аріанскаго ученія держалися. Говорилъ я сіе показанія ради причины худому наставленію въ Христіанской вѣрѣ, сирѣчь: дабы православные Государи изъ сего примѣра уразумѣли, что должны они неусыпнымъ бодрствовать окомъ; дабы во время царствованія ихъ государства и подданные еретическимъ не заразились лжеученіемъ. Ибо смертоносную язву еретиковъ и ересей, одиножды вкоренившуюся, поздо ужѐ и трудно изъ области своей выживать будетъ.

Предложилъ я выше, сколь не достаточенъ былъ сей Императоръ въ вѣрѣ Христовой, и коликое причинилъ разореніе Христіянской церьквѣ; посмотримъ же теперь, какой онъ имѣлъ конецъ въ жизни. Понеже беззаконно живущій человѣкъ рѣдко честною смертію умираетъ. Когда Готы, будучи изъ Панноніи выгнаны отъ Унновъ, пришли въ подвластную Римской Имперіи землю Ѳракію: то Императоръ Валенцій, не заключа съ ними никакихъ обязательствъ, принялъ ихъ подъ свою державу; которой поступокъ безумію паче, нежели здравому разсудку былъ приписанъ. Ибо главное есть правило, что храброй и воинственной народъ всегда пагубенъ бываетъ тому царству и землѣ, въ которыхъ имѣетъ свое пребываніе. Готы жили нѣсколько лѣтъ въ Ѳракіи спокойно, и не было между ими и Римлянами никакихъ ссоръ; но потомъ несносной ради скупости Цесарскаго Генерала Максима, по при-

чинѣ которой онъ Готамъ, толикимъ Римскаго народа союзникамъ, не сталъ давать провіанта; толь жестокая между ими произошла война, что воспричинствовала паденіе Рима и Италіи. Ибо, по справедливости сказать, никакія вражды не бываютъ вреднѣе, какъ тѣ, гдѣ други сдѣлаются врагами.

Какъ загорѣлась сія война, то разсѣялись Готы по Ѳракіи, все опустошая. Они не оставили ни единой крѣпости, которой бы не разорили; ни однимъ не завладѣли городомъ, котораго бъ не расхитили; ни одинъ плѣненный ими человѣкъ не избѣгнулъ смерти; ни одна пойманная женщина не избавилась отъ насильства, и ни одинъ домъ не спасся отъ ихъ разграбленія; словомъ сказать, въ короткое время Готы дѣлами своими довольно и ясно показали, сколь они лютаго и непріятельскаго на Римлянъ сердца. Ниже да возмнится кому либо сіе удивительнымъ, что толикой вредъ причинили варвары, естьли равной, или еще и большій, за грѣхи наши, дѣлаютъ нынѣ намъ и самые Христіяне. Ибо военнымъ людямъ свойственно утверждаться въ томъ, что похищеннаго на брани никто и въ мирное время возвращать не обязанъ.

Между тѣмъ, какъ сіе дѣлалось, Валенцій находился въ Антіохіи, гдѣ набравъ сильную Армію, и сверьхъ того получая изъ Италіи многочисленное вспомогательное войско, принялъ намѣреніе, самъ итти въ походъ и командовать противъ Готовъ; въ чемъ поступилъ

пилЪ онЪ большею частію отважно, нежели разумно. Ибо Государь на сраженіи ополчаясь, не болѣе, какЪ одного токмо человѣка можетЪ заступить должность; но упадши самЪ, и всѣхЪ купно сЪ собою ввергаетЪ вЪ погибель.

Когда же сошлись обѣ сіи пресильныя Арміи, Готская и Римская, то происходило между ими долгое и жесточайшее сраженіе, на которомЪ Готы первымЪ стремительнымЪ набѣгомЪ смѣшавЪ Римскую конницу, принудили ее оставить пѣхоту безЪ прикрытія, и немедленно окружа оную со всѣхЪ сторонЪ конницею своею, разбили вЪ рознь, и гонясь за нею, вырубили и выкололи всю безЪ остатка. Ибо клятвенно между собою утвердились варвары, чтобЪ вЪ тотЪ день или ГотамЪ умереть всѣмЪ, или во вѣчность истребить Римское имя. На семЪ сраженіи ИмператорЪ будучи смертельно раненЪ, и видя, что проигралЪ побѣду, разсудилЪ за благо спасать животЪ свой бѣгствомЪ. Но фортуна однождьы начавЪ гонить кого либо, дотолѣ сЪ покоемЪ не оставляетЪ, пока или мертваго, или испроверженнаго и во все попраннаго не увидитЪ. А какЪ сей несчастный ИмператорЪ спрятался вЪ пастушей шалашЪ, то гнавшіе за нимЪ непріятели, нашедЪ его тамЪ, и обволокши со всѣхЪ сторонЪ огнемЪ, сожгли живаго и ранами уязвленнаго. И такЪ вЪ одинЪ день погубилЪ онЪ душу, жизнь, достоинство и Имперію.

Того ради Великіе Государи и Князи взирая на сіе открытыми глазами, да не дерзаютъ разорять церьквей, безчестить священство, и содержать въ покровительствѣ своемъ еретиковъ и злочестивыхъ Христіянъ. Ибо ежели Императоръ Валенцій воспріялъ наказаніе, то имъ ненаказанности уповать не должно; пріемля за неложное правило, что Государи, кои суть не истинные Христіяне, почти всегда впадаютъ въ руки своихъ непріятелей.

ГЛАВА ДВАТЦАТЬ ПЯТАЯ.

О Императорѣ Валентиніанѣ, и Граціанѣ сынѣ его, царствовавшихъ за жизни святаго Амвросія, и бывшихъ сильными и счастливыми Государями, по причинѣ истиннаго ихъ Христіянства; такожъ, что Богъ часто Царямъ наипаче усерднаго ради со слезами моленія, нежели чрезъ ополченіе оружія, даруетъ победы.

Валентиніанъ и Валенцій были родные братья, но старѣйшій изъ нихъ Валентиніанъ вступилъ по отцѣ на Преторское достоинство. Ибо Римскій законъ повелѣвалъ непремѣнно, чтобъ сынъ по смерти отца, который даже до кончины своей пребывалъ въ любви и милости у Римскаго народа, безъ всякой прозьбы по праву наслѣдственному воспріималъ ту честь и званіе, какое отецъ его имѣлъ въ жизни. Сей Валентиніанъ былъ юноша прекрасной, лицемъ бѣлой и румяной, полнотѣлой,

здоровой и сильной, и, что всего превосходнѣе, истинный Христiянинъ, и всѣмъ вообще за прiятное обращенiе прелюбезнѣйшiй. Ибо никакая добродѣтель въ знаменитомъ мужѣ не бываетъ любезнѣе, какъ ласковой разговоръ и обхожденiе.

Когда Iулiанъ жесточайшее гоненiе производилъ на Христiянство, въ то время Валентинiанъ былъ щитоноснаго воинства Трибуномъ. Вѣдая же Iулiанъ непоколебимость его въ Христiянской вѣрѣ, послалъ къ нему съ такимъ повелѣнiемъ, чтобъ онъ или принесъ жертву богамъ Императоровъ Римскихъ, или вышелъ прочь изъ военной службы. Подлинно, Iулiанъ лучше бы желалъ умертвить Валентинiана; но учинить сего не отважился, по причинѣ ненарушимыхъ Римскихъ законовъ, которые запрещали убивать Римскаго гражданина, Сенатомъ на смерть не осужденнаго. Валентинiанъ выслушавъ Императорской указъ, повелѣвающiй сирѣчь, чтобъ онъ или сана лишился, или отъ Христiянской вѣры отложился, не токмо честь свою уничтожилъ, но и отъ должнаго ему награжденiя отрекся: а дабы тѣмъ свободнѣе могъ упражняться въ Христiянскомъ благочестiи, то оставя городъ, уѣхалъ скитаться во обитель, гдѣ пребывая полтретья года въ заключенiи, довольные показалъ знаки своея набожности. Ибо великое есть доказательство прямаго въ человѣкѣ Христiянства, ежели кто добровольно мирскую суету оставляетъ.

Впрочемъ Іуліанъ отправясь въ походъ противо Персіи, незапно на сраженіи такъ раненъ, что вдругъ палъ бездушенъ. Ибо противнымъ случаямъ фортуны Императоръ со всѣмъ достоинствомъ своимъ и утѣхами, равно какъ и самый бѣднѣйшій и убогой человѣкъ, которому каждую ночь земля постелью бываетъ, подверженъ. По полученіи же въ Римѣ о смерти Іуліановой извѣстія, всѣ единодушнымъ согласіемъ избрали въ Императоры Валентиніана; и такъ весьма праведно возложенъ вѣнецъ Императорскій на главу того, который претерпѣлъ изгнаніе за имя Христово. Чего ради всякъ маловажнымъ почитать долженъ лишеніе стяжаній и чести, ни во что вмѣняя за прославленіе Христово быть изверженнымъ. Ибо человѣки и въ тысячу лѣтъ не могутъ насъ столько понизить, сколько Христосъ въ одинъ часъ возвысить силенъ.

Около того же времени, то есть, въ лѣто отъ созданія города тысяча сто девятоенадесять, въ Атребатахъ изъ облаковъ вмѣстѣ съ дождемъ такъ много упало на землю самой настоящей и весьма чистой волны, что всѣ жители страны той не токмо на свои надобности оную употребляли, но сверьхъ того чрезъ нее и обогатилися. Тогожъ года въ Константинополѣ удивительной величины градъ падая побилъ нѣсколько людей, и ни одного изъ пасущихся по полямъ не оставилъ стада. Тѣмижъ временами по всей Италіи сдѣлалось зе-

землетрясеніе, и даже вЪ Сицилію простерлось, отЪ котораго многія строенія упадши, безчисленной народЪ развалинами своими подавили; такожЪ море выступивЪ изЪ всѣхЪ береговЪ многіе приморскіе города потопило.

Но время ужѐ возвратиться намЪ кЪ новоизбранному Императору Валентиніану. ПавелЪ ДіаконЪ вЪ первойнадесять книгѣ о дѣлахЪ РимскихЪ повѣствуетЪ, что онЪ былЪ разумомЪ проницателенЪ, лицемЪ пригожЪ, замыслами важенЪ, вЪ рѣчахЪ искусенЪ (хотя и мало говаривалЪ), вЪ наказаніи за вины строгЪ и жестокЪ, вЪ дѣлахЪ рачителенЪ и прилѣженЪ, вЪ несчастіяхЪ терпѣливЪ, злодѣямЪ крайній врагЪ, вЪ пищѣ и питіи воздерженЪ, добродѣтельнымЪ и набожнымЪ людямЪ величайшій другЪ и пріятель; такЪ что по общему разсужденію нравами Авреліану Императору весьма подобнымЪ его признавали. Ибо Римляне отЪ кончины М. Аврелія Императора, сЪ коимЪ пресѣклось вмѣстѣ и благоденствіе Имперіи Римской, всѣхЪ новопоставленныхЪ Государей всегда сЪ коимЪ либо изЪ древнихЪ сравнивать имѣли обычай; такЪ что ежели онЪ былЪ смѣлаго и отважнаго сердца, Іулію Цесарю его уподобляли; ежели сіялЪ добродѣтелію, вторымЪ ОктавіемЪ именовали; ежели былЪ несчастливый, сЪ ТиверіемЪ; естьли гордый и продерзкій, сЪ Калигулою; ежели свирѣпый, сЪ НерономЪ равняли; ежели правдивый, сЪ ТраяномЪ; естьли пригожій, сЪ ТитомЪ; естьли праздножи-

живущій и лѣнивый, съ Домитіаномъ; ежели терпѣливый и трудолюбный, съ Веспасіаномъ; естьли воздержный, съ Адріаномъ; ежели милостивый, съ Антониномъ набожнымъ; ежели усердный боговъ почитатель, съ Авреліаномъ въ равенствѣ полагали; и наконецъ, ежели мудрый и добродѣтельный, преизящнѣйшему Марку Аврелію подобнымъ его называли.

Хотя же Валентиніанъ былъ истинный Христіянинъ, и украшенный приличными Императору дарованіями мужъ, примѣченъ однакожъ, да и не безъ справедливости, въ немъ одинъ порокъ, сирѣчь: что безмѣрно положился и увѣрился на чиновниковъ и Министровъ; которые поелику милость Государя своего употребляли во зло, то многіе отъ худаго правленія общества между подданными произошли раздоры и смятенія. Сенека нѣкогда сказалъ Нерону: „Вѣдай, Государь, „что никакое терпѣніе снесть не можетъ, „ежели два или три человѣка совершенную „и неограниченную надъ всѣми власть имѣютъ, „не потому что другихъ добродѣтельнѣе, но „что Государю любезнѣе„. Не извѣстно мнѣ, что бы я дѣлалъ, ежелибъ на вашемъ, Государи и Князи, былъ мѣстѣ; однакожъ, будучи наономъ, такъ поступалъ бы я съ обращающимися въ моемъ домѣ, чтобъ они принятыми себя въ число друговъ почитали, но послушны были мнѣ, а не самимъ мною обладать, уповая на дружбу, покушалися. Попе-

неже непристойно благоразумному Государю, для того, чтобЪ понравиться не многимЪ, подвергать себя ненависти многихЪ.

Но да приступлю кЪ моему предмету, ВалентиніанЪ на пятьдесятЪ пятомЪ году отЪ рожденія, и вЪ первоенадесять лѣто царствованія своего скончался отЪ долговременной и прежестокой горячки, которая такЪ высушила жилы его, что ни капля крови не могла изЪ нихЪ вытечь. На погребеніи его весьма пространную и сладкорѣчивую святый Амвросій говорилЪ проповѣдь, которая наипаче умножила по умершемЪ плачь и соболѣзнованіе. Ибо вЪ тѣ времена, естьли умиралЪ ревностный заступникЪ церькви, всѣ Епископы на погребеніе его собиралися.

ВпрочемЪ, царствуя ВалентиніанЪ купно сЪ братомЪ ВаленціемЪ, по совѣту тещи, крайнѣ доброхотствовавшей внуку, и по прошенію супруги своей, которая желала видѣть сына на высокомЪ степени достоинства и чести, опредѣлилЪ вЪ Цесари Граціана, весьма младолѣтнаго, и вЪ юношеской возрастЪ еще недостигшаго. Подлинно, СенатЪ не согласилсябЪ на такую новость, естьли бы вопервыхЪ не извѣстны были ему отмѣнныя добродѣтели отца, а во вторыхЪ скромность и доброе воспитаніе отрока. Не токмо же сіе, но и вящше, нежели что сдѣлано СенатомЪ, заслужилЪ ВалентиніанЪ у Римскаго народа. Ибо весьма справедливо ГосударямЪ, и вЪ назначеніи достоинствЪ взирать паче на заслуги

ги отцовъ, нежели на младолѣтной возрастъ сыновей ихъ. Впрочемъ Граціанъ собою толь добронравнымъ, и толикимъ ревнителемъ Христіянскія вѣры учинился, что не меньше любезенъ былъ народу, который его избралъ, какъ и радостенъ въ жизни отцу, который по смерти безсмертную въ немъ оставилъ свою память. Ибо въ добродѣтельномъ сынѣ память умершаго отца живетъ безконечно.

Въ лѣто отъ созданія города тысяча сто тритцать второе, какъ предреченный Граціанъ ужѐ давно поставленъ былъ въ Цесари; по смерти дяди Валенція и отца Валентиніана, совершеннымъ наслѣдникомъ и самодержавнымъ Императоромъ отъ всего Римскаго народа объявленъ. Когда же добродѣтельнѣйшій Князь Граціанъ воспріялъ правленіе Имперіи, и между тѣмъ многіе православные Епископы, даже отъ временъ дяди Валенція, находилися во изгнаніи; то немедленно всѣхъ Епископовъ Аріанскихъ послалъ въ заточеніе, а православнымъ каждому повелѣлъ возвратиться на свои престолы; въ чемъ онъ показалъ великой знакъ истиннаго и благочестиваго Государя. Ибо нѣтъ согласнѣйшаго съ справедливостью дѣла, какъ укрощенія ради злобы беззаконныхъ, возставлять на прежнее достоинство мужей добродѣтельныхъ.

Но въ первое лѣто царствованія Граціанова отложилися отъ Римской Имперіи Галлы и Германцы, не токмо отрекаясь быть ей подвластными, но сверьхъ того угрожая и завое-

воевать оную; чего ради собрали страшное и многочисленное воинство, думая, что Гратіанъ, яко младолѣтный, къ защищенію ея смѣлости и силъ не возъимѣетъ. Ибо царства подъ державою малолѣтныхъ Государей претерпѣваютъ бѣдствія.

Какъ только о измѣнѣ Галліи и Германіи въ Римѣ извѣстно учинилось; то разослалъ Императоръ ко всѣмъ православнымъ Епископамъ грамоты съ тѣмъ, дабы каждый въ церьквахъ своихъ о отвращеніи наступающей опасности усердныя мольбы приносили; такожъ и во всемъ городѣ по повелѣнію его молебствовано было со всякимъ благоговѣніемъ, прося Бога, да отведетъ отъ народа праведной гнѣвъ свой. Понеже истиные Христіяне прежде моленіемъ умилостивлять Бога, нежели оружіемъ ополчаться противо непріятеля должны. Не меньше же въ семъ, какъ и въ прочихъ дѣлахъ, Гратіанъ отправилъ долгъ Христіянскаго Государя. Ибо часто Государи паче слезнымъ моленіемъ, нежели крѣпкимъ оружія ополченіемъ отъ десницы Божіей пріемлютъ побѣды.

Разпредѣля сіе такимъ образомъ, и положась на Бога, Гратіанъ принялъ намѣреніе готовиться на брань, и своею особою присутствовать на сраженіи. И такъ исполня въ перьвомъ должность Христіянскаго Государя, отправилъ и въ семъ званіе храбрѣйшаго Императора. Понеже великой былъ бы стыдъ Государямъ, естьли бы они пріобрѣтенное

тща-

тщаніемъ и храбростію предковъ малодушіемъ своимъ утратили.

А какъ непріятельская Армія множествомъ гораздо превосходила малолюдство Римской, и уже оба войска при Галлскомъ городѣ Аргентуаріи расположились обозами; то напалъ на Римлянъ, въ разсужденіи малаго ихъ числа, страхъ и трепетъ; и подлинно не безъ причины. Ибо на войнѣ превосходство силъ, надежду уповаемой побѣды сомнительною дѣлаетъ. О семъ увѣдомясь Римляне, пришли къ Императору, и наиприлѣжнѣйше просили его, дабы не вступалъ въ сраженіе, потому что они числомъ непріятелю не равны; да и въ самомъ дѣлѣ не худо они ему совѣтовали: ибо не прилично благоразумному Государю, достоинство и жизнь свою безразсудно подвергать опасностямъ. Но Граціанъ, не перемѣняясь въ лицѣ, ниже мѣшаясь въ словахъ, важнымъ видомъ посреди многочисленной конницы говорилъ во отвѣтъ слѣдующимъ образомъ.

ГЛАВА ДВАТЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Благочестнѣйшая рѣчь, говоренная Императоромъ Граціаномъ, въ сраженіе вступить намѣревающимъ.

„Чувствую, кавалеры и друзья мои, „особливое ваше ко мнѣ благодѣяніе, что вы „продавъ имѣнія ваши, сами пожелали быть „соучастниками настоящаго похода. Въ семъ „случаѣ вы исполняете долгъ вашего званія:

„ибо

„ибо для одной только обороны отечества, „не щадя богатствъ, жизнь свою опасностямъ „подвергать должно. Хотя же я искренно „благодарить вамъ за содружество обязанъ, „гораздо однакожъ вящшее приношу мое „благодареніе за подаваемой вами мнѣ нынѣ „вѣрнѣйшій совѣтъ вашъ; будучи извѣстенъ, „что рѣдко на опасныхъ сраженіяхъ здравой „совѣтъ и мужественное сердце купно обрѣ„таются. Подлинно, ежелибы я надѣясь на „человѣческія силы, всчиналъ сію войну, „справедливо бы вы тогда за непріятельскимъ „множествомъ и нашимъ малолюдствомъ мо„гли мнѣ оную отсовѣтовать. Ибо по словамъ „вашимъ, достоинства на произволъ подо„зрительному и вѣроломному счастію легко„мысленно отдавать не должно. Но какъ я „толь страшную и толь опасную предпріялъ „сію войну, будучи совершеннѣйше увѣренъ, „что съ нашей стороны присутствуетъ прав„да; то поелику Богъ есть самая истинна, „помощію его быть на оной побѣдителемъ упо„ваю. Ибо на жестокихъ войнахъ Государямъ „больше защищаемая ими справедливость, „нежели множество вооруженнаго народа по„могаетъ.

„Вѣдая же защищаемую мною крайнюю „справедливость, и пріемля Судіею оныя еди„наго токмо Бога; естьли бы убоясь человѣ„ческаго страха отъ войны отказался, ка„жется, стяжалъ бы я себѣ величайшее без„славіе, яко Государь маловѣрный; и обли-

„ чилъ бы тѣмъ Бога, аки бы онъ былъ Судія
„ неправедный, который часто являетъ тамъ
„ свое могущество, гдѣ наипаче отчаявается
„ человѣческая немощь. Кромѣ того, поелику
„ настоящая война производится мною, и по
„ моей причинѣ воспылала, да и сами вы за
„ меня вооружилися; то опредѣлилъ я всеконечно быть на сраженіи, на которомъ ежели умру, вѣдаю, что за правду умираю, и
„ оное мнѣ славно, и душѣ моей спасительно
„ будетъ. Ибо умереть за истинну, не есть
„ смерть, но посредствомъ ея премѣненіе и
„ пріобрѣтеніе жизни.

„ Ежели дѣлая сіе погублю животъ мой,
„ славы однакожъ не погубляю; но купно тѣмъ
„ уплачиваю и долгъ мой обществу. Ибо Государю собственно до самаго его касающуюся
„ войну, страшась ранъ, весьма стыдно отправлять чужею кровію. Я испытаю на
„ нынѣшнемъ сраженіи отъ Божеской ли воли зависитъ мое избраніе; и ежели паче
„ чаянія Богъ умертвитъ меня наономъ,
„ не ложной есть знакъ, что къ благоденствію
„ общества неповрежденнымъ сохранилъ меня
„ Императоромъ; буде же по милости своей
„ спасетъ животъ мой, изъ сего разумѣть
„ должно, что онъ ко отправленію другихъ
„ еще лучшихъ дѣлъ меня соблюдаетъ. Ибо
„ мечь непріятельскій ни что иное есть,
„ какъ точію наказатель грѣховъ нашихъ.

„ Не прежде же трехъ дней въ сраженіе
„ вступить намѣреваю; но въ сію ночь ко
„ испо-

„ исповѣданію, а заутро къ святому пріобще-
„ нію всѣ пойдемъ, взаимно между собою
„ братъ брату обиды прощая; понеже на
„ войнѣ, хотя бы оная и съ справедливостію
„ была начата, за грѣхи отправляющихъ ее
„ не рѣдко многія случаются противности. А
„ какъ пройдутъ три дни, и мы ужѐ при-
„ несемъ покаяніе, причастимся святыхъ
„ таинъ, и другъ другу согрѣшенія оставимъ,
„ пускай тогда дѣлаетъ Богъ, что святой
„ волѣ его угодно. Что же я на сраженіи само-
„ лично присутствовать намѣренъ, о томъ
„ васъ, друзья мои, прошу не сомнѣваться. Ибо
„ мнѣ нынѣ или жить, или умереть должно;
„ одолѣвая, желаемаго достигаю; умирая,
„ исполняю то, что велитъ моя должность.

„ Не остается ужѐ мнѣ ничего говорить
„ болѣе, токмо, дабы всякъ наблюдалъ и
„ дѣлалъ то, чего долгъ требуетъ, помня,
„ что онъ Римской солдатъ, и творитъ брань
„ за вольность своего народа; естьли ужѐ мы
„ до того дошли, что болѣе насъ немногія
„ дѣла, нежели многія слова воспользуютъ.
„ Ибо о сохраненіи мира языкъ разсуждаетъ,
„ но ко отправленію войны мечь служитъ.„

Выговоривъ сіе Граціанъ, по прошествіи трехъ дней вступилъ въ бой, самъ предводительствуя наономъ. Сраженіе отъ обѣихъ сторонъ происходило съ жестокостію и кровопролитіемъ, но напослѣдокъ Граціанъ одержалъ надъ непріятелемъ побѣду, и порубили болѣе тритцати тысячь Галловъ и Герман-

манцовъ, хотя на ополченіи томъ не вящше пяти тысячь Римлянъ находилося. Ибо то токмо воинство спасается не вредно, которое волѣ Божіей благопріятно бываетъ.

Отъ сего Государя всѣ Государи примѣръ брать должны, помышляя, сколь полезно имъ быть истинными Христіянами; напротивъ же того коль безплодно на жестокихъ войнахъ и сраженіяхъ имѣть многочисленное воинство; и коль важно имѣть милостиваго Бога. Ибо сердце вящше ослабляютъ тайные грѣхи, нежели явные непріятели.

ГЛАВА ДВАТЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

О благочестнѣйшей Христіянской кончинѣ Князя Θеодосія, отца Великаго Θеодосія Императора. О Королѣ Измарѣ и Епископѣ Силпанѣ, истинныхъ и ревностныхъ Христіянахъ; такожъ о бывшемъ въ Иппонѣ соборѣ, и о узаконенныхъ на ономъ правилахъ.

Во время царствованія двухъ братьевъ, Валентиніана и Валенція, нѣкоторый тираннъ, именемъ Фирмъ, человѣкъ въ трудахъ весьма терпѣливой, и въ опасностяхъ крайне отважной, возмутя въ Африкѣ Маврскіе народы, самовольно сдѣлался Королемъ противъ Римской державы. Ибо черезъ чуръ дерзновенные почти всегда дѣлаются напослѣдокъ знатными тираннами. Когда же Фирмъ завладѣлъ всѣмъ онымъ царствомъ, употребя къ тому всякія добрыя и худыя мѣры; то не довольствуясь одною

одною областію Мавританіи, не токмо завоевалЪ превеликую часть Африки, но еще по примѣру Аннибала готовился итти вЪ Италію, намѣревая, хотя и сЪ потеряніемЪ жизни, титулЪ Римскаго Императора себѣ доставить: почему тотЪ славнѣйшимЪ и величайшимЪ почитается тиранномЪ, который ничего болѣе не затѣваетЪ, какЪ только грабить и отнимать чужое.

Но какЪ Римляне были во всемЪ осторожны и прозорливы, и довольно искусились вЪ свирѣпствѣ тиранновЪ, то опредѣлили немедленно собрать великую Армію, дабы оная пришедЪ вЪ Африку, бунтующееся усмирила царство, и притѣснила тиранна, сЪ толь строгимЪ отЪ Сената повелѣніемЪ, чтобЪ ни подЪ какимЪ видомЪ и договоромЪ не даровать его жизнію, которое предписаніе по истиннѣ было весьма справедливое: ибо для возмутителя общества самая легчайшая есть казнь лишеніе жизни.

БылЪ тогда вЪ Римѣ знаменитый мужЪ, родомЪ ИспанецЪ, лѣтами старой, и вЪ военныхЪ дѣлахЪ гораздо искусной, но при всемЪ томЪ однакожЪ не весьма богатой, именемЪ Ѳеодосій, который неложно доказывалЪ происхожденіе своей фамиліи отЪ Императора Траяна, и по той причинѣ вЪ великомЪ у РимлянЪ почтеніи находился. Ибо Римляне толь доброжелательны и благодарны пребывали кЪ своимЪ ГосударямЪ, что всѣ отЪ крови храбрыхЪ и добродѣтельныхЪ ИмператоровЪ ведущіе

дущіе начало всегда почтеннѣйшими въ городѣ считались. А поелику Θеодосій былъ довольныхъ лѣтъ, украшенъ сѣдинами, знатенъ по крови, и весьма знающъ въ дѣлахъ военныхъ; то Императоръ Валентиніанъ и весь Сенатъ единогласно избрали его ко отправленію Африканскаго похода, которымъ выборомъ какъ самъ онъ, такъ и весь народъ Римскій былъ доволенъ. Ибо Θеодосій веселился, что его посылаютъ противо Тиранна; а народу радостно было, что толикаго войскъ своихъ имѣлъ предводителя.

И такъ отправясь изъ Рима Θеодосій, не за долгое время прибылъ въ многолюдной и купеческой Африканской городъ Бону, и чуть только высадилъ на берегъ солдатъ своихъ, то немедленно вышелъ ему на встрѣчу съ войскомъ Фирмъ. Тамъ когда между собою одни для нападенія, а другіе нападенія же ради и защищенія лагерями расположились, частыя между войсками сраженія, и многіе съ обѣихъ сторонъ происходили уроны; такъ что тѣ, кои нынѣ были побѣждены, вдругъ дѣлались побѣдителями; и кои теперь побѣдили, тѣ вскорѣ сами были побѣждаемы. Ибо въ долговременной войнѣ обыкновенно бываютъ разныя перемѣны счастія. Напослѣдокъ, когда Θеодосій превозмогши одержалъ побѣду, Фирмъ ушелъ въ крѣпчайшій Мавританскій городъ Обелискъ: но какъ и онаго Θеодосій жесточайшимъ доставалъ приступомъ, и чуть ужѐ было не взялъ; то Фирмъ, чтобъ живымъ не

по-

попасться въ полонъ непрїятелю, собственными умертвилъ себя руками. Ибо гордыя сердца лучше желаютъ умереть въ свободѣ, нежели жить въ плѣнѣ.

А поелику въ то время Валенцій Императоръ волшебною хитростію прилѣжно испытывалъ, кто имѣетъ воспрїять его Имперію, и нѣкоторая волшебница по дїавольскому вдохновенію сказала, что вступитъ на престолъ его тотъ, въ чьемъ имени будутъ переднія буквы Ѳ. Е. О. Д, то приказалъ онъ со всякимъ тщаніемъ сыскивать имена, коихъ начало тѣми изображалось писменами, и нащедши *Ѳеодотовъ, Ѳеодоровъ и Ѳеодосіевъ*, всѣмъ, сколько ни называлось такими именами, велѣлъ рубить головы, къ которому убивству подало причину то, что Валенцій по своему злонравію и беззаконію опасался, дабы за жизни съ престола не быть низверженнымъ. Ибо свирѣпый Государь непрестанно питаетъ въ сердцѣ своемъ страхъ и подозрѣніе.

Когда же славнѣйшій Полководецъ Ѳеодосій истребилъ ужѐ, какъ выше сказано, Фирма тиранна, и всю Африку паки присоединилъ къ Имперіи Римской, то оклеветанъ, якобы тайныя чинилъ злоумышленія на Императора, и будто бы затѣвалъ получить Императорскую корону: чего ради Валенцій осудилъ его на смертную казнь, и не выслушавъ никакихъ оправданій, безъ всякаго въ томъ доказательства и изобличенія велѣлъ отсѣчь ему голову. Ибо Государи, слѣдующіе единому своенра-

нравію, думаютъ, что они въ дѣлахъ, требующихъ правосудія, никакимъ не подвержены законамъ. Ѳеодосій извѣстясь о осужденіи своемъ на смерть, пригласилъ изъ Карѳагена Епископа, прося отъ него святаго крещенія, которое получа, и облекшись вѣрою во Христа, добровольно простеръ голову свою палачу на отсѣченіе. Всѣ утверждали, что сей толь жалостный и печальный ударъ послѣдовалъ Ѳеодосію безъ всякой его винности, и что Императоръ приговоривъ его къ тому неправедно, поступилъ въ семъ случаѣ тиранскимъ образомъ. Понеже незлобіе добродѣтельнаго мужа бодетъ глаза беззаконному и злонравному человѣку.

Просперъ въ лѣтописяхъ повѣствуетъ, что Ѳеодосій передъ воспріятіемъ крещенія, говорилъ крещающему его Епископу: „именемъ „создавшаго насъ Творца, и распятаго Іису„са, прошу тебя и молю, святый Епископъ „Рогеръ, возлей на меня воду святаго кре„щенія! Понеже я далъ обѣтъ быть Христі„яниномъ, естьли бы Христосъ даровалъ мнѣ „надъ тиранномъ непріятелемъ моимъ побѣ„ду. А какъ я оную воспріялъ отъ десницы „его, то и обѣщаніе теперь исполню. Ибо „мы обѣщанное по нуждѣ, добровольно испол„нять обязаны. Соболѣзную сердечно, что „на упражненіе въ Христіянствѣ короткое „остается мнѣ нынѣ время. Но поелику не„обходимость ужè того требуетъ, я за Хри-

„ста проливаю жизнь, и въ милосердыя руки „его предаю духъ мой.

„Оставляю я по себѣ соименнаго мнѣ сына Ѳеодосія; и ежели не обольщаетъ меня „отеческая любовь, уповаю, что онъ будетъ „юноша храброй и человѣкъ разумной. Молю „тебя, святый Епископъ, просвѣтивъ его кре„щеніемъ, потщись рачительно премудростію „твоею наставить и въ догматахъ Христіян„скія вѣры. Понеже, естьли будетъ онъ ис„тиннымъ Христіяниномъ, безъ сомнѣнія, „съ помощію благодати Божіей, учинится въ „Имперіи великимъ и знаменитымъ мужемъ.„ Сей Ѳеодосій, былъ отецъ Великаго Ѳеодосія Императора; и какъ отецъ былъ усердной Христіянинъ, то сынъ еще усерднѣйшимъ Христіяниномъ оказался. По прошествіи же не многихъ лѣтъ послѣ того, какъ Валенцій велѣлъ умертвить Ѳеодосія, довелъ его праведный судъ Божій до того, что и самъ онъ убитъ отъ Готовъ. Ибо праведно тотъ лишается жизни, кто неправедную смерть другому наноситъ.

Руффинъ во второй книгѣ Исторій повѣствуетъ, что послѣ того, какъ Воевода Ѳеодосій принудилъ Фирма тиранна къ смерти, и Валенцій Императоръ истребивъ Ѳеодосія, погибъ и самъ отъ рукъ Готскихъ; Римляне поставили въ Африкѣ Королемъ благочестивѣйшаго Христіянина Измара. Въ то время, сирѣчь въ лѣто отъ начала Христіянства триста семдесятъ седмое, былъ въ великомъ городѣ

родѣ Карѳагенѣ Епископъ, именемъ Сильванъ, мужъ святаго житія, и весьма искусной въ священномъ писаніи и свѣтскихъ наукахъ. И понеже Король былъ толь правосудной, и Епископъ толь добродѣтельной, то по сей причинѣ церьковь тамъ весьма процвѣтала, общество находилось въ благоденствіи и наилучшемъ порядкѣ, и вся Африка пребывала въ глубочайшей тишинѣ и спокойствіи. Ибо междоусобныя брани чаще раждаются отъ гордости властей, нежели отъ непослушанія подчиненныхъ. А какъ святый Епископъ и благочестивѣйшій Король, не токмо въ своемъ времени показывать подданнымъ добрыми дѣлами примѣръ, но и предбудущимъ вѣкамъ оставить полезные и спасительнце законы желали, то учредили соборъ въ столичномъ городѣ Иппонѣ, созвавъ на оной всѣхъ Епископовъ Африканскихъ, на которомъ и самъ Король съ государственными присутствовалъ Вельможами. Ибо на древнихъ соборахъ не точію царствъ тѣхъ Государи, но и всѣ Министры и Вельможи ихъ засѣданіе имѣли. Изъ многихъ же узаконенныхъ тамъ, по повѣствованію Руффинову, преизящнѣйшихъ правилъ, нѣкоторыя здѣсь предложить почелъ я за нужно; дабы могли изъ оныхъ усмотрѣть Государи, что въ прешедшія времена Государи были усерднѣйшіе ревнители Христіянскія вѣры.

Уставы Иппонскаго собора.

На святомъ Иппонскомъ соборѣ, гдѣ вопервыхъ православный Король Измаръ присут-

суптствовалЪ, и благочестивѣйшій ЕпископЪ СильванЪ имѣлЪ предсѣданіе, узаконено было слѣдующее: „ Во всемЪ томЪ, что учреждается, „ опредѣляемЪ часть голоса Королю, и равную „ онаго часть собору. Ибо вЪ таковыхЪ дѣй„ ствіяхЪ весьма справедливо Царскому Вели„ честву быть предпочтенну, токмо сЪ тѣмЪ, „ дабы и власть церьковная силы своей не „ теряла.

„ Узаконяемъ на всякое третье лѣто, „ всѣмЪ ЕпископамЪ, ИгумнамЪ и Намѣстни„ камЪ царства нашего сЪѣжжаться на про„ винціальной соборЪ, и на ономЪ разсуждать „ не о свѣтскихЪ злоключеніяхЪ, но испыты„ вать о худомЪ правленіи церькви, и прочая.

„ УстановляемЪ, и всѣхЪ властей насто„ ящихЪ и впредь будущихЪ увѣщаваемЪ и про„ симЪ, чтобЪ онѣ вЪ государствѣ намѣревая „ составить соборЪ, прежде насЪ о томЪ увѣ„ домляли, дабы иногда подЪ видомЪ свята„ го собора не произошло подозрительныхЪ умы„ шленій.

„ УчреждаемЪ, дабы впредь Государи и „ Вельможи обязаны были на святыхЪ соборахЪ „ купно со освященными Епископами имѣть „ присутствіе.„ Понеже справедливѣе имЪ искореняя еретиковЪ, пріобрѣтать дущи, нежели рыскать по полкамЪ на сраженіи, гдѣ жизнь отЪемлется у человѣка.

„ ПостановляемЪ, чтобЪ Государь, кото„ рый не пріидетЪ на соборЪ, оставя оной „ лѣности ради, даже до будущаго собора до-

„ пу-

„пускаемъ не былъ къ пріобщенію святыхъ „таинъ. Будеже онъ не за лѣностію, но по „злобѣ и ненависти быть на ономъ не по„желаетъ, то опредѣляемъ поступать съ „нимъ, яко съ подозрительнымъ въ святой „православной вѣрѣ.„ Ибо статься не возможно, чтобъ тотъ Христіянинъ, который грѣшитъ побужденіемъ совершенной злобы, хорошаго былъ о святой вѣрѣ мнѣнія.

„Установляемъ, чтобъ прежде засѣданія „на соборѣ, Епископы собравшись, сперьва „совокупно, потомъ каждый порознь, велегласно воспѣвали Символъ Никейской; а по „окончаніи того и самъ Король, падши на „колѣни, то же громкимъ произносилъ голо„сомъ.„ Ибо, ежели Государь подозрителенъ въ святой православной вѣрѣ, статься не возможно, чтобъ подданные его православными Христіянами были.

„Опредѣляемъ, чтобъ на соборѣ первен„ствующіе Архіереи имѣли свободу увѣщавать „Короля о его должности, такожъ и самъ Ко„роль воленъ былъ говорить собору то, что „заблагоразсудитъ; дабы какъ перьвосвящен„ники свободно обличали царское въ искорене„ніи еретиковъ изъ области своей нерадѣніе, „такъ равнымъ образомъ и Король первопре„стольныхъ пастырей въ стражѣ овецъ ихъ „за лѣностное дреманіе порицать могъ сво„бодножъ.„ Ибо конецъ соборовъ не иной быть долженъ, какъ точію прешедшихъ погрѣш-

грѣшностей исправленіе, и предварительное будущихъ неустройствъ врачеваніе.

„Узаконяемъ, чтобъ всѣ Африканскіе „Государи, прежде начатія другаго какого „либо государственнаго дѣла, рано поутру „со вниманіемъ слушали божественную ли„тургію; гдѣ съ ними вмѣстѣ всѣ Вельможи „и Совѣтники ихъ, коимъ въ совѣтѣ съ Го„сударями засѣдать и онаго соучастниками „быть надлежитъ, присутствовать должны.„ Ибо не можетъ дать добраго совѣта та тварь, которая не призвала и не пригласила прежде въ совѣтъ Творца своего и Зиждителя.

„Установляемъ, дабы Архіепископы, „Епископы, Архимандриты и Игумны, во „время продолжающагося собора ежедневно „исповѣдывались, и всенародно отправляли „литургію, также одинъ изъ нихъ слово „Божіе проповѣдывалъ народу.„ Ибо ежели каждый священноначальникъ, будучи въ своей пасствѣ одинъ, обязанъ показывать собою доброй примѣръ и наставленіе народу; то кольми паче дѣлать сіе должно собраннымъ всѣмъ вмѣстѣ?

„Узаконяемъ, чтобъ Государи всемѣрно „старалися оказывать подчиненнымъ доброй „собою примѣръ, и наипаче во всѣ празднич„ные дни исповѣдывались, пріобщались, и „божественную службу съ благоговѣніемъ слу„шали.„ Ибо великимъ претыканіемъ и соблазномъ было бы для подданныхъ, ежели бы примѣтили они, что Государь, который дру-

другихъ пороки исправлять долженъ, самъ никогда не исповѣдается, и святымъ не прїобщается тайнамъ.

„ Установляемъ, чтобъ Государи, во время трехъ главнѣйшихъ праздниковъ посѣщали митрополитскія церкви, и въ семъ „ случаѣ, буде не воспослѣдуетъ какое препятство, отправлялъ литургїю самъ Архїепископъ, и по прочтенїи имъ святаго Евангелія, Государь громкимъ голосомъ говорилъ „ Никейской символъ вѣры. „ Понеже добродѣтельные Государи, не сердцемъ токмо вѣровать во Христа, но и устами въ присутствїи подданныхъ своихъ исповѣдывать его должны.

„ Узаконяемъ, Государю не имѣть при „ дворѣ своемъ болѣе двухъ Епископовъ, одного исповѣданія ради, а другаго для проповѣди слова Божія, коихъ назначать соборъ долженъ старѣйшихъ лѣтами и мужей добродѣтельныхъ; по прошествїи же двухъ лѣтъ „ немедленно на ихъ мѣста другїе определены да будутъ. Понеже нѣтъ ничего безобразнѣе, какъ церьквѣ долговременно лишаться пастыря „.

Глава дватцать осьмая.

Наилучше обществу не отъ многихъ, но отъ одного Государя быть управляему; и нѣтъ смертельнѣе врага обществу, какъ тотъ, который затѣваетъ въ немъ многоначальство.

Часто я самъ съ собою разсуждалъ: естьли промыслъ божественный все въ равномъ числѣ, равномъ вѣсѣ, и равной мѣрѣ творитъ и располагаетъ; и отъ него, а не другимъ кѣмъ либо всѣ управляются твари; и когда паче всего не взираетъ Богъ на лица, то для чего онъ, однихъ богатыми, другихъ убогими; сихъ мудрыми, тѣхъ несмысленными; иныхъ здоровыми, другихъ немощными; сихъ счастливыми, тѣхъ бѣдными; иныхъ рабами, другихъ властелинами дѣлаетъ? Чуднымъ никому пусть не кажется сіе мое удивленіе: ибо различіе степеней есть источникъ всѣхъ между человѣками несогласій и смятеній. Мнѣ разсуждая по человѣчеству, кажется было бы лучше, ежели бы всѣ въ одинакомъ одѣяніи, и въ равной силѣ находилися; и естьли бы никто не имѣлъ болѣ другаго, но всѣ одною и тою же довольствовались пищею, искорененивъ во все сіи два нарѣчія: повелѣвать и повиноваться. Понеже однихъ бѣдность, а другихъ благоденствіе истребивши, вѣрно говорю, зависти въ мирѣ нималѣйшаго не осталосябъ мѣста.

Но

Но отложа человѣческой разсудокъ, когда сравнимъ оной съ божественнымъ разумомъ, вопрошаю: чей разумъ домыслиться можетъ, для чего изъ двухъ родныхъ братьевъ, Іакова сирѣчь и Исава, кои оба были сыны святѣйшихъ родителей, божественный промыслъ одного избралъ, а другаго возненавидѣлъ; того господиномъ, а сего рабомъ содѣлалъ; старѣйшаго отвергнулъ, а юнѣйшему лѣтами даровалъ наслѣдить первородство? Что же сдѣлалось надъ Іаковомъ и Исавомъ, то самое и съ прочими Іаковлими сыновьями и Іосифомъ учинилося; которые хотя всѣ одного отца дѣти, всѣ братья и Патріархи, и всѣ равные и избранные были между собою; положилъ однакожъ и опредѣлилъ Богъ, дабы прочіе одиннатцать братьевъ младшему Іосифу служили и повиновались. Подлинно, противно сіе было ихъ волѣ; но всѣ замыслы и ухищренія не помогли имъ нимало. Ибо не въ силахъ злоба человѣческая превратить то, что божественный устрояетъ промыслъ. Чему иному научаютъ насъ повседневные опыты, кромѣ что составляемое человѣческимъ разумомъ судьбы Божія мгновенно крушатъ и разсыпаютъ? Да и въ самомъ дѣлѣ опредѣленіе сіе было не худое, но самое наилучшее. Ибо человѣкъ, по человѣчеству, рѣдко въ надлежащую цѣль попадаетъ; но Богу, яко Богъ есть, ни въ чемъ погрѣшить не возможно.

Много благодѣтельствуетъ Творецъ своему созданію, не гнушаясь исправлять дѣлъ его.

его. Но ежели бы во все оставилъ насъ Богъ на собственное произволенiе наше, совершенно былибъ мы тогда волѣ его противны. Онъ не безъ великой тайны устроилъ, что въ цѣломъ семействѣ одинъ старшинствуетъ хозяинъ; одинъ гражданинъ знатнымъ повелѣваетъ народомъ; цѣлая провинцiя одного имѣетъ начальника; одинъ Царь пространнѣйшимъ управляетъ государствомъ; и всего вящшее, одинъ Императоръ Монархомъ и обладателемъ вселенныя бываетъ.

По истиннѣ, все сiе такого свойства, что видимъ глазами, но не познаваемъ; слышимъ ушами, но не понимаемъ; выражаемъ языкомъ, но не разумѣемъ. Ибо человѣческой разумъ въ толь тѣсныхъ заключенъ предѣлахъ, что безконечно большее множество неизвѣстныхъ, нежели свѣдомыхъ ему вещей обрѣтается.

Когда Аполлонiй Ѳeанейскiй проѣхалъ большую часть Азiи, Африки и Европы, сирѣчь отъ устья рѣки Нила, къ которому приходилъ Александръ Великiй, даже до города Кадикса, гдѣ стояли Геркулесовы пирамиды; и напослѣдокъ прибылъ въ Ефесъ, то спросили его тамъ нѣкогда жрецы во храмѣ богини Дiаны: „что ему въ свѣтѣ удивительнѣе „всего показалось?„ Ибо тѣ, кои много видали, всегда одно передъ другимъ прилѣжнѣе замѣчаютъ. Хотя же Аполлонiй за вящшую себѣ похвалу вмѣнялъ дѣлать, нежели говорить, любопытствующимъ однакожъ на во-

просЪ отвѣчалЪ немедленно: „Извольте вѣ„дѣть, почтенные Жрецы богини Діаны, что „я прошелЪ Галлское, Британское, Испанское, „Германское, Италіанское, Лидійское, Еврей„ское, Греческое, Парѳское, Мидское, Фригій„ское, Коринѳское, и Персидское царства; и „паче всего неизмѣримое Индійское государ„ство, которое я всѣхЪ царствЪ царствомЪ „называю. Ибо одно только оно всѣхЪ купно „державЪ сильняе.

„Всѣ же сіи царства, повѣрьте, пре„многими вещьми, какЪ то: языками, людь„ми, животными, металлами, водами, тѣ„лами, обычаями, законами, землями, зда„ніями, платьями, пищею, и паче всего бо„гами и храмами, одно отЪ другаго разнят„ся. Ибо нѣтЪ вЪ Европѣ и Азіи толикаго „различія между языками, коликая между „храмами и богами обрѣтается разность.

„Но изЪ премножества видѣнныхЪ мною „вещей двумЪ только я дивился; первое, что „во всѣхЪ, кои прошелЪ, земляхЪ возмути„тельной миролюбивымЪ, гордой смиреннымЪ, „беззаконной праведнымЪ, трусливой велико„душнымЪ, и несмысленной мудрымЪ повелѣ„ваетЪ; паче же всего, что большіе тати „малыхЪ воровЪ на висѣлицу гоняютЪ. Во „вторыхЪ удивлялся я, что во всемЪ про„странствѣ онемЪ не могЪ найти ни одного „вѣчнаго человѣка, но всѣ суть смертные. „Государи сЪ Вельможами, равно какЪ и са„мые бѣдные крестьяне, одинакому концу

„под-

„ подвержены. Ибо многіе въ самой тотъ день, „ когда наипаче помышляли, что жизнь ихъ „ безъ малѣйшей течетъ опасности, принуждены бываютъ имѣть наслѣгъ свой въ темнотѣ гроба.„ Но не станемъ уже говорить мы ничего болѣе о судьбахъ Божіихъ, довольно и того, что Философъ сказалъ сіе весьма остроумно; ибо смѣхъ посмотрѣть, какъ люди управляются свѣтомъ.

Но да приступлю къ самому дѣлу, должно вѣдать намъ причину сего толь древняго устава, по которому хощетъ Богъ непремѣнно, дабы одинъ всѣми повелѣвалъ, и всѣ одному повиновалися. Понеже изъ всего того, что ни дѣлаетъ Богъ, нѣтъ ни одной вещи, которой бы причина, хотя намъ и неизвѣстна, безконечной премудрости его не была свѣдома. Въ семъ случаѣ, по Христіянству, говорю и утверждаю, что ежели бы праотецъ нашъ Адамъ единой заповѣди, данной ему отъ Бога въ Едемѣ, повиновался, конечно былибъ мы свободными и обладателями свѣта. Но понеже онъ не покорился одному запрещенію, то чрезъ то самое многимъ уже нынѣ подвергнулъ насъ законамъ. Словомъ, за ослушаніе его, передъ однимъ господиномъ учиненное, теперь мы толь многихъ властей рабы, и невольники пребываемъ.

О проклятой грѣхъ! по причинѣ коего вошло въ миръ рабство. Не могу удержаться отъ слезъ, намѣревая сказать, что въ то самое время, когда прародители наши рабами

грѣха учинилися, мы утратили господствованіе и обладаніе свѣта. Ибо, естьли духъ узами грѣховными связанъ, очень мало пользуетъ тѣлесная свобода.

Между училищами Пиѳагора и Сократа Философовъ великая была распря. Сократическая секта утверждала, что наилучше естьли бы все было общее, и всѣ человѣки въ равномъ состояніи находилися. Пиѳагорическая оспоривала, что всего лучше быть государству, гдѣ бы каждой человѣкъ имѣлъ собственное, и всѣ одному повиновалися. И такъ одни рабство принимали, а другіе именемъ начальства гнушалися. Демокритъ, хотя Пиѳагорической слѣдовалъ сектѣ, какъ Лаерцій въ девятой книгѣ о житіяхъ Философскихъ повѣствуетъ; разсуждалъ однакожъ, что для порядочнаго управленія народовъ, имена властителей и рабовъ искоренить должно: ибо тѣ жадничая пышно и гордо повелѣвать, а сіи мучительной ихъ власти не желая сносить, проливаютъ неповинную кровь, притѣсняютъ бѣдныхъ, погубляютъ знаменитые народы, истребляютъ Философовъ, и къ похищенію всего беззаконныхъ ободряютъ тиранновъ; всѣхъ же тѣхъ злоключеній возможнобъ избѣгнуть, естьли бы ни господствованія, ни рабства не было въ свѣтѣ.

Но не мѣшаетъ сіе намъ, по Философскому перьвой книги гражданскихъ дѣлъ въ пятой главѣ разсужденію, утвердить четырьмя доказательствами, отъ естества взятыми,

ми, что необходимо нужно между человѣками быть власти и послушанію. ПЕРЬВОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО берется отъ стихій простыхъ и смѣшанныхъ. Ибо искуство увѣряетъ, что для соединенія между собою стихій, и составленія сложнаго тѣла, надобно одной стихіи надъ прочими имѣть первенство. И такъ изъ опыта явно, что въ тяжелыхъ тѣлахъ водяная, огненная и воздушная стихіи подвластны; а земляная стихія преимуществуетъ, и противъ естества въ низъ оныя притягиваетъ. Естьли же благороднѣйшія стихіи подлѣйшей себя повинуются, для сложенія токмо смѣшаннаго тѣла, то гораздо справедливѣе есть, чтобъ всѣ люди для порядочнаго управленія общества одному добродѣтельнѣйшему повиновалися мужу.

ВТОРОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО пріемлется отъ души и тѣла; поелику въ естественномъ между собою ихъ союзѣ душа на подобіе госпожи повелѣваетъ, а тѣло, какъ рабъ, повинуется. Ибо тѣло безъ души, ни слышитъ, ни чувствуетъ, ни разумѣетъ; но душа безъ тѣла, все слышитъ, все чувствуетъ, и все разумѣетъ. И для того разсуждаетъ Философъ, что самое естество мудрымъ людямъ надъ всѣми прочими власть опредѣляетъ. Ибо нѣтъ ничего безобразнѣе, какъ естьли въ обществѣ повелѣваютъ невѣжи.

ТРЕТЬЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО производится отъ животныхъ. Опытъ свидѣтель, что посредствомъ одного токмо превосходнаго ра-

зума многими звѣрьми человѣки обладают. И так весьма справедливо, дабы многіе человѣки, кои и самих звѣрей бывают хуже, от мудрых людей управляемы быть не отрекалися. Ибо полезнѣе обществу скотина, нежели человѣк несмысленный.

ЧЕТВЕРТОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО почерпается от жен, которыя хотя по образу Божію созданы, но Бог определил их во власть мужеску полу: сирѣчь, поелику большая часть из них меньше нежели мужья имѣют разума; то справедливость требует, дабы онѣ служили и повиновалися мужу, и совсѣм были его ниже. Естьлиж сіе так есть, то чего ради многим мущинам, кои гораздо менѣе женщин разсудка имѣют, не за великое почитать счастіе, чтоб один добродѣтельный муж повелѣвал ими?

Когда же человѣк по природѣ есть животное склонное к союзу, сирѣчь, к гражданскому произведен сожитію, а от гражданскаго сожитія раждается зависть, от зависти прозябает несогласіе, от несогласія происходит междоусобная брань, от междоусобной брани проистекает мучительское насиліе, от мучительскаго насилія разрушается общество, и по разрушеніи общества, всѣх жизнь опасности и бѣдствіям подвержена бывает; то по истиннѣ необходимо нужно, чтоб в каждом собраніи один управлял многими. Понеже никакое общество в добром порядкѣ быть не может, есть-

ли

ли не одинъ токмо добродѣтельной и разумной мужъ управляетъ онымъ. Многія вредности приключившіяся древнимъ народамъ, довели напослѣдокъ ихъ до того, что стали они въ своихъ обществахъ всѣ одному повиноваться. Мы видимъ, что въ воинствѣ всѣ одному Полководцу, на кораблѣ всѣ одному кормчію, въ монастырѣ всѣ одному начальнику, въ церьквѣ всѣ одному Епископу, и въ ульѣ всѣ пчелы одной маткѣ повинуются. Когда же пчелы не бываютъ безъ Царя въ ульѣ; то несправедливо человѣкамъ быть безъ Царя въ обществѣ; инакожъ въ пчельномъ ульѣ довольнобъ было сладкихъ сотовъ, а въ человѣческомъ обществѣ безъ числа накопилось бы горькой желчи; слѣдовательно тѣ, кои въ обществѣ Царя не пріемлютъ, онъ трутней, въ ульяхъ безъ трудовъ медъ пожирающихъ, ни чѣмъ не разнятся. Чего ради всякъ единовластіе отметающій, яко врагъ общаго добра, изъ собранія человѣческаго, кажется, изверженнымъ быть достоинъ. Ибо нѣтъ смертельнѣйшаго врага обществу, какъ тотъ, который многовластіе въ немъ затѣваетъ.

Естьли же въ обществѣ одинъ за всѣхъ печется, и всѣ одного повелѣній слушаютъ; то почитается Богъ, умножается народъ, преимуществуютъ добродѣтельные, укрощаются беззаконные, и притѣсняются тиранны. Ибо въ многолюдствѣ никогда не можетъ быть согласіе; ежели они или не многимъ, или

одному не отдадутъ себя въ управленіе. Сколько царствъ и народовъ по той причинѣ, что законнымъ повелѣніямъ Государей своихъ послушны быть не восхотѣли, мучительную свирѣпыхъ тиранновъ власть и жесточайшія понесли насилія. Ибо тѣ, кои кроткихъ Государей возгнушались Скиптромъ, терпѣть бичь лютыхъ тиранновъ весьма достойны.

Съ начала вѣковъ имѣлъ, нынѣ имѣетъ, и впредь имѣть будетъ свѣтъ, кому повелѣвать, и кому повиноваться; кому царствовать, и кому быть подданнымъ; кому управлять, и кому быть управляему; да и никто пусть не мнитъ, что онъ въ настоящемъ мирѣ свободенъ. Ибо даже до нынѣшняго дня не видали еще ни Государя, ни Вельможу, который бы подъ симъ не стеналъ игомъ.

Того ради всѣхъ любящихъ добродѣтель увѣщаваю, прошу и молю, стараться быть вѣрными рабами; дабы всѣ мы удостоились имѣть милосердныхъ Государей. Понеже обыкновенно бываетъ, что злой Государь подданнаго измѣнникомъ, и непослушной рабъ господина дѣлаетъ тиранномъ; слѣдовательно во власти подданныхъ наипаче зависитъ, чтобъ Государи ихъ были добрые, или злые. Ибо нѣтъ ни одного толь кроткаго Государя, который бы подданному всегда умалчивалъ за злодѣйство; и нѣтъ ни одного толь злонравнаго властелина, который бы нѣкогда не почувствовалъ добродѣтели.

Часто

Часто посылалъ Богъ Имперіямъ Монарховъ, царствамъ Королей, провинціямъ намѣстниковъ, землямъ владѣтелей, и церьквамъ пастырей, не такихъ, каковыхъ требуетъ доброе управленіе подчиненныхъ; но какихъ множество грѣховъ заслуживаетъ. Ибо видимъ мы, что иногда такіе въ церьквахъ попеченіе душъ имѣютъ, кои и овецъ пасти на горахъ не достойны были. Истинну сію утверждаетъ самая вещь, понеже такіе не управляютъ, но возмущаютъ; не покровительствуютъ, но повреждаютъ; не ополчаются противо враговъ, но въ руки предаютъ имъ неповинныхъ; такіе, говорю, суть не Судіи, но мучители; не милосердные отцы, но лютые испытатели; не узаконители добрыхъ обычаевъ, но искоренители правосудія; не хранители законовъ, но изобрѣтатели доходовъ; не возбудители къ добронравію, но творцы всякаго безчинія и мерзости. Словомъ: злонравныхъ правителей и пастырей, не яко надзирателей своихъ законовъ, но яко мстителей и истязателей грѣховъ нашихъ Богъ поставляетъ.

ГЛАВА ДВАТЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Ни что пагубнѣе не бываетъ обществу, какъ частыя перемѣны Государей; такожъ, что спокойнѣйшее и безопаснѣйшее есть состоянiе рабовъ, нежели Великихъ Государей и Князей.

Священное писанiе книги первыхъ царствъ въ 8 главѣ повѣствуетъ, что Пророкъ Самуилъ состарѣвшись поставилъ правителями сыновъ своихъ Iоиля и Авiю. Ибо родители, естественною любовiю будучи побуждаемы, желаютъ оставить по себѣ дѣтей своихъ въ чести и славѣ. А какъ имѣли пребыванiе, и давали судъ сыны Самуиловы въ городѣ Вирсавѣ, крайнемъ углу Iудейскаго царства, и старикъ между тѣмъ для житья переселился въ Рамаѳу; то всѣ Вельможи и начальники Израильскаго народа скучась тѣмъ правленiемъ, съѣхались и опредѣлили отправить къ Самуилу посольство, назнача къ тому изъ Синагоги лицъ старѣйшихъ. Ибо въ древнiя времена люди толь осторожны были, что къ отправленiю важныхъ государственныхъ дѣлъ никогда юношъ не употребляли.

Посланные старѣйшины прiѣхавъ въ Рамаѳу, слѣдующимъ образомъ говорили Самуилу: „Понеже ты состарѣвшись, за глубокими „сѣдинами править народомъ не можешь; то „яко милосердной отецъ любя дѣтей, препоручилъ правленiе царства сыновьямъ своимъ. „Но вѣдай, что сыны твои во все уклонясь „къ

„ къ сребролюбію, дароприношенія отъ тяжу-
„ щихся взимаютъ, и многое убогимъ дѣлаютъ
„ неправосудіе. Сего ради поставь намъ Ца-
„ ря, который бы управлялъ нами, и предво-
„ дительствовалъ на брани нашей. Ибо не
„ Судей ужѐ, для разбирательства споровъ, но
„ Царя, для обороны отъ непріятелей, мы
„ желаемъ.

Выслушавъ Самуилъ требованія посланниковъ, чрезвычайно пораженъ былъ словами старѣйшинъ Іудейскихъ, какъ по той причинѣ, что сыны его были злонравные, такъ и потому, что отъ правленія отрѣшить ихъ желали. И подлинно въ семъ случаѣ стыдиться и печалиться имѣлъ онъ справедливую причину. Ибо пороки и злодѣйства сыновни, суть острѣйшіе мечи сердцà состарѣвшихся родителей прободающіе. Видя же всѣхъ Евреянъ непремѣнно намѣревающихъ отрѣшить отъ правленія сыновей его, и вмѣсто того, что оные непрерывно до толѣ процвѣтали честію, вѣчному подвергнуть безславію, не обрѣталъ лучшаго къ утѣшенію средства, какъ точію жалостные о обидѣ своей возносить къ Богу гласы.

Богъ услыша вопль его, проглаголалъ ему во отвѣтъ сіи слова: „ Не печалься Самуилъ
„ о учиненной тебѣ отъ народа моего обидѣ.
„ Они требуя Царя, не тебя презираютъ,
„ но моимъ гнушаются промысломъ. И не
„ дивись, что они сыновъ твоихъ за разврат-
„ ность и неправосудіе отчуждаютъ, естьли и
„ меня

„ меня Бога своего оставя, работаютъ и по-
„ клоняются бездушнымъ истуканамъ.

„ Поелику они непремѣнно требуютъ Ца-
„ ря, то дать имъ онаго я намѣренъ. Но
„ объяви ты имъ прежде царскую власть и
„ уставы, сирѣчь: Царь, котораго дамъ вамъ,
„ сыновей вашихъ купно съ колесницами и
„ коньми отъиметъ, и обременитъ ношені-
„ емъ тягостей и имѣній своихъ: тѣмъ еще
„ не довольствуясь, повелитъ имъ бѣгать на
„ путяхъ, и поставитъ въ сотники и тысящ-
„ ники на сраженіяхъ; сихъ употребитъ въ
„ землепашество и строеніе вертоградовъ;
„ другихъ къ жатвѣ и дѣланію военныхъ
„ орудій. Будете имѣть красныхъ и младо-
„ лѣтныхъ дщерей, но горестные плоды отъ
„ нихъ получите. Ибо Царь, котораго дамъ
„ вамъ, сдѣлаетъ ихъ мастотворительницами
„ къ врачевію ранъ уязвленныхъ на брани, и
„ приставитъ къ варенію царскихъ трапезъ
„ и смотрѣнію пищныхъ хранилищъ.

„ Естьли же Царь, котораго дамъ вамъ
„ съ сынами и дщерями вашими поступитъ
„ худо; то кольми паче хуже будетъ посту-
„ пать съ вашими имѣніями. Ибо самыхъ
„ лучшихъ, какіе имѣете, луговъ вашихъ по-
„ травитъ злакъ своими стадами; самыя луч-
„ шія въ виноградахъ вашихъ сорветъ гроз-
„ діе; самый лучшій изъ масличныхъ рощъ
„ соберетъ елей и маслины; и ежели кромѣ
„ того останется плодовъ на поляхъ вашихъ,
„ то не вамъ, но тѣлохранителямъ и оруже-

„ нос-

„ носцамъ своимъ взимать прикажетъ. И „ такъ совсѣмъ чужіе будутъ пользоваться „ плодами трудовъ вашихъ.

„ Сверьхъ того Царь, котораго дамъ „ вамъ, каждую десятую пшеницы вашей мѣ„ру, каждую десятую изъ вашего скота юни„цу, и каждую десятую стада вашего овцу „ отъ васъ истяжетъ. Словомъ: всѣхъ пло„довъ десятую часть и противъ воли вашей „ Царю давать принуждены будете.

„ Служеніемъ рабовъ и рабынь вашихъ „ больше будетъ пользоваться Царь, нежели „ вы сами. Онъ всѣхъ работниковъ нанятыхъ „ за ваши деньги, и всѣхъ воловъ, коими от„правляете на нивахъ вашихъ земледѣліе, „ отъиметъ и употребитъ на дѣланіе рощъ „ своихъ и вертоградовъ; и хотя вы будете „ имъ давать плату, но трудъ ихъ Царю по„служитъ. Все сіе, что сказалъ я, будетъ „ дѣлать Царь, котораго дать вамъ имѣю „.

Сія, изображенная мною Исторія, по истиннѣ не Овидіева баснь, ни Виргиліева Еклога, ниже Омирова выдумка; но изреченіе и слово Бога живаго и справедливаго, который ни обманывать, ни лгать не можетъ. О непостижимыя судьбы Божія! О невѣжество смертныхъ! Того, чего просимъ, что, на что, отъ кого, гдѣ и когда просимъ, не знаемъ; а сіе то самое многихъ злоключеній нашихъ единственною бываетъ причиною. Понеже въ выборѣ не обмануться, и прошеніемъ въ надлежащую, такъ сказать, цѣль помѣтить,

весь-

весьма рѣдкимъ удается смертнымъ. Просятъ Евреяне полезныхъ средствъ, но Богъ множайшія предлагаетъ имъ трудности; просятъ такого, который бы управлялъ ими, но Богъ даетъ имъ разорителя; просятъ Царя, но Богъ представляетъ имъ тиранна; просятъ такого, который бы оказывалъ имъ правосудіе, но Богъ угрожаетъ имъ мучительною властію; просятъ такого, который бы ихъ не грабилъ, но онъ сулитъ имъ обнажителя; просятъ такого, чтобъ дѣтей ихъ оставилъ въ свободѣ; но Богъ даетъ такого, которой бы вмѣсто невольниковъ употреблялъ ихъ. Наконецъ, Евреянамъ, помышляющимъ избавиться отъ Судей, кои брали добровольно приносимые подарки, далъ Богъ такого Царя, который бы насиліемъ уже взималъ оныя. О сколь прилѣжно, и сколь неусыпно надлежитъ молить Бога, дабы обществамъ Государей и церьквамъ пастырей даровалъ не по тягости беззаконій нашихъ, но по мѣрѣ неизреченнаго своего милосердія.

Платонъ въ первой книгѣ о законахъ повѣствуетъ, что по примѣру имѣвшихся въ Сикіонской республикѣ преизящныхъ узаконеній всѣ общества тѣхъ временъ съ крайнимъ прилѣжаніемъ наблюдали, дабы въ правленіи ихъ не было никакой перемѣны; которой уставъ, по истиннѣ, оные варвары хранили разумно, и Платонъ похвалилъ мудро. Ибо нѣтъ зловреднѣйшей обществу язвы, какъ повседневныя перемѣны. Истинну сію ясно до-

доказываетъ намъ примѣръ Евреянъ, кои будучи не спокойны сердцемъ различныхъ употребили образовъ правленія. Ибо сперьва управляли ими Патріархи, каковъ былъ Авраамъ, потомъ Пророки, каковъ былъ Мойсей; вскорѣ вожды, каковъ былъ Іисусъ Навинъ; послѣ того Судіи, каковъ былъ Гедеонъ; далѣе Цари, каковъ былъ Давидъ; по семъ великіе первосвященники, каковъ былъ Онія; напослѣдокъ, когда уже всѣ тѣ имъ не понравились, изволеніемъ Божіимъ въ руки тираннамъ Антіоху, Птоломею и Ироду попались; которое удовлетвореніе праведно возложилъ имъ Богъ по мѣрѣ беззаконій ихъ. Ибо весьма достойны были тѣ вкушать горестнаго въ Вавилонѣ рабства, кои въ собственномъ царствѣ своемъ Іудеіѣ вольностію наслаждаться не умѣли.

Впрочемъ, какой у мятежныхъ Евреянъ, подобной тому былъ и у гордыхъ Римлянъ видъ правленія; кои съ начала Имперіи имѣли Королей, потомъ Децемвировъ, послѣ того Консуловъ, по семъ Диктаторовъ, далѣе Ценсоровъ, вскорѣ Трибуновъ, къ концу Сенаторовъ, а напослѣдокъ пришли подъ власть Императоровъ. Всѣ сіи перемѣны и образцы правленія изобрѣтала Римская Имперія не для иной причины, какъ токмо, чтобъ вывѣдать не возможноль избавиться отъ чужей власти и рабства? Ибо въ семъ обстоятельствѣ толь гордые были Римляне, что любили смерть, съ вольностію соединенную; и не ненавидѣли

жизнь,

жизнь, съ рабствомъ сопряженную. Но какъ, изволенiемъ Божiимъ и опредѣленiемъ противной судьбины, Римляне въ цѣломъ свѣтѣ всѣхъ истреблять Царей и разорять царства ужѐ перестали; то сами внутри отечества Рима начали мучительнаго вкушать рабства.

По сей то причинѣ хотя во всѣ стороны мечутся сыны пщетнаго вѣка, рабы пилой перетираютъ свои кандалы, подчиненные общую нарушаютъ вѣрность, Вазаллы отвергаютъ послушанiе, подданные воздвигаютъ бунты, Короли прiобрѣтаютъ царства, и Императоры покоряютъ Имперiи; однакожъ желаютъ ли, или не желаютъ; первые и послѣднiе, великiе и малые, всѣ рабами признавать себя должны. Ибо непремѣнный есть уставъ, что до колѣ временную сiю жизнь провождаемъ, до толѣ во все никогда не можемъ сложить съ себя иго рабства.

Да и не воображайте себѣ Государи и знаменитые мужи, что вы, за пространствомъ и величествомъ власти вашей, оному игу рабства не причастны. Ибо гораздо несноснѣе, попеченiями и безпокойствами имѣть отягощенной духъ, нежели цѣпями скованную шѣю и ноги. Рабу, ежели доброй, ослабляютъ желѣзы; но Вы державные Государи и Князи, поколику больше, по толику тяжчайшими крушитесь печальми. Ибо Государь, который искренно о благоденствiи общества печется, ни на минуту спокойнаго духа имѣть не можитъ. Рабъ, пока живъ, надѣется увольненiя;

нія; но вамъ даже до смерти никакой свободы уповать не должно. На раба накладаютъ кандалы извѣстнаго вѣсу; но ваши печали умножаются безъ мѣры. Ибо смущенному духу тягостнѣе одинъ лотъ попеченій, нежели тѣлу десять пудъ желѣза.

Рабъ получа уединеніе, разбиваетъ, или пилой перетираетъ свои кандалы; но ваше сердце и въ уединеніи тревожатъ тысяча мыслей. Ибо уединенныя мѣста суть убѣжище и прохлада сердцамъ печальнымъ. Рабъ ежели услугою своею одного удовольствовалъ, то всѣмъ удовлетворилъ; но вы Государи, всѣмъ вдругъ угождать обязаны. Понеже доброй Государь одну только самую малѣйшую часть время своею почитать, и для себя употреблять, а прочее все къ общей пользѣ относить долженъ. Платонъ предписалъ, что самая меньшая часть Государя, Государевою быть должна. Ибо Государь, дабы весь свой былъ, ни одной доли самаго себя имѣть не долженъ. Рабъ утрудясь днемъ, спокойно и безпечально отдыхаетъ и спитъ ночью; но Государи наслушався во дни распрей и доносовъ, съ томными вздохами и ночь провождаютъ. Напослѣдокъ, рабъ, доброй ли или худой бываетъ, съ концемъ жизни его кончается купно бѣдствіе, и памяти по немъ не остается; но что сдѣлается по смерти съ бесчастнымъ Государемъ? Ибо, ежели онъ былъ доброй, вскорѣ забвенію предается добродѣ-

тель; буде же злонравной, то никогда не прекратится его безславіе.

ГЛАВА ТРИДЕСЯТАЯ.

Какимъ образомъ началось господствованіе тиранновъ. Когда, и для чего человѣки человѣкамъ повелѣвать и повиноваться стали.

Минуя стихотворческія исторіи и древнія выдумки, естьли желаемъ изъ священнаго писанія предложить истинну; то первой любовникъ въ свѣтѣ былъ праотецъ нашъ Адамъ, который не столько преступленія ради божественной заповѣди, сколько для того, чтобъ не оскорбить жену Евву, вкусилъ плода запрещеннаго; коего подражая нынѣ многіе о исправленіи поврежденной совѣсти не радятъ чрезъ долгое время, дабы однимъ точію днемъ женъ своихъ не видать въ печали. Первый такожъ былъ въ свѣтѣ человѣкоубійца Каинъ, и первый въ свѣтѣ умерщвленъ Авель; первый въ свѣтѣ былъ двоеженецъ Ламехъ; первый въ свѣтѣ былъ Енохія городъ, созданный на поляхъ Еленскихъ; первый въ свѣтѣ былъ музыкантъ Тубалькаинъ; первый въ свѣтѣ кораблеплаватель Ной; первый въ свѣтѣ тираннъ Немвродъ; превый въ свѣтѣ священникъ Мелхиседекъ; первый въ свѣтѣ Царь Амрафель; первый вождъ Мойсей, и первый въ свѣтѣ Императоръ именованъ Іулій Цесарь: ибо до того времени правящіе республикою назывались Консулами, Ценсорами и

и Диктаторами; а отъ Іулія Цесаря даже до днесь Императорами нарицаются.

Первое въ свѣтѣ сраженіе произведено было на дикой лесной долинѣ, коя теперь есть соленымъ моремъ. Ибо пространнѣйшая лощина, бывшая тогда живою землею, нынѣ перемѣнилась уже въ мертвое море. Не можетъ насъ обмануть священное писаніе, всякія преисполненное истинны; ибо изъ онаго явственно видимъ, что отъ созданія міра прошло тысяча восемь сотъ лѣтъ и чрезъ все то время никогда не стекалися народы творить брань между собою. Понеже сколь долго свѣтъ не имѣлъ гордости и зависти, столь долго и имя войны ему было не извѣстно. И такъ за полезно признаваю, во увѣщаніе Государямъ, и во удовольствіе любопытнымъ, изъяснить здѣсь причину первоначальнаго сраженія въ свѣтѣ; что слѣдующимъ дѣлалось образомъ.

Когда Варъ Царь Содомской, Версъ Царь Гоморской, Санеавъ Царь Адамской, Семиверъ Царь Сивоимской, и Валъ Царь Сигорской; сіи, говорю, пять Царей подвластны были Ходорлаомору Царю Еламитскому; то не хотя платить дани, и подданническаго приносить ему послушанія, всѣ отъ него отложились; чему дивиться не должно: ибо платящія дань царства всегда были къ мятежамъ склонны. Приключилось сіе отпаденіе на тридесятомъ году царствованія Ходорлаоморова; и немедленно слѣдующаго лѣта Амрафель Царь Синарской, Аріохъ Царь Понтской, и Ѳадалъ Царь

языковъ, соединясь всѣ вмѣстѣ съ Ходорлаомором, начали производить войну, и непріятельскія опустошать села. Ибо въ войнѣ заматерѣлое есть зло, что когда виноватымъ непріятелямъ учинить вреда не могутъ, вмѣсто того грабятъ и разоряютъ народъ неповинной.

Когда же одни нападенія ради, а другіе для обороны, построились къ бою; то сразились между собою непріятельскимъ сердцемъ, гдѣ наконецъ многочисленные побѣждены отъ не многихъ, и тѣ, кои были гораздо въ меньшемъ людствѣ, сдѣлались наипаче побѣдителями. Сіе попущеніемъ Божіимъ на первомъ ономъ сраженіи въ свѣтѣ учинилось для того, дабы изъ настоящаго примѣра познавали Государи, что противные на войнѣ случаи не изъ инаго источника, какъ точію отъ несохраняемой къ поднятію ея справедливости происходятъ. Понеже естьли бы Ходорлаоморъ, по примѣру предковъ, довольствуясь собственными границами, не нападалъ на царства обрѣтающихся подъ обороною его сосѣдей, и не привлекалъ ихъ въ свое подданство; то какъ оные не потеряли бы къ нему почтенія, такъ и самому ему съ ними воевать не былобъ нужды. Ибо отъ гордости однихъ, и жадности другихъ, проистекаютъ въ народахъ вражды.

Сказавъ мы о тѣхъ, кои первые ополчались за господствованіе; посмотримъ теперь на первое начало рабства, и извѣстноль было

въ

вЪ древнія времена хотя имя рабовЪ и властелиновЪ; и по согласію ли добродѣтельныхЪ мужей введено вЪ свѣтЪ рабство, или изобрѣтено чрезЪ спесь и тщеславіе тиранновЪ? Ибо одному повелѣвать, а другому повиноваться, есть новое нѣчто вЪ свѣтѣ. И такЪ первое вЪ свѣтѣ рабство отЪ первобывшаго вЪ свѣтѣ ловца звѣрей ведетЪ свое начало, какЪ о томЪ священное писаніе повѣствуетЪ; что учинилося слѣдующимЪ образомЪ.

ПатріархЪ Ной имѣлЪ трехЪ сыновей, Сима, Хама и Іафета, изЪ которыхЪ средній ХамЪ родилЪ Хуза, отца Немвродова. Сей НемвродЪ сдѣлался славнымЪ ловцемЪ дикихЪ звѣрей, и первый мучительски народами повелѣвать началЪ, озлобляя тиранствомЪ тѣла, и похищая насиліемЪ имѣнія; чего ради священное писаніе того, который возмущаетЪ и утѣсняетЪ людей, губителемЪ рода человѣческаго называетЪ. Ибо злаго житія человѣки всегда вредительны и тягостны обществу бываютЪ. ОнЪ научилЪ ХалдеянЪ покланяться огню; онЪ первый изобрѣлЪ совершенную власть, которой бы всѣ рабами себя признавали. Сей же проклятый тираннЪ прекратилЪ золотой вѣкЪ, вЪ коемЪ ни у кого и ничего собственнаго не находилося. Ибо древніе жизнь токмо собственную, а воли и богатства всѣ общія имѣли.

Великое есть зло, что тираннЪ самЪ по себѣ беззаконствуетЪ; но большій вредЪ, что возмущаетЪ свое государство; гораздо же тяжчай-

жчайшій, что искореняетъ добрые во отечествѣ законы; но всего зловреднѣе, что оставляетъ въ обществѣ одиножды навсегда введенной имъ худой обычай. Ибо весьма достоинъ такой вѣчнаго безславія, не за то токмо, что былъ между современнымъ ему народомъ золъ, но что потщился и въ предбудущіе вѣки имѣть своихъ подражателей.

Евсевій выводитъ повѣствованіе свое такимъ образомъ: что Немвродъ, по опустошеніи царства его моровымъ повѣтріемъ, переселился въ Италію съ восемью изрядными сыновьями, и состроилъ городъ Камезу, которая послѣ въ Сатурновомъ вѣкѣ слыла Валенціею, а наконецъ за Ромула названа, и нынѣ Римъ именуется. Естьлижъ сіе такъ есть, то и дивиться не должно, что въ древнія времена нападали и разоряли Римъ тиранны; поелику онъ и основателей своихъ толь славныхъ имѣлъ тиранновъ. Ибо какъ Іерусалимъ, дщерь Царей миролюбивыхъ въ Азіи, такъ напротивъ того Римъ былъ мать гордыхъ владѣтелей въ Европѣ.

Но исторіи язычниковъ, священнаго писанія не имѣвшихъ, иную введеннаго въ свѣтъ господствованія и рабства находятъ причину. Понеже идолопоклонники не токмо Творца вселенныя не познали, но и многимъ въ мірѣ вещамъ не вѣдали начала. Они говорятъ, что у Немврода тиранна между прочими находился сынъ, именемъ Вилъ, который первой былъ Царемъ въ Сиріи, изобрѣлъ въ свѣтѣ войну, осно-

основалъ Ассирійскую Монархію, и напослѣдокъ царствовавъ въ Азіи шесдесятъ пять лѣтъ, умре оставя всю вселенную въ замѣшательствѣ великихъ браней. И такъ первая въ свѣтѣ была Монархія Ассирійская, которая продолжалась тысячу триста два года, и имѣла перваго Царя Вила, и послѣдняго, на которомъ скончалась, Сарданапала; коего нашедъ въ женскомъ платьѣ на пряслицѣ между множествомъ наложницъ порфиру прядущаго умертвили: и по истиннѣ, онъ весьма достоинъ былъ толь безчестной смерти. Ибо Государю то, что предки его мечемъ пріобрѣтали, веретеномъ оборонять не прилично. У Немврода, какъ выше сказано, былъ сынъ Вилъ, который имѣлъ жену Семирамиду, мать Нина, воспріявшаго по отцѣ своемъ тиранскую власть и царство. Но мать и сынъ, аки бы не довольно было въ мучительскомъ насиліи упражняться, выдумали сверьхъ того новыхъ боговъ истуканы. Ибо человѣческая развратность скоряе злу отъ злыхъ, нежели добру отъ добрыхъ начатому послѣдуетъ.

Все сіе, что дѣдъ, отецъ, мать и внукъ съ ряду были идолопоклонники и воители, говорили мы съ тѣмъ намѣреніемъ, дабы великіе Государи и Князи разумѣли, что власть ихъ не отъ миролюбивыхъ и добродѣтельныхъ, но отъ гордыхъ и мятежныхъ людей имѣетъ свое начало. Пусть и заподлинно будетъ Немвродъ первый основатель тиранской власти; пусть сынъ его Вилъ первый изобрѣтатель бра-

браней; пусть Ходорлаоморъ первый начинатель сраженій; пусть другіе, коихъ не упоминаютъ исторіи, каждаго ли порознь, или всѣхъ вмѣстѣ возмемъ, къ премногимъ однакожъ они соблазнамъ и вредностямъ въ свѣтѣ подали причину. Естьлижъ сіе такъ есть, то по истиннѣ жестокаго нареканія достойна развратность наша: ибо дѣлать зло очень многіе сильны; но напротивъ того дѣлать добро весьма рѣдкіе могутъ.

Конецъ перпыя части.

